

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

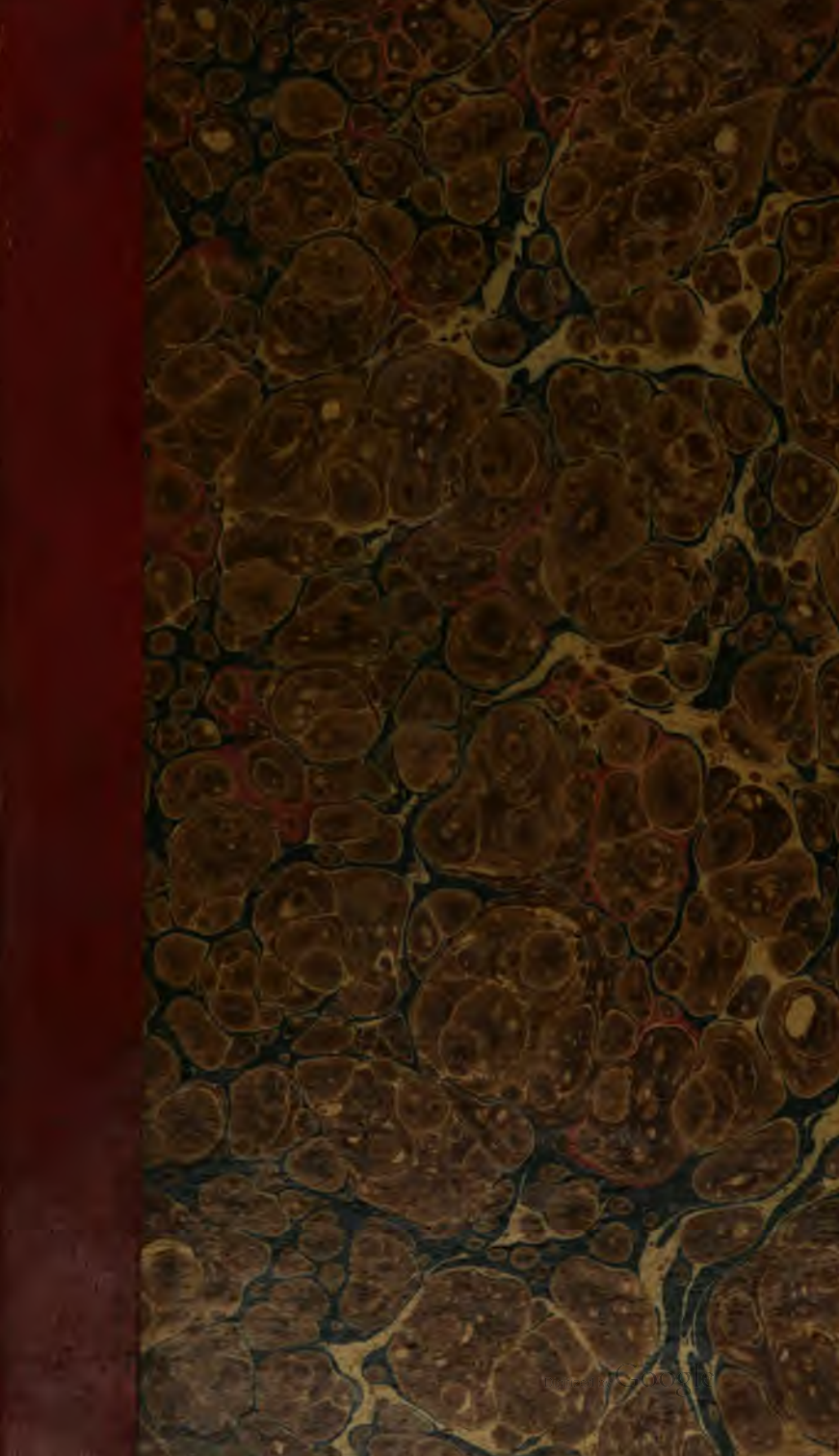
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

~~Room 6 (Window 2)~~
Vet. DK4.S276.085

~~Vet. Slav. Anna Bainsat 32~~

~~P. 2~~

1825

102 (13-16)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ;

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

И

Фаддеемъ Булгаринимъ.

ЧАСТЬ СТО С В Т О Р А Я.

2700 MAR 9

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1 8 2 5.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Сankтпетербургъ, Іюня 23 дня 1825 года.

*Цензоръ Статскій Советникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. № XIII.

I.

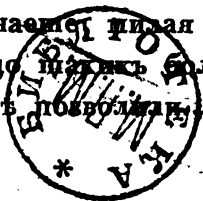
ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СКРЫТНАЯ ЛЮБОВЬ.

ПОВѢСТЬ Г-ЖИ ПИХЛЕРЬ.

Президентша Альмштейнъ вошла въ комнату къ дочерямъ своимъ, и сказавъ, что на будущей недѣль званы онѣ на блестящій балъ къ ***скому Посланнику, положила на столъ нѣсколько книжекъ моднаго Журнала, съ кошорымъ дѣвушкамъ должно было по-совѣтоваться о нарядахъ по сему случаю. Каролина, младшая, бросила шопчасъ работу, подскочила къ столу, и съ большимъ любопытствомъ пересмапривая рисунки, иное хвалила въ нихъ, другое находила смѣшнымъ, кое-что рѣшилась и выбрать. Безмолвно сидѣла подлѣ нее старшая сестра. „А ты что, Генриеша?“ сказала Президентша съ нѣкошорою досадою: „Развѣ ты не рада?“

— „Вы знаете, какая машушка, что я не охотница до модныхъ большихъ баловъ, и если бѣ вы мнѣ позволити...“

„Не дома ли оспашься? Пустое, сударыня! изволь ѳхашь. Знаю, что тебѣ нѣшъ охоты съ такимъ лицемъ являшься въ свѣшъ подлѣ Каролины, но для шого-шо и должно тебѣ ѳхашь, и шакже хорошо одѣшься, какъ она. Я не хочу, чшобъ говорили, будшо я дѣлаю различіе между своими дочерьми, и оспавляю тебя дома, пошому чшо шш дурна лицемъ.“

Она ушла. Ей хотѣлось доказатьъ свѣту, что она не дѣлаешъ никакого предпочшенія Каролинѣ, но свѣшъ не вѣрилъ ей. Съ малыхъ лѣшъ была Генріеша въ немилосши — загнанное, пренебреженное дшшя, и Богъ знаешъ, чшбъ бы изъ нея вышло, если бѣ, лѣшъ за десяшъ передъ шѣмъ, не взяла ее къ себѣ сесшра Президентшши, кошорая, оспавшисъ вдовою и не имѣя собшвенныхъ дѣшей, жила уединенно въ деревнѣ.

Тамъ воспитывалась Генріеша со всею рачшшельностію, необходимою при образованіи дѣвушки. Тешка ея, превосходная женщшна, имѣла самыя вѣрныя понятія о воспитаніи. Любя Генріешу какъ дочь, она снаралась замѣншъ въ ней недоспашокъ наружныхъ прелесшей полношю добрыхъ качешвъ души, образованіемъ ума и сердца. Генріеша знала сама, что лице ея слшшкомъ непривлекашельно; но въ деревнѣ, какъ пле-

мянница опрѣ всѣхъ уважаемой женщины, какъ дѣвушка, кошорая и по собственнымъ достоинствамъ была всѣми любима, могла ли она думать, чѣтобъ недоспашокъ красоны считался большимъ порокомъ, важнымъ препятствіемъ для достиженія въ свѣтѣ уваженія и счастья? Тетка умерла, и Президентъ взялъ дочь къ себѣ. Тутъ съ гореспнымъ чувствомъ увидѣла Генріеша, какъ высоко цѣнился даръ природы, неимѣющей никакого вліянія на истинное достоинство наше. Никто не замѣчалъ ея, когда появлялась она съ прекрасною своею сестрою; никто не говорилъ съ нею. Опчужденная, униженная пакимъ обращеніемъ — она не смѣла уже, или не хотѣла показывать преимущесствъ ума своего, кошорый бы можешъ бытъ обращилъ на ея сторону лучшихъ людей, увлеченныхъ общимъ очарованіемъ. Суровое обращеніе Президентши довершало эту глубокую скорбь, кошорая часто заставляла ея оплакивать вѣшайнѣ потерю несравненной шешки и проведенное у ней въ юности счастливое время.

Каролина, взлелѣянная любовью своихъ родителей, избалованная ласкою свѣтскихъ сродниковъ, умѣла однако сохранить въ себѣ доброту душевную. Она искренно предана была сестрѣ, но участью своей также не совсемъ была довольна. По водѣ опца и по

семеиспвеннымъ опшошеніямъ, назначался ей женихъ — родспвенникъ, котораго она знала еще въ дѣшспвѣ, а въ печеніе десяти послѣднихъ лѣтъ слыхала полько, что онъ Маіоръ, прекрасный собою мужчина и славный воинъ. Каролина была не шакъ образована, чшобъ ей могло мечшашься счастье во взаимной склонности умовъ и сердець, но она шрепешала при одной мысли, что ее заснавяшь вышши за человекъ, которъ, можешъ бышь, ей не понравившя. Сеспры плакали вмѣспѣ, ушѣшали другъ друга, и эпо сблизало ихъ, дѣдало одну для другой почти необходимою.

Президентъ Альмшшейнъ былъ послѣдній въ родѣ младшей линіи своего дома, которой спраннымъ случаемъ достпались всѣ права и владѣнія спаршей линіи. Его дѣдъ имѣлъ опѣ двухъ женъ двухъ сыновей, которыхъ онъ любилъ одинаково, какъ и машерей ихъ. Спаршій пошелъ въ военную службу и долго оставался въ ней, сколько по склонности, сполько же и пошому, чшобъ бышь подалѣ опѣ домашнихъ своихъ, съ которыми никогда не ладилъ. Служба достпавила ему любовь и уваженіе, въ которыхъ опказывали ему дома; по собспвенному достоинству достигъ онъ званія Генерала, но еще во цвѣшѣ лѣтъ и мужества, почувспвовалъ разныя немощи

ошъ опасныхъ ранъ и шягостныхъ походовъ, шакъ, что разспроенное здоровье предвѣща- ло ему или раннюю смерть, или преждевре- менную старость. О наслажденіяхъ супру- жеской жизни, о счасіи имѣшь дѣшей, онъ и не думалъ; и это побудило его мачиху подослать къ нему людей, копорые, подъ ви- домъ дружбы, умѣли вкрасѣся въ его довѣ- ренность, и уговорили наконецъ уступитъ все имѣніе младшему брату, для поддержанія Альмштейнова рода. Вскорѣ послѣ того умеръ отецъ, и младшій братъ всупилъ во владѣ- ніе всѣхъ богатствъ, а Генералу осшалось только одно помѣстье, гдѣ и поселился онъ, ведя скромную, покойную жизнь. Но это спокойствіе и сельскій воздухъ шакъ много способствовали улучшенію здоровья его, что онъ какъ будшо совсѣмъ переродился. На- шлась дѣвушка, копорой красота и кротость плѣнили его, и копорая безъ штруда согласи- лась раздѣлять съ нимъ, при небольшомъ имуществѣ, житейскія радости и печали. Старшій сынъ его избралъ для себя военное поприще, наследственное ошъ ошца; шакже и внукъ, шощъ самый Маіоръ, копорый на- значенъ былъ для Каролины. Въ арміи поль- зовался уже Маіоръ значительною славою, и Президенту Альмштейну очень хотѣлось совершитъ союзъ, долженствовавшій соеди-

нишь вновь объ семейственныхъ опрасли, и ввести старшую опять въ обладаніе обширнымъ имѣніемъ, котораго она лишена была почти полсходѣшя.

Напрасно старалась Каролина отклонить отца своего отъ намѣреній, которыя казались ей пагубными для ея счастья. Онъ былъ непоколебимъ, и съ такою заботливостью ожидалъ совершенія своего плана, какъ будто имѣлъ въ виду какія-либо тайныя причины, какъ будто бы собственное его спокойствіе отъ того зависѣло.

Время проходило. Къ концу осени Президентъ получилъ извѣстіе, что Маіоръ собирается взять отъпускъ и пріѣхать въ столицу, познакомиться съ своей невѣстой. Молва ему предшествовала: въ обществѣхъ говорили о Маіорѣ, какъ о прекраснѣйшемъ, благороднѣйшемъ храбрѣйшемъ офицерѣ; много анекдотовъ рассказывали о его мужествѣ и великодушіи. Столичные красавицы ждали его съ нетерпѣніемъ; хотя знали онѣ, что рука его уже предназначена, но это не мешало имъ строить различные планы.

Между тѣмъ еще съ большимъ нетерпѣніемъ, какъ и естественно, ожидали его невѣста и сестра ея; онъ одинъ былъ предметомъ ихъ тайныхъ, искреннихъ разговоровъ. Однажды, вечеромъ, у Президента было

многочисленное общество; вдругъ ошворяющіяся двери, и входящій молодой человекъ въ военномъ мундирѣ, съ орденомъ на груди. Прекрасное мужественное лице, благородная осанка и блестящій взоръ его были такъ привлекательны, что глаза всѣхъ, обратясь на него, невольно остановились. Съ непринужденностію, но скромно подошелъ онъ и подалъ письмо Президенту, который едва успѣлъ распечатать и взглянуть на подпись, какъ бросился обнимать молодаго человека съ непритворною радостію, а потомъ спалъ рекомендовавъ его женѣ и всѣмъ гостямъ, какъ племянника своего, **Маіора Альмшпейна.**

Каролина покраснѣла, увидѣвъ наконецъ человека, съ которымъ ей должно было соединиться неразрывными узами. Его появленіе не могло не понравиться, и взоръ ея обращался къ предмету общаго вниманія столь же часто, какъ и мать ея окидывала своимъ порожествующимъ взоромъ все собраніе, какъ будто желая сказать: „Смотрише на феникса, о которомъ такъ много возвѣщала молва, который еще болѣе общается своимъ присуществіемъ — онъ принадлежитъ предестной моей Каролинѣ.“

И Генріетинъ взоръ къ нему обратился, и въ то же мгновеніе сильное чувство по-

прясло всю ея внушренность. Такимъ представляла она себя совершеннаго мужчину! Въ подобныхъ чертахъ нерѣдко мечтался ей идеаль, соспавленный ея воображеніемъ! Она поблѣднѣла, вспомнивъ, что онъ женихъ сеспры ея, и когда всѣ радоспно шѣснились вокругъ него, она удалилась съ глубокою раною въ сердць. Бывъ едва замѣчена имъ, она въ уединенной своей комнашѣ, бросила гореспный взглядъ на зеркало — и слезы навернулись на глазахъ ея. Тупъ рѣшилась она убѣгать опаснаго чловѣка, сколько можешъ позволишь приличіе — чтобы еще болѣе не углубишь спрѣлы въ свое сердце.

Вскорѣ сдѣлался Маіоръ домашнимъ въ кругу своихъ родсшвенниковъ, и все, казалось, пошло по желанію. Лице Каролины привлекло его; неподдѣльная доброта ея ушвердила въ немъ искреннюю къ ней привязанность. Конечно замѣчалъ онъ въ ней недоспашокъ образованности, но по ея лѣшамъ могъ надѣяться, что успѣешъ переработашъ въ ней многое, когда она будешъ его женою. Легкомысліе, излишняя склонность къ нарядамъ и къ развлеченію — шакіе недоспашки, кошорые, какъ полагалъ онъ, скоро исчезнушъ, когда, узнавъ его хорошенько, найдешъ она пріятнѣйшую имъ замѣну въ любви къ нему и въ домашнемъ счастіи. Ему шакже не нрави-

лось преждевременное назначеніе союза ихъ, но теперь онъ уже не думалъ о томъ; привыкъ считать Каролину будущею спутницею своей жизни, и не чувствуя къ ней спраши, не полагая, чшобъ она была для него необходима, онъ былъ однако ошъ души ей преданъ, и съ эшимъ чувствомъ надъялся пройти пріятно поприще супружеской жизни.

Очень спраннымъ казалось ему обращеніе съ нимъ будущей его невѣстки. Изъ многихъ, крашкихъ разговоровъ, къ копорымъ онъ долженъ былъ почти вынуждать ее, сдѣлалось для него ясно, что она имѣетъ несравненно болѣе ума, болѣе образованности, болѣе швердости въ характерѣ, нежели сеспра ея; что сказывала ему Каролина о добростѣ души ея, ушверждало въ немъ еще болѣе принятое хорошее о ней мнѣніе, и онъ весьма уважалъ ее, почти еще не знавши. Но сколько ни спарался, не могъ сблизиться съ нею, — шакъ избѣгала она случая бытъ съ нимъ вмѣстѣ, а особливо съ нимъ однимъ.

И родители, замѣшивъ спраннысть ея поступковъ, говорили о томъ Генріетѣ. Она умѣла, подъ разными предлогами, извиняшь себя, и какъ ничто не могло перемѣнить ея въ эпомъ отношеніи, шо родители наконецъ спали думашъ, что она нишашъ

скрышную ненависць къ Маіору, или вообщѣ къ предназначенному браку, пошому чшо Каролинѣ давали большую часть имѣнія, а ей упрочена была только небольшая сумма денегъ.

Генріета очень оскорблялась такою несправедливою догадкою, но не старалась выводиться изъ заблужденія. Она готова была снести все, даже самую смерть, только бы не обнаружить несчастной страсти къ чловѣку, опредѣленному для сестры ея и довольно такому назначеніемъ. И Маіоръ спалъ наконецъ предполагавъ въ ней тайное къ себѣ ошращеніе, и какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ часто случаются разные недоразумѣнія, шо всѣ они, а особливо намѣки безразсудной матери, утверждали его въ такомъ мнѣніи.

Срокъ ошпуска, даннаго Маіору, кончился; надѣялись, чшо предстоящій походъ будетъ послѣдній, а пошому и свадьба ошложена была до мирнаго времени. Безъ горести, но съ истиннымъ умиленіемъ, просился онъ съ невѣстою, принялъ благословеніе родителей, нѣмой, но спраннымъ выразительный поклонъ Генріетѣ, и уѣхалъ.

Каролина, лишаась въ женихъ своемъ пріятнаго собесѣдника, сперва скучала, а пошомъ спала готовишь приданое, и эшо очень

ее заняло. Генриета, какъ и всегда, была оптимивно шиха; но съ шого времени и домъ, и весь свѣтъ какъ бы для нея опустѣли. Она шрепешала при каждой вѣсти о войнѣ; газетны и ландкаршны сдѣлались любимыми предметами ея заняшій; она блѣднѣла, когда получалось письмо отъ Маіора, и примивно шревожилась, когда не было писемъ долѣе обыкновеннаго. Родители, для которыхъ казалась она всегда непоняшною, не понимали ее и въ эшомъ случаѣ; называли ее спранною, смѣшною; мало по малу привыкли къ эшимъ спранностямямъ, и наконецъ ошавили ее въ покоѣ. Того шолько она и желала.

Весною Каролина занемогла; болѣзнь сдѣлалась очень значительна и усиливалась съ каждымъ часомъ. Генриета не ошходила отъ нея постели, не смотря на опасность заразиться, шоторою грозилъ ей лекаръ. И въ пяшый день, цвѣшущей счастливой Каролины не спало. Генриета изнывала отъ глубокой, грызущей горесни, но за всѣмъ шѣмъ она же еще ушѣшала безошраднаго, угнешеннаго нечалію ошца. Ошчаяніе мапери при ношерѣ любимицы не имѣло мѣры, и повергло ее въ медлишельную, но шѣмъ не менѣе опасную болѣзнь. Когда Маіору объявили объ эшомъ несчастномъ случаѣ, онъ изьявилъ письмомъ свое искреннѣйшее учасшіе

и печаль непришворную, но въ письмѣ не было и сѣда той превози чувствъ, какая должна происходить въ молодомъ человѣкѣ, лишившемся любимой невѣсты.

Когда первое время скорби миновалось, Президентъ началъ опять говорить о своемъ непремѣнномъ намѣреніи соединить объ опрасли фамиліи. „У насъ еще есть дочь;“ — примолвилъ онъ наконецъ: „Генріета можетъ занять мѣсто Каролины, и такимъ образомъ соединится все имѣніе и опойдетъ къ старѣйшей линіи.“ Это сказано было въ ея присутствіи. Огонь разлился вдругъ по всѣмъ ея жиламъ; восхищеніе и шоска, надежда и уныніе превозили въ быстрой смѣнѣ ея душу. „Ахъ, Боже мой!“ сказала Президентша съ глубокимъ вздохомъ: „Какая мѣна! Лія за Рахиль!“

Ударъ кинжала въ грудь Генріеты былъ бы не столько для ней чувствительнень. Она задрожала и едва могла удержаться на мѣстѣ. Не то, чѣмъ язвительное примѣненіе мащери шакъ оскорбило ее, но увѣренность, чѣмъ съ ея лицомъ нельзя бытъ супругою превосходнѣйшаго человѣка, не возбудивъ насмѣшекъ и порицанія всего свѣта, которые наконецъ и его исполнили бы досады и раскаянія — эта увѣренность предспавилась ясно душѣ ея, и сѣдалась для нея

оправою. Она дала себѣ клятву не посягать на жертву, кою вынуждали отъ него семейственныя отношенія — не посягать никогда, во что бы то ни стало.

Ея сопрошивленіе не пособило. Написали къ Маіору о новомъ планѣ, и получили отвѣтъ, въ которомъ онъ умѣлъ искуснымъ образомъ предсавишь невозможность — думать такъ скоро о новомъ союзѣ послѣ потери любимой невѣсты, и просилъ отсрочки. Тушъ узнала Генріеша, что знаетъ ей было нужно, и мысль о томъ еще болѣе подкрѣпила ея рѣшимость.

Вскорѣ умерла мать ея, съ поскои о потерѣ незабвенной дочери, и Генріеша уговорила отца, жившаго въ столицѣ болѣе изъ угожденія къ покойной женѣ своей, увѣхать въ одну изъ деревень его. Здѣсь Генріеша совершенно посвятила себя нѣжнѣйшимъ попеченіямъ о родителяхъ, и Президентѣ, который во время брака своего, въ большомъ свѣтѣ, никогда не чувствовалъ истиннаго удовольствія, теперь только спалъ вполне и наслаждался. Нервничность Маіора не огорчала его, потому что оставляла при немъ дочь, кою онъ позналъ всю цѣну. Но судьба не преставала преслѣдовать несчастную Генріешу. Въ позднюю осень Президентъ на охотѣ, которую любилъ спра-

спино, упалъ съ лошади и полумертвый былъ привезенъ въ замокъ. Онъ уже не могъ владѣть языкомъ, но увидѣвъ дочь, собравъ послѣднія силы и знаками, тосклыми взорами, обращенными къ письменному столу, спарался сообщить ей что-то, чего однако, при всѣхъ усиляхъ, не могла она располокovať себя. Спустия нѣсколько часовъ онъ умеръ въ ея объятіяхъ, и оставилъ ее владѣлицею обширнѣйшаго имѣнія.

Долго не могла Генриета прийти въ себя отъ столькихъ поперъ, свершившихся въ короткое время и оставившихъ ее одну въ мѣрѣ. Казалось, она сама не существовала ни для радостей, ни для малѣйшаго развлечения. Но наконецъ всемогущая рука времени явила и надъ ней власть свою, давъ ей способность помышлять не объ однѣхъ только поразившихъ ее горестяхъ. Первая забота ея была о томъ, чтобы распоргнуть предложенный союзъ съ Маіоромъ, и предоставить ему полную свободу. Зная, что главнѣйшее желаніе отца ея состояло въ томъ, чтобы возвращить имѣніе старшей дочери, она придумала способъ отчасти исполнить волю родителя, но инымъ образомъ. Къ Маіору послала она письмо. Не скрывала отъ него, что ей извѣстна его къ ней малая склонность; представила ему, какія важныя усло-

вія полагаешъ она необходимыми для *счастливаго* брака; просила его наконецъ избавишь себя и ее ошъ принужденности, и разрушишь планъ, который не можешъ сдѣлать ихъ счастливыми. Но, вмѣсто распоргаемаго союза, изъявила она живѣйшее желаніе заключишь другой — просила счишашъ ее сироту, чуждую для всѣхъ въ свѣтѣ, сеспрою, и въ семь предположеніи не опвергнушь раздѣла, наслѣдства, оставшагося ей послѣ родителя, какъ бы оно было для нихъ общее. Половину всего имѣнія предложила она ему съ шакою живоспїю искренняго чувствва, съ шакимъ радушіемъ, чшо полько съ предубѣжденіемъ Маіора и съ дурнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него началомъ письма, можно было не видашь шущъ ничего другаго, кромѣ сильнаго желанія опдѣлаться, во чшо бы ни спало, ошъ предположеннаго брака.

Въ споль мрачномъ расположеніи духа, сълъ онъ немедленно писашъ опвѣщъ: предоспавлялъ ей полную свободу располагашъ своею рукою, возвращалъ письма опца ея, опносящїяся къ сему предмету, и опвергъ рѣшишельно, даже съ негодованіемъ, предложеніе о раздѣлѣ наслѣдства.

Досада кипѣла въ немъ. . . Образъ его мыслей, всѣмъ извѣспный, его поведеніе могли служишь доспашочнымъ доказашель-

спвомъ, что нельзя спавить его наравнъ съ вѣтренниками, способными бросаться на женишьбу, безъ добровольнаго согласія дѣвушки. Къ чему жъ всѣ эти околичности? Къ чему споль великая жертва? Развѣ онъ дѣйствительно такъ несносенъ, пакъ низокъ душою, что рады опдать половину огромнаго имѣнiя, лишь сполько бѣ опъ него опвзаться?

Письмо огорчило Генриету, которой намеренiя были чисты и неукоризненны. Но могла ли она и спущъ не видашь благородной гордости, примѣшны души высокой, которая блиспала изъ каждой строки? Съ унынiемъ помышляла она о превосходствѣ чловѣка, съ которымъ разлучало ее непреодолимое, какъ она называла, препятствiе. „Лiя за Рахиль!“ опзывалось въ ухахъ ея, когда она увлекалась хопя малѣйшею приманкою обольспительной надежды, — и пвердость рѣшимости опяшь раждалась въ ней мгновенно.

Когда пылъ негодованiя миновался въ Маюрѣ, онъ взялъ опяшь письмо. Тупъ замѣнилъ онъ, чего не могъ замѣнить въ первомъ жару своей досады: прекрасный почеркъ письма и правильность, чистоту слога. Попомъ спалъ онъ разбирашь и мысли: въ нихъ увидѣлъ по крайней мѣрѣ мало обыкновеннаго и не нашель неблагороднаго. Онъ спспавилъ

себя въ положеніе дѣвочки. Въ самомъ дѣлѣ, видно было что-то нѣжное, прекрасное въ ея дѣйствіяхъ; и что-то ошмѣнно искреннее въ выраженіяхъ. Онъ не могъ опказать въ большомъ уваженіи шой, которая шакъ усиленно пропивилась принадлежать ему.

Прошелъ цѣлый годъ послѣ смерти Президента. Между шѣмъ Альмшшейнъ получилъ чинъ Полковника. Генріета имѣла о немъ извѣстія шолько случайно, или шайными пушями. Ей вздумалось сдѣлать перемѣну въ устройствѣ комнашъ, и для шого пошребовалось вынести мебели изъ кабинета опца ея, остававшагося дошоль неприкосновеннымъ, изъ нѣкотораго рода почшительности. Письменный столъ велѣла она пошавить въ своей комнашѣ для собшвеннаго упошребленія.

При эшомъ случаѣ, съ горешію вспомнила она о непоняшныхъ знакахъ, кошорые опещъ ея дѣлалъ въ послѣдніа минушы своей жизни. Тогда же еще осмашривала она столъ внимашельно, однако ничего не нашла. Теперь, когда спали переносить его на другое мѣсто, сдѣался замѣшнымъ на споронѣ пошайной ящикъ, о сущешвованіи кошораго ей вовсе не приходило въ голову. Съ шайнымъ шрепешомъ опкрыла она ящикъ и нашла — старинныа бумаги въ обершкѣ, написанной

рукою отца ея. Она прочитала ихъ. Какъ велико было ея изумленіе, ея испугъ, когда изъ бумагъ увидѣла она, что семейство ея неправильно владѣло имѣніемъ; что была позднѣйшая духовная ея прадыда, копорю оны уничтожилъ несправедливое опныашіе наслѣдства у старшаго сына и предоспаваляя ему всѣ права его! Отець ея нашель впу духовную въ бумагахъ своего дыда, копорю жена и младшій сынъ, вврояшно, и не подозрѣвали ея существованія — иначе конечно бы уничтожили. Президентъ, воспитанный въ богатствѣ и излишествовѣ, привыкшій къ тому съ малыхъ лѣтъ, не имѣлъ швердоспи опказашься опъ своего имѣнія публичнымъ признаніемъ найденнаго завѣщанія; но мучимый въ послѣдствіи совѣстію, старался оны успроишь дыло семейственнымъ союзомъ обвйхъ фамилій.

Тутъ поняла Генриеша послѣдніе шосквивые знаки отца своего, и сердце ея наполнилось шмьсячею чувствованій, голова — шмьсячею мыслей. Она сидѣла, какъ оглушенная, съ роковымъ листкомъ въ рукѣ. Но съ ея образомъ мыслей не могло возродишься сомнѣнія о томъ, что надлежало предприняшь. Одно мгновеніе рѣшило ее. Не говоря никому ни слова о находкѣ, не опкывая шого даже опекуну своему, она собра-

лась поспішась къ опшъзду въ столицу, для свиданія съ Графинею Дениць, сеспрою Альмшпейна, проводившею памь всегда зиму. Пріѣхавъ, опсправилась она прямо къ ней, и попросила призвать супруга ея, для объявленія важной семейственной тайны. Ему опдала она всѣ найденныя бумаги съ просьбою, написавъ къ его шуринау, чшобъ онъ принялъ опъ нее все имѣніе, опъ котораго она опсшунаешся.

Графъ и Графиня смопрѣли на Генріешу въ нѣмомъ изумленіи. Они не знали, чему болѣе удивляшсья, великоспи ли жертвы, или спокойствію и радушію, съ какими была она приносима. Наконецъ Графиня бросилась къ ней на шею: „И ты не помышляешь о шомъ, благородная дѣвушка, чшо уступая все моему брашу, сама опспанешсья въ бѣдностпи? Развѣ ты не хочешь предложитъ никакихъ условій? Попробуй шолько — я знаю моего Адольфа, и увѣрена, чшо онъ на все согласишся. Да и могъ ли бы онъ опказать, когда опъ себя зависѣло удержавъ все за собою?“ Генріеша была въ сильномъ движеніи: благородная гордостъ, радостъ основавъ счастлие любезнаго волновали пріятными впечатлѣніями грудь ея. Она заключила Графиню въ своихъ объятіяхъ и воскликнула со слезами: „Я счастлива, если брашъ швой воз-

жешь, что принадлежишь ему передъ Богомъ и передъ всякимъ справедливымъ судьей. Маленькое наслѣдство, полученное мною отъ тещушки, для меня слишкомъ достаточно.“
 Еще спарались уговорить ее молодые супруги; но твердость ея была непоколебима, и она просила сама, не медлишь посылкою къ Альмштейну добрыхъ вѣстей.

Графъ тотчасъ написалъ къ нему; Графиня уже не опшпустила отъ себя Генриетты, на кошорую смотрѣла, какъ на Ангелашранишеля, на существо высшее, принесшее благословеніе на домъ ея. Генриета находила уже нѣкоторое воздаяніе въ любви къ себѣ своихъ родшвенниковъ; но еще болѣе привлекало ее сходство Графини съ ея брашомъ. Софія (шакъ называлась Графиня) имѣла всѣ чершы лица его, даже голосъ, отъ звуковъ кошораго раздались пріятнѣйшія воспоминанія въ душѣ Генриетты. Она чувшвовала себя привлеченною къ ней, какъ бы какимъ очарованіемъ, и провела въ кругу родныхъ своихъ нѣсколько радостныхъ дней.

Между тѣмъ Полковникъ, по письму зяця, изумлялся великодушію Генриетты. Не уступка имѣнія, кошорымъ не съ полнымъ правомъ она владела, приводила его въ удивленіе — онъ чувшвовалъ, что такъ должно было поступить, что онъ и самъ поступилъ

бы не иначе; — но онъ восхищался тѣмъ, съ какимъ благородствомъ умѣла она соединить впо, съ какимъ безкорыстнымъ самоопроверженіемъ, съ какою довѣренностію къ роднымъ своимъ. Онъ припомнилъ себѣ прежній бытъ свой въ семействѣ Президента, и ему казалось уже, что жизнь его съ Генріею была бы счастливѣе, нежели съ Каролиною; онъ отыскалъ письмо, въ которомъ, просила она распоргнуть предположенный союзъ, и въ немъ увидѣлъ впервые многое, что тогда иначе ему казалось. Естественнo возродилось въ немъ желаніе ближе узнать Генріею; сердце его было свободно: почему жъ не возобновить распоргнутаго союза, и такимъ образомъ оставить благородную дѣвушку въ обладаніи богатствъ ея?

Онъ написалъ къ ней. Въ письмѣ отражались чувства нѣжнѣйшаго участія, самаго искренняго уваженія. Онъ не хотѣлъ принять имѣнія безъ условій; предлагалъ ей раздѣлъ, или — все, если она рѣшился, по желанію покойнаго родителя, соединить съ нимъ судьбу свою.

Съ шепетомъ читала Генріета письмо; въ ней возбудилось чувство преданности къ Адольфу во всей его силѣ. Она размышляла — сомнѣвалась — восхищенная будущности предстала глазамъ ея. Но

вдругъ взоръ ея обратился къ зеркалу. „Лія за Рахиль!“ опоздалось въ ухахъ ея. Что будешь говорить свѣшь, сравнивая лице ея съ прелестнымъ лицомъ Альмиштейна? Успойшь ли онъ самъ при шопотѣ свѣща? И могъ ли онъ сдѣлать это предложеніе по склонности? Нѣтъ! это одно великодушіе.— Такъ размышляла Генріеша, подавляя порывы сильно встревоженнаго сердца. Она превозмогла себя и рѣшилась отказать. Чтобы только не казаться упрямою, просила она отпавишь ей помѣстье Горбахъ, которое имѣло для нее особенную цѣну. Кроме прелестныхъ его окрестностей, привлекала ея близость разстоянія отъ Фесенберга, гдѣ сестра Альмиштейна проводила большую часть года, гдѣ можно было чаще имѣть извѣстія о немъ самомъ, гдѣ она считала себя не столь отъ него отдаленною.

Отказъ Генріешы, сколь ни былъ онъ облеченъ крошестію, показался Альмиштейну слишкомъ обиднымъ. Онъ не могъ иначе исполковать себя шакого сильнаго сопротивленія, какъ отъ обращеніемъ къ нему Генріешы, почти ненавистью, о которыхъ слышался онъ еще въ домѣ Президента. Кровь его кипѣла отъ досады; онъ хотѣлъ забыть спранныю дѣвушку, но не могъ не уважать ея. И это чувство неволь-

наго уваженія поставило ему въ священную обязанность заботиться о будущей ея участи. Къ сестрѣ своей послалъ онъ формальный судебный актъ, въ которомъ уступалъ Генріешъ селеніе Рорбахъ со всеми принадлежностями, и сверхъ того бланковый вексель на имя своего банкира, съ усерднѣйшею просьбою, чтобы Генріеша не опречкалъ сдѣлать изъ него употребленіе. Не выпуская изъ мыслей и совершеннаго раздѣла имѣнія, онъ писалъ, что постарается какъ можно ускорить прїездъ свой, для личнаго съ нею объясненія.

Генріеша чувствовала, съ какою холодношю написано было письмо Полковника, и шолковала это по своимъ соображеніямъ. Радостно приняла она уступку Рорбаха, — изорвала при глазахъ Софіи бланковый вексель до подписи Альмшейна, и спрячала бумагу на груди своей, для воспоминанія, какъ сказала она, о великодушныхъ его поступкахъ. Софія смотрѣла на нее внимательно, испытующимъ взоромъ. И прежде нѣкопорыя догадки вершались въ головѣ ея. Теперь сдѣлались онѣ яснѣе и утвердительнѣе. Однако жъ не хотѣла она преждевременнымъ объясненіемъ пугать глубоко сокрытое чувство Генріешы.

Оставшись одна, Генриета благословляла мысль, побудившую ее не принимать предложенія Альмшшейна, великой жерщвы его великодушія. „Онъ не любишь меня! И какъ могъ бы любишь? Онъ не знаетъ меня!“ восклицала она съ гореспнымъ чувствомъ. „Нѣтъ во мнѣ ничего, что привлекаеть мужчинъ, и только шопъ могъ бы найши во мнѣ что нибудь, кто принялъ бы на себя шрудъ узнатьъ меня покороче. Но Альмшшейнъ далеко отъ шого!“

Еще недѣли двѣ оставалась она у Софій. Пошомъ опправиалась въ прежнее свое помѣстье, чтобы передать его управителю своего родственника. И шущъ сладостное чувство благодарности и умиленія оживило ея тоскующую душу: отъ управителя услышала она, что ему поручено только въ такомъ случаѣ всшупить въ права новаго владѣльца, когда она не сдѣлаеть никакихъ шрегованій. Не взирая на увѣщанія опекуна своего, кошорому очень не нравилось все это слишкомъ *пошпшное* великодушіе, она написала бумагу о томъ, что шрегованій никакихъ не имѣеть, передала все управителю и, черезъ нѣсколько дней, уѣхала въ Горбахъ, съ одною честною офицерскою вдовою, вздшною въ провожающа.

Какъ пріятно была она изумлена, когда шамъ вспрѣтили ее, при выходѣ изъ кареты, Графъ Деницъ и его супруга, ея дорогіе сосѣди! Но еще пріятнѣйшая нечаянность ожидала ее. Весь замокъ, по приказанію Альмштейна, убранъ былъ, сколько позволило короткое время, шакъ, чѣмъ ничего не недоспавало къ спокойствію, къ удобству, къ наслажденію новой его обитательницы. Прекрасно усроенная библіотека, комната съ отличнѣйшими вѣспампами, другая съ превосходными музыкальными инструменами, оранжерея съ рѣдчайшими цвѣтами и распеліями — короче все, чѣмъ образованный умъ можетъ заняться въ уединеніи, собрано было здѣсь не въ излишество, но по лучшему выбору. Графиня водила вездѣ Генріету, кошорая не могла видѣшь всего шого безъ примѣрнаго умиленія. Радость блиспала во всѣхъ чертахъ лица ея; грудь ея высоко поднималась. „Скажи швоему брашу“ — воскликнула она наконецъ: — „какъ много доспавилъ онъ мнѣ удовольствія, какъ радуешъ меня его подарокомъ и внимательностью ко мнѣ! Проси его принять безмолвную благодарность шрушаго сердца, въ воздаяніе доброты его!“

На шрешій день, Графъ и Софія уехали назадъ въ столицу, давъ обѣщаніе скоро возвращишься въ Фесшенбергъ, и начашь сча-

спливую жизнь въ обществѣ съ Генріепою. Она же первое время посвятила тому, чѣмъ привыкнуть къ новому своему жилищу, предспавлявшему споль разнообразную пищу для ума и сердца, — чѣмъ насладишься пріятными воспоминаніями о чловѣкѣ, умѣвшемъ вознаградишь жершву ея сугубымъ великодушіемъ. Но вскорѣ добрая душа ея нашла важнѣйшія занятія въ улучшеніи участи поселянъ. Такъ прошелъ осенюкъ зимы, а весною любезные сосѣди ея возвратились въ Фесшенбергъ. Почти ежедневно видались они, навѣщая другъ друга. Письма ошъ Альмшшейна изъ арміи соспавляли эпохи въ мирномъ кругу добрыхъ людей, кошорые всѣ принимали въ немъ споль живое участие.

Послѣднее письмо содержало въ себѣ чувспва его наканунѣ большого сраженія. Какая-то грусть водила перомъ его, какъ будто мрачныя предчувствія превожили душу. Въ безпокойствѣ, въ шоскливомъ неспервніи, ожидали вшорого письма въ Фесшенбергъ, а еще болѣе въ Рорбахѣ, и — не дождались его. Публичные лисшки извѣспили о выигранной бившѣ; между оплячившимися всего болѣе, и шажело ранеными, спояло его имя. Печаль глубокая, робкая зашосливосшь овладѣли Софіею — шоска не давала покоя Генріе-

тѣ; ша и другая оспавались безвыходно въ своихъ жилищахъ, пишая свое уныніе. На шрешій день получено было письмо ошъ Альмшшейнова камердинера: „Полковникъ, своею неуспрашимосшію и рѣшишельносшію полка своего, направилъ къ побѣдѣ почти попереянное сраженіе. Бросясь на непріятеля передъ рядами своихъ кирасировъ, онъ разрѣзалъ его сомкнушій ешрой, распроспрашилъ между нимъ ужась и смяшеніе. Храбросшія солдашъ оживлялась его примѣромъ; гошповые къ побѣгу оспанавливались, разсѣянные собирались. Въ эшой шревогъ сабельный ударъ поразилъ его въ голову; и шушь, не взирая на рану, хопъвалъ онъ дѣйствовашъ, какъ вдругъ другой ударъ низвергъ его съ лошади, и весь эскадронъ, незнавшій о паденіи своего командира, промчался по его шѣлу. Послѣ сраженія, подняли его замершво между шрупами, и хошя по ошсылкѣ письма, съ недѣлю послѣ бишвы, оспавался онъ еще въ живыхъ, но было уже мало, или не оспавалось почти никакой надежды къ его спасенію.“

Горячія слезы лились въ Феспенбергъ и Рорбахъ, о случившемся несчашіи и угрожающей пошерѣ. Теперь только почувшвовала Генріеша, какъ дорогъ былъ для нее Адольфъ. Сильная скорбъ разшроила ея здо-

ровье; она сдѣлалась опасно больна, и добрая Софія перзалась отъ опасеній за возлюбленнаго брата и за любезную подругу; но конечно не была бы она женщина, если бь не увидѣла изъ шого ясно подтвержденія прежнихъ своихъ догадокъ, что Генріеша любитъ ея брата. Непонятнымъ для нее оставалось только, отъ чего Генріеша имѣла такое рѣшительное отвращеніе отъ замужства. Но какъ она старалась скрывать истинную причину своей болѣзни, то и Софія не могла насильно разорвать покрыва шайны, споль непроницаемо скрывавшаго сердце ея подруги.

Прошло двѣ недѣли плача и горести. Наконецъ получено было еще письмо. Камердинеръ увѣдомлялъ Графиню, что хоть и есть уже надежда на жизнь Полковника, но что едва ли будетъ онъ когда нибудь совсѣмъ вылеченъ, потому что раны слишкомъ глубоки и опасны; а при томъ господинъ его такъ унылъ и мраченъ, какъ будто и самъ не желаетъ должайшей жизни въ такихъ обстоятельстввахъ.

Это письмо произвело въ друзьяхъ Адольфа смѣшенныя чувствва: главнѣйшее въ Генріешѣ было усиленіе любви ея къ нему. И въ спокойные дни часто мечтался ей образъ его, во всемъ блескѣ красоты, муже-

ственнѣй, ослѣдствіемъ! Теперь ни одного мгновенія безъ него не проходило — но всегда представлялся онъ блѣднымъ, больнымъ, унылымъ, и шѣмъ болѣе привлекательнымъ. Теперь спала она раскаявашья, что не приняла его предложенія; теперь было бы ей возможно достигнуть того, что всегда казалось ей достойнѣйшею цѣлью жизни ея — совершеннаго пожертвованія собою на услажденіе печальной его участи, на облегченіе тяжкаго бремени безоспадной души его. Красота его уже не была прелещеніемъ, и униженное сравненіе наружности перестало ее шревожисшь: попеченія о спраждушемъ доставили бы ей счастье, какого не могла ожидать она прежде.

Такія чувства спаралась она скрывать отъ родственниковъ Адольфа, принимая только видъ дружескаго участія; но Софія уже видѣла насквозь ея сердце, и въ тишинѣ спроиала планы, не давая того никому замѣшисшь — планы, которыми надлежало упрочисшь счастье всего семейства.

Мѣсяца два спустя, пришло письмо и отъ самаго Адольфа. Уже могъ онъ вспавашь, и на короткое время занимашья чтеніемъ и письмомъ. Ранамъ его, какъ писалъ онъ, была оказана доспапочная помощь, но послѣдствія ихъ будутъ отправою для всей его

жизни. Въ будущемъ предъставляются ему только мрачные, печальные виды; и если бы онъ не опасался сеспръ своей и всему ея дому бышь несноснымъ бременемъ, по конечно ничего бы шакъ не желалъ, какъ пріѣхашь осенью къ ней и оспашься, по кофонецъ своей жизни, въ кругу милыхъ родшвенниковъ, зналъ, что они только могутъ дославшь ему нъкоторое услажденіе и разсыніе.

Тонъ письма опзывался такою грустью, что Софія и мужъ ея сердечно были пронущы, а Генріеша едва могла скрывать свои слезы. Графиня писала къ нему немедленно; просила его съ убъдишельностію любви и радушія, пріѣхашь какъ можно скоръе; увъряла, что она и мужъ ея пославящъ для себя священною обязанностію, сдълаашъ жизнь для него пріашною, шакъ, что она заранъе восхищается уже его прібышіемъ, какъ особеннымъ счасшіемъ, полагая навърное, что и для него опкроушъ болъе радосшныя надежды на будущее.

Онъ пріѣдешъ — Генріеша опашъ увидишь его — будешъ жишь почти вмъспъ! Напрасно спаралась она ушисшишь порывы пошрясенной души своей: радоспъ и нешперпъвіе, спрахъ и заботы поперемивно волновали ее. Наконецъ наступила весна. Послъ многихъ писемъ, въ одномъ объявилъ Альм-

пшейнъ о намврени своемъ скоро отпра-
вишься въ путь. Высокая душа подавляла
уже въ немъ, казалось, встревоженное чув-
ство скорби оспраданій швлесныхъ; онъ
былъ покойнве и шерпвливве въ перелесеніи
своихъ немощей.

Альмшшейнъ зналъ, что Генриета жила
близко ошъ сеспры его, и часто съ нею ви-
дѣлась, хотя Софія съ умшслошъ, только из-
рѣдка упоминала о ней въ своихъ письмахъ.
Такая близость особы, въ которой полагалъ
онъ доказанное къ себѣ ошвращеніе, служила
для него горькою приправою къ ожидаемымъ
радостямъ; но съ перемъною ошношеній и
при часномъ свиданіи, казалось ему, должна
была исчезнуть и принужденность, въ какой
всегда находилась съ нимъ его предняя не-
вѣста.

Военныя бури и бивачная жизнь не оу-
хладили сердца Альмшшейна. Съ приближе-
ніемъ къ Фесшенбергу, когда красная кровля
замка появилась издали предъ глазами его,
вообразилъ онъ себѣ всѣ наслажденія ожи-
дающей его семейственной жизни — не шѣ
очаровательныя наслажденія, какихъ могъ бы
онъ надѣяться для себя, если бѣ не постигло
его несчастіе, но за всѣмъ шѣмъ весьма ра-
достныя для грустной души его. Онъ мечта-
шалъ уже, что въ объятіяхъ сеспры и за-

ня, забудешь половину своихъ страданій. — Въ нѣкопоромъ разспояніи ошъ Фесшенберга, на возвышеніи, показалаась и башня Рорбаха, а вскорѣ между деревьями спалъ промелькиващъ и споящій на скашъ бѣлый, о-нряшннй замокъ. Тамъ жила спранная дѣвушка, кошорая хотѣла опдашь половину имѣнія, чшобъ только разорвать съ нимъ связи, предполагавашагося брака.

Онъ погрузился въ размышленіе и дотадки, какъ она его приметъ, какъ будѣшь съ нимъ обходиться. Нѣсколько плановъ составилось въ головѣ его, чшобъ вознаградишь великодушную ея жершву, и заспавишь ее приняшь участіе въ усшунленномъ имѣніи.

Между шѣмъ онъ подѣвхалъ уже къ ведущей въ Фесшенбергъ, липовой аллеѣ. Въ замкѣ давно уже видѣли его коляску. Софія, самъ Графъ, ихъ дѣти — всѣ бросились на всшрѣчу съ радосшными кликами. Полковникъ вышелъ изъ коляски, заключилъ въ объятіяхъ своихъ сесшру и всѣхъ попеременно, со слезами на глазахъ. Чувствво родсшва, счасшія видѣшь себя любимымъ, сильно подѣйствовало на его умиленную душу, и радость блиспала во всѣхъ чертахъ лица его. Родные нашли въ немъ большую перемѣну, однако не шакую, чшобъ его нельзя было узнашь, какъ онъ часто писалъ къ нимъ. Хотя

два большіе рубца, на лбу и на щекъ, иска-
 зили прежнюю, высокую красошу его; хоня
 цвѣщущая краска исчезла съ лица; но оспа-
 лись пѣ же большіе, исполненные жизни гла-
 за, пѣ же прелесныя чершы, благородная
 осанка и пошупь, кошорую коншюзія въ но-
 гѣ сдѣлала шолько нѣсколько жеддипельнѣе.
 Въ головѣ Софіи шощчасъ соснавился планъ.
 Какъ эшо было Воскресенне, шо, ожидая при-
 шельцевъ изъ Рорбаха къ обѣднѣ въ ея цер-
 ковь, она всѣмъ въ своемъ домѣ запрешила
 сказывашь имъ о пріѣздѣ Полковника. Въ
 праздники обыкновенно собиралось къ ней
 нѣсколько сосѣдей къ сполу, въ числѣ кошо-
 рыхъ всегда уже находилась и Генріета. Со-
 фія переговорила съ своимъ мужемъ, и на-
 значила Полковнику его ролю. Она хонѣла
 дашь ему случай чипашь въ душѣ Генріеты,
 хонѣла увѣришь его, что къ нему пишашь
 по крайней мѣрѣ не *ненависть*. Когда каре-
 ша засшучала на дворѣ, она напомнила объ
 условіи. Генріета вошла; Софія и другіе об-
 спунили ее шакъ, что она не вдругъ могла
 замѣнишь Полковника, о пріѣздѣ кошораго
 ѣ не воображала. Тупь онъ подошелъ съ бо-
 ку и заговорилъ съ нею. „Адольфъ!“ вскри-
 чала она въ испугѣ, и съ шренешомъ поло-
 жила руку на грудь свою. Онъ предшалъ ей.
 Дрожащая рука ея въ безмолвіи прешерлась.

*

къ нему — ни одного слова не могла она выговорить; но въ сверкающихъ глазахъ ея, въ слезахъ на нихъ наворачнувшихся, сіяла чистѣйшая радость, удивленіе любви, самой искренней. Крепко и долго держала она его руку. „Наконецъ мы опять увидѣлись!“ вырвалось изъ тяжело поднимающейся груди ея, съ непритворною нѣжностію выраженія. Полковникъ былъ изумленъ. Такого приема онъ никогда не чаялъ! Онъ самъ не вдругъ нашелся на слова; но потомъ спросилъ ее, узнала ли бы она его, когда бы не здѣсь съ нимъ встрѣчилась, и не онъ первый началъ говорить. „О, вездѣ!“ воскликнула Генриета: „между тысячею народа, во всякомъ мѣстѣ!“ — „Но я очень перемѣнился?“ — сказалъ Полковникъ. — „Вы такъ много спрадали!“ прервала она шепечущимъ голосомъ: „Мы недѣли шри считали васъ погибшимъ! О, какое горестное было это время!“

Она остановилась, чувствуя, что говоритъ сквозь слезы. Подошла Софія и прервала разговоръ, слишкомъ для обоихъ шагостный.

Къ столу повелъ Адольфа подъ руку Графъ Деницъ. Генриета завидовала, что не можетъ оказать ему этой небольшой услуги. Среди общей, непринужденной веселости, которая не замедлила явиться на

свыпльхъ лицахъ и въ шумныхъ разговорахъ гостей, только двое не могли принудить себя принять въ томъ участіе: Полковникъ, по мрачному расположенію своего духа и по шѣмъ размышленіямъ, къ кошорымъ подало ему поводъ обращеніе Генріеты, и Генріета — въ кропкомъ умиленіи и радости неспособная къ громкому изъявленію чувствъ своихъ. Послѣ стола гости разъѣхались; остался одинъ Священникъ. Былъ холодный осенній вечеръ; Графъ предложилъ пойти въ кабинетъ Софіи, и тамъ посидѣть передъ пылающимъ въ каминѣ огонькомъ. Дамы взяли свою работу, мужчины свои трубки. Свержающій, прескучій огонекъ и пріятная щедрота располагали умы къ сладостной мечтательности, а души къ какой-то очаровательности чувствъ. Самъ Полковникъ сдѣлался разговорчивѣе; готовъ былъ, казалось, раскрыть предъ всѣми свое сердце. Зашла рѣчь о войнѣ, о рѣшительномъ сраженіи, которое чуть не стоило ему жизни. Онъ сталъ рассказывать, живость увлекала его; съ удивительною точностію изображалъ онъ чувства свои, когда говорилъ о поразившемъ его ударѣ — какъ упалъ онъ съ лошади и, еще въ полной памяти, почувствовалъ приближеніе къ себѣ скачущаго эскадрона. Генріета слушала съ живѣйшимъ соучастіемъ,

которое наконец дорого ей стоило. Полноша чувству подавила ее бодрость; она близка была къ обмороку: это засшавило ее вспамять, чшобъ выйши изъ комнашы. Но и пшупь она зашашталась; Полковникъ, замъшвивъ, вскочилъ, чшобъ поддержашь ее. „Боже мой! чшо съ вами сдѣлалось?“ спросилъ онъ въ безпокойствѣ. И Софія подбъжала. Они опшвели ее въ ближнюю комнашу и посадили въ кресла. Полковникъ, держа ее за руку, спрашивалъ, чшо она чувствувешь. Софія давала ей нюхашь спиршь. Наконецъ глубокой вздохъ вылетѣлъ изъ груди Генріешы. Мысль, чшо онъ живъ, чшо онъ держишь ее за руку и опъ души о ней заботишся, возврашила и ее къ памяши. Причиною своего обморока познавила она жаръ опъ камина, который былъ еще ей не въ привычку. Не смолшря на просьбы ея, Полковникъ не хотѣлъ выйши изъ комнашы, пока не сказала она, чшо совершенно уже оправилась. Сильными пошрясенія души шребовали для Генріешы чешверши часа уединенія и покоя. Учасшіе, приняшое въ ней Адольфомъ, было спасишельнымъ бальзамомъ для ея сердца. Не предполагая въ шомъ и шѣни сердечной склонности, она была уже и шѣмъ счастлива, чшо между ними ушпановилось, какъ ей казалось, спокойное соопношеніе безъ всякихъ недоразумѣній.

Но она ошибалась. Полковникъ былъ не совсѣмъ спокоенъ. Обращеніе съ нимъ Генріеши въ печеніе цѣлаго дня, и особенно первый пріемъ слишкомъ противорѣчили съ тѣмъ опвращеніемъ, какое полагалъ онъ и нынѣ найти въ ней. Эти мысли занимали его, и дѣвушка, которая съ такою гордо-стию опвергла его, которой непривлекательная наружность была бы не въ состояніи наложить оковы на человѣка обыкновеннаго, стала возбуждать въ немъ большое вниманіе. Генріеша возвратилась къ обществу и приняла непринужденно участіе въ разговорѣ; только Полковникъ былъ тихъ и задумчивъ. Разспаваясь, онъ просилъ у нея позволенія посѣпить ее, и оно было дано ошъ души.

Альмшпейнъ пріѣхалъ къ ней на другое утро, и былъ принять по дружески. Она повела его по комнатамъ небольшого своего жилища, и показавъ все, чѣмъ обязана была ему, сказала, что считаешь себя счастливою, имѣя случай благодарить его въ шомъ самомъ мѣсцѣ, гдѣ все напоминаетъ ей о его добротѣ и опличной къ ней внимательности. Полковникъ былъ смущенъ; его превозило странное чувство странныхъ между ними отношеній. Когда возвратились они въ гостиную, и Генріеша хотѣла начать

равнодушный разговор, онъ прервалъ ее. „Извините!“ сказалъ онъ: „я давно желалъ объясниться съ вами о нашихъ обстоятельствахъ. Такъ не можете оспаваться между нами долѣе. Если бъ не разрушилъ моихъ плановъ несчастный случай, угрожающій моей жизни, то я нарочно бы выпросилъ себѣ отпускъ и прѣхалъ, чтобъ говорить о томъ съ вами.“ Тутъ сказалъ онъ, что при бо-
 лѣзни своей и мрачномъ расположеніи духа, лишась надежды на семейственное счастье, твердо рѣшился раздѣлить пополамъ свое имѣніе: одну половину завѣщать по духовной своему племяннику, а другую теперь же передать ей. При сихъ словахъ Полковника глаза Генриеты наполнились слезами. Ее пронуло не то, что онъ насмѣивается въ великодушныхъ планахъ своихъ о раздѣлѣ имѣнія, но собственное его положеніе, мрачность его мыслей. „Этого не должны вы дѣлать!“ воскликнула она съ живостию и взяла его за руку. „Зачѣмъ, шакъ рано, шакъ рѣшищельно отказываться отъ лучшихъ наслажденій жизни? Вы женись, найдете дѣвушку....“ — „О, въ этомъ я не сомнѣдаюсь,“ — прервалъ ее Альмшпейнъ: — „довольно найдется дѣвушекъ, чтобъ захотѣть сдѣлаться моею женою, попомъ вдовою и владѣлицею моего имѣнія. Но, если бъ я ко-

гда нибудь вздумалъ сдѣлать дурачество — женишься, то жена моя была бы должна совершенно посвящать себя мнѣ и образу моей жизни; ей бы надобно было отказаться отъ свѣта и его радостей, сидѣть дома и лелѣять своего больного, а можетъ быть и своенравнаго мужа — быть для него въ вѣдомъ, уединеніи собесѣдницею, занимательною, душевно преданною ему подругою. Гдѣ найдется дѣвушка, которая могла бы рѣшиться на такую исполнскій подвижъ и была бы къ нему способна? Вы видите, что это невозможно. Ты, какихъ я могу найти, не составили бы моего счастья, а которые сдѣлали бы меня счастливымъ, тѣ составятъ себѣ лучшую партію.“ Генриета молчала; мысли ея были слишкомъ встревожены; минувшія надежды живо представились ей, но — она вздохнула, не отвѣчая.

Альмицейнъ опять повторилъ свое предложеніе, но рѣшишельный отказъ показалъ швердую ея волю. Она припала отъ него только драгоцѣнности, принадлежавшія ея матери, и то, чтобы не слишкомъ оскорбить добрыхъ его намереній; впрочемъ обѣщала искренно, отъ всей души, прибѣгать къ его помощи, если будетъ имѣть какую нибудь нужду. Наконецъ онъ повѣхалъ отъ нея, въ половину доводный, въ половину

недовольный, однако съ твердою рѣшимостію короче узнать благородную дѣвушку.

За вѣшимъ дѣло не спало. Генріеша пріѣзжала часто, можетъ бытьъ чаще, нежели прежде въ Феспенбергъ, откуда также къ ней ѣздили ея сосѣди. Полковникъ видалъ ее почти ежедневно, и съ каждымъ днемъ болѣе убѣждался въ превосходствѣ ея характера. Ея познанія подавали неиспощимую матерію къ разговорамъ, ея шаланшы — (она играла на форшепьяно, и пѣла очень хорошо) занимали его пріятно; но гораздо болѣе нежели всѣ эти преимущества, привлекала его особенная ея къ нему внимательность. На прогулкѣ, не шоропилась она цоспѣвашъ за другими, но шихо шла подлѣ него; оспавалась съ нимъ и шогда, когда другіе всходили на какой нибудь пригорокъ, куда Альмштейну шрудно было за ними слѣдовать — оспавалась съ такимъ радоспнымъ, дружескимъ въ немъ учаспіемъ, какъ бы это не соспавляло для нее никакой жершвы. Если дѣлались съ нимъ болѣзненные припадки опъ ранъ его, или впадалъ онъ въ мрачную свою меланхолію, Софія шощасъ посылала въ Рорбахъ. Генріеша пріѣзжала, занимала его чпеніемъ, веселыми рассказами, шупками, и если ничшо не въ соспояніи было развлечь его, шо садилась за форшопьяно, и прого-

няла мрачныя его мысли звукомъ спрунь своихъ.

Медленно и незамѣтно слились въ одно ихъ согласныя души. Альмшпейнъ такъ привыкъ бытъ съ Генріепою, что какъ будто ему чего недоспавало, если она хоть одинъ день не прїѣзжала въ Феспенбергъ — и онъ шревожился, былъ безпокоенъ; оканчивалось шѣмъ, что онъ садился въ коляску и скакалъ къ ней. Уже почти не примѣчалъ онъ непривлекательности лица ея: быспрые, живые глаза и спройный спанъ часшо казались ему въ ней замѣною всѣхъ красотъ міра. Софія съ удовольствіемъ, но безмолвно наблюдала поспепенно возраждающуюся въ немъ нѣжностъ, и мечшая о счасшіи любимаго брата, не хопѣла однако мѣшашъ дѣлу пошпороннимъ вліаніемъ — все предоспавляла времени и любви.

Не могло скривашься и опъ Генріешы внушреннее къ ней влеченіе Адольфа; она чувспвовала, какъ спановилась дорога для него, и мечшала, во сколько крашъ могла бы сдѣлашься еще дороже. Мысль, раздѣляшъ судьбу его, и раздѣляя, ушлаждашъ — посвящашъ ему себя вполнѣ, жившъ шолько для него, и всѣ его радости, веселосшъ его считашъ своимъ дѣломъ, наполняла душу ея сладосшнымъ, невыразимымъ шрепешомъ. Но

чѣмъ болѣе она любила, тѣмъ болѣе возрадовалось въ ней опасеній. „Теперь предпочитаешь онъ тебя всѣмъ друзьямъ своимъ“ — говорила она часто самой себѣ: „онъ занятъ только тобою, оказываешь тебѣ непритворную внимательность, склонность, кошорая дочки достигаетъ предѣловъ любви, но только что достигаетъ. Любви въ немъ дѣлать еще. И мудро ли, что спраждающій, окруженный малымъ числомъ людей, находишь онъ оспраду принимая въ комъ нибудь особенное участіе? Но если поѣдетъ онъ въ городъ, гдѣ его имѣніе, личныя достоинства, красота, еще и теперь не потухшая, привлекутъ къ нему лучшихъ женщинъ, гошковыхъ на все, чтобы только ему понравиться — что тогда?“ —

„Онъ долженъ выдержать это испытаніе, долженъ перенести эту бурю, если хочешь, чтобы я увидѣла въ немъ любовь, чтобы я могла надѣяться быть для него, то, чѣмъ желаю — чтобы взаимное счастье наше было несомнѣнно.“

Такъ думала Генриета. Альмштейнъ, въ полномъ убѣжденіи, что ему нельзя жениться, думалъ только о наступающей минутѣ, и безъ испытанія чувствъ своихъ, самъ не зналъ всей ихъ силы. Между тѣмъ съ наступленіемъ зимы, Графъ Деницъ и жена его сша-

ли собиращься въ городъ. Полковнику поже должно было вхашь шуда по дѣламъ. Спарались уговорить и Генриешу. Альмштейнъ просилъ ее съ жаромъ, умоляя, наконецъ спалъ даже досадовать. Ничто не могло убѣдить ея. Сердце ея обливалось кровью при одной мысли о томъ, что она останется одна, безъ того, кто сдѣлался уже необходимымъ для ея счастія. Но она превозмогла себя, помышляя объ испытаніи, и въ своей привязанности къ уединенію, къ сельскимъ занятіямъ, находила довольно доспащочный предлогъ. Альмштейнъ, огорченный отказомъ, оставилъ наконецъ свои просьбы, и Генриеша не безъ удовольствія замѣчала, что съ тѣхъ поръ спалъ онъ казаться къ ней холоднѣе, и даже нѣсколько убѣгалъ ее.

Отказъ ея такъ оскорбилъ Альмштейна, что все убѣжденіе въ ея совершенной къ нему преданности для него исчезло. Видя, что она предпочитаетъ уединеніе дружбѣ его, онъ спалъ считать ея неспособною къ искренней, глубокой склонности.

Наконецъ назначенъ былъ день отъѣзда. Генриеша проплакала передъ тѣмъ всю ночь, и пріѣхала на проводы къ своимъ родственникамъ въ такомъ грустномъ расположеніи духа, что неумудрено было отгадать наспоающую причину этой перемѣны. Но Альм-

иншейнъ, въ своемъ предубѣжденіи, полковаль все иначе. Пришли доложись Графу, что все гошово къ опѣзду. Генриеша запрещаала. Проспившись со всѣми, она пошла провожашъ ихъ съ лѣсницы. Тушъ Альшпейнъ взялъ ее за руку. Онъ молчалъ, но видно было, до какой спешени онъ распроганъ. Генриеша не могла удержашъ порыва своей чувствительности. Слезы градомъ покапились изъ глазъ ея. „О, Адольфъ!“ воскликнула она, рыдая: „когда мы увидимся?“ — Онъ остановился и посмотрѣлъ на нее пристально. „Такъ вы желаете увидѣшь меня скоро?“ спросилъ онъ шакимъ шономъ, въ кошоромъ замѣшны были и нѣжность и горестъ выраженія. „Желаю ли? о Боже!“ вскричала Генриеша, и рыданія заглушили ея голосъ. Это восклицаніе проникло въ его сердце; въ немъ увидѣлъ онъ порывъ сильнѣйшей любви, величайшей печали. Распроганный, восхищенный, онъ схватилъ ея руку и прижалъ къ усшамъ своимъ. „Я окоро возвращусь“ — примолвилъ онъ въ пылу своего восшорга: „очень скоро; можете бышь прежде, нежели вы думаете.“ — „О Адольфъ!“ произнесла она съ шихимъ плачемъ, склоня голову на плечо его: „какъ будешъ мнѣ грушно въ уединеніи!“ Онъ поцѣловалъ ее въ чело, — она покраснѣла и запрещаала. „Милая, любезная Ген-

рѣша! я скоро буду; я не могу жить безъ тебя.“ Въ это мгновеніе Графъ, который ждалъ уже нѣсколько минушь, сидя въ коляскѣ, кликнулъ своего шурина. Полковникъ пожалъ въ послѣдній разъ руку дѣвушки, оставилъ ее — и вскорѣ коляска заслукала подъ воробьями замка и по мосту.

Генриета стояла еще нѣсколько времени — погруженная въ уныніе, радость и безпредѣльную любовь. Потомъ пошла медленно вверхъ по ступенямъ, сѣла въ опустѣлой комнатѣ на то мѣсто, гдѣ сживала Адольфъ, и плакала до упоминанія. Наконецъ вспала, обошла еще разъ всѣ мѣста, которыми припадалось ей горестное воспоминаніе, просилась съ ними, и потомъ, въ густомъ Декабрскомъ шуманѣ, отправилась въ уединенный свой замокъ.

Только одно чувство оживляло ее печальное уединеніе — надежда, почти увѣренность, что Адольфъ припадетъ къ ней болѣе, нежели дружесство; что онъ припадетъ къ ней истинную любовь. Но чѣмъ сладостнѣе была для нее эта увѣренность, тѣмъ съ болѣею тоскою помышляла она о приманкахъ столицы. Только письма, въ которыхъ онъ съ такимъ жаромъ говорилъ о минувшихъ наслажденіяхъ и, съ такимъ неперпнѣемъ же-

галь свиданія , дѣлали для нее сяоснымъ ея пустынночештво.

Чшо она предвидѣла , шо и случилось. Лишь шолько появился Полковникъ въ общешвахъ , куда призывали его дѣла и прежнїа знакомешва , какъ со всѣхъ споронъ спали разспавляшь ему съши обольщешїа. Много находилъ онъ женщинъ и дѣвушекъ , ослапняющихъ красопою , блиспающихъ шаланшами , иногда обнаруживающихъ и нѣкошорое добродушіе , но нигдѣ , нигдѣ шакой всегда равной веселости , шакой крошкой добрости , и при опличчешїа образованїа , шполь не испорченныхъ чувствъ , въ шакомъ соединешїа , какъ у Генріешы. Каждый разъ возвращался онъ домой , болве и болве убвжденный , что въ цѣломъ мїрѣ нѣшь женщины , кошорая бы могла сдѣлашь его шакъ шаспавнымъ , какъ она ; но чѣмъ живѣе было эшо убвженїе , шѣмъ задумчивѣе онъ спановился. Софіа спала примѣчашъ за нимъ , и наконецъ успѣла вынудить опъ него признанїе въ чувешвахъ , какїа пишала онъ къ Генріешѣ ; онъ сказалъ , что если бь она рѣшилась нынче принять его руку , шо даже и въ цвѣшъ его здоровья онъ не могъ имѣшь шакїхъ ушвешительныхъ надеждъ , какїа открылись бы для него шогда. Софіа была душевно обрадована , и восхищешїе ея изобразилось на покра-

снѣвшихъ щекахъ, въ блистающемъ взорѣ. Брату ея показалась такая радость слишкомъ поспѣшною, но шутъ спала увѣрять его Софія, что въ согласіи Генріешы нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія — она ободряла его, и предложила немедленно къ ней написать. Альмшшейнъ хотѣлъ это сдѣлать, но послѣ рѣшился самъ ѣхать за приговоромъ своимъ. Это предпріятіе было слишкомъ для него важно; онъ не могъ оплошать его, и на другой же день собрался въ путь.

Прошло уже съ мѣсяць времени, какъ Генріеша жила въ своемъ уединеніи только воспоминаніемъ протекшаго счастія и невѣрными надеждами на будущее. Въ одинъ сумрачный вечеръ, когда шуманы, носясь между обнаженными деревьями, спускались въ узкую долину, по которой вилась дорога въ Фешенбергъ, сидѣла она у окна въ своемъ кабинетѣ, устремивъ печальные взоры во мглу, покрывающую окрестности. Вдругъ появились вдали подвижные огни; казалось, выходянъ они по дорогѣ изъ долины. Сперва подумала она, что поселяне возвращаются съ фонарями домой. Но спукъ колесъ вскорѣ ее разувѣрилъ — должна бытъ коляска — сладостное предчувствіе овладѣло ея сердцемъ — огни приближались, ихъ направленіе было на холмъ, цѣдъ дорогѣ къ замку; вошь ужъ у воротъ —

она узнала гербы своего дома — экипажъ Альмшпейна — это былъ онъ. Трепеща отъ внезапной радости, поспѣшила она выйти; въ залъ вспрѣшилъ ее Адольфъ съ распрощертыми объятіями. Забывъ опасенія, забывъ планъ испытанія, съ крикомъ радости бросилась она на грудь его. Полноша чувству сдѣлала его нѣмымъ; безмолвно прижалъ онъ ее къ своему сердцу. Не прежде, какъ по минованіи радостнаго упоенія, когда сидѣли уже они покойно въ кабинетъ, нашли оба слова, спали говорить, какъ горестна была для нихъ разлука, съ какимъ неперпѣнимъ желали видѣть другъ друга, какъ наконецъ несносно спало Адольфу безъ нея оставашься въ городъ. Мало по маду спалъ онъ однако молчаливѣе; казалось, что-то важное занимало его мысли. Генріета замѣтила это, и съ нѣжнымъ участіемъ спросила его. Подумавъ, сказалъ онъ: „Я долженъ вамъ сдѣлать важный вопросъ, и прошу васъ отвѣчать сущую правду и совершенно искренно.“ Она обѣщала.

„Скажете, почему два раза отвергали вы мою руку? Какая была причина тогдашняго ко мнѣ отвращенія?“

— „Отвращенія?“ сказала, покраснѣвъ Генріета, и не отвѣчая, опустила глаза въ землю.

Адольтъ повторилъ свой вопросъ и просьбу; — она призналась наконецъ, что поводомъ къ ея спрошивленію были: различіе въ наружномъ ихъ видѣ — его прежняя привязанность къ прекрасной сестрѣ ея — страхъ, ошдашь себя на посмѣваніе свѣту, подвергнушь его со временемъ раскаянію....

Альмишейнъ слушалъ ее безмолвно и угрюмо. „Такъ вы думаете“ — сказалъ онъ: — „что для счастливаго брака, нужна совершенная одинаковость обстоятельствъ? что ни въ какой чепѣ одинъ другому не можешь пожертвовать и малосью? что недолжно бытъ превосходства одного передъ другимъ даже въ сущей бездѣлицѣ?“

Въ понѣ Альмишейна было что-то ошмѣнно важное. — Генриета чувствовала, какъ шрудно ошвѣчать въ ея положеніи и, смущенная, не находила словъ. „Только истинная любовь“ — сказала она по нѣкоторомъ размышленіи: — „шакая, кошорая не спрашится жершвы, пошому что для любимаго предмета ничто не почиаетъ жершвою, все, напрошивъ, посшавляетъ себѣ въ радосшь, въ наслажденіе — шолько шакая любовь можеть уравнивать обстоятельства. Но шакой не могла я ошдашь опъ васъ.“

— „И вы способны шакъ любить?“ — Въ голосъ его было что-то нешвердое, почти

препещущее. Онъ успремилъ на нее важный, испытующій взоръ.

Она впала еще въ большее смущеніе, чувствуя, съ какимъ внутреннимъ движеніемъ говорилъ онъ, — она посмошрѣла на него, и чрезъ эпошь взоръ ему бы должно было проникнуть въ ея, любви исполненное сердце — но для его напряженныхъ чувствъ недоспашочно было взора. — Она пошупила глаза.

„Могли ли бы вы рѣшиться,“ спалъ онъ продолжая тѣмъ же угрюмымъ тономъ, пока не увлекла его чувствительность: „могли ли бы вы рѣшиться принести безпредѣльную жертву, отказаться отъ радости юности, отъ радости свѣта, и обречь себя челоуѣку — можешь быть даже въ послѣдствіи болѣзненному только одру безосрадного, брюзгливаго челоуѣка, чшобъ быть для него всѣмъ, чшобъ сославить все его счастье, чшобъ возвысить жизнь его до наслажденія величайшаго, до. . .“

„Я рѣшаюсь на все для себя!“ воскликнула Генріета, и бросилась, рыдая, въ его объятія.

Альмштейнъ крѣпко прижалъ ее къ груди своей. Ея согласіе дѣлало его несказанно счастливымъ; но все еще не смѣлъ онъ предаться вполне сладостному очарованію.

„Но испытывала ли ты себя, моя Генриета? Мы недавно еще знаем друг друга; сострадание, уважение обольщали много прекрасных сердец, именно поэтому, что они были прекрасны. Любовь ли это, что ты ко мне чувствуешь?“

Спать ей выпрямился, глаза засверкали; благородство мыслей его возвысили все существо ее. „Выслушай меня, Адольф — и тогда суди!“ сказала она: „Я полюбила тебя с первого свидания, и спала убегать, потому что сердце мое слишком спрдало въ своемъ присущствіи; я отвергла твою руку, зная, что *любитъ* меня тогда ты не могъ. Я хотѣла раздѣлиться съ тобою имѣніе для того, чтобы сдѣлать для тебя все, что было въ моихъ силахъ, и въ другой разъ не приняла своего предложенія, чувствуя, что ты дѣлаешь его только изъ великодушія. Но когда ты былъ израненъ, когда я знала, что тебѣ нужно участие, попечительность вѣрнаго, любящаго тебя существа, тогда колебалась прежняя рѣшимость моя, и возродилось намѣреніе раздѣлять твою участь, для тебя жить, дѣлать все, что только позволяшь слабыя силы мои. — Теперь суди, Адольфъ, приношу ли я тебѣ жертву, отдавая руку свою!“

Въ безмолвіи опъ умиленія и воспорага, повергся Адольфъ на грудь ея. Онъ былъ перь убъжденъ, что счастье доставляется сполько же ему, какъ и имъ самимъ, и черезъ нѣсколько недѣль добрая сеспра, копорая пріѣхавъ, сообщила любящимся съ нѣкопорымъ родомъ шріумфа свои наблюденія и хваспалась своею проницательностью, оппраздновала брачный союзъ счастливой чепы въ Феспенбергъ.

Ж.

II.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

КАЦВАХСКОЕ СРАЖЕНІЕ 14 (н. с. 26) АВГУСТА
1813 ГОДА.

Наполеонъ, увѣрясь, что Блюхеръ всячески избѣгаешъ главнаго сраженія, и довольствуюсь, что заставилъ сего полководца вспунить въ прежнюю его позицію, уже не колебался возвращишься въ Дрезденъ. Онъ взялъ съ собою Маршала Нея, и ввѣрилъ начальство надъ оспавшимися на рѣкѣ Боберъ войсками (шо есть, надъ принадлецашымъ, принадлецашымъ и одиннадцашымъ корпусами

пѣхоты и вѣпорымъ кавалеріи) Маршалу Макдональду. Генераль Сугамъ принялъ въ команду ондѣльный, прешій пѣхотный корпусъ.

12 (н. с. 24) Французы провели день у Кацбаха: преній корпусъ, въ позиціи близъ Роинкирха съ двумя башаліонами, въ Лигницъ; пятый предъ Голдбергомъ, а одиннадцатый, также и кавалеріи позади сего города.

Блюхеръ, видя, что на него не нападаютъ, и что главная армія союзниковъ пришла въ движеніе, заключилъ, что Наполеонъ выѣхалъ въ Дрезденъ, и что нужно выслать нѣсколько отрядовъ противъ сего города. Такое соображеніе побудило Пруссака Генерала взять немедленно наступательныя мѣры, дабы воспользоваться ослабленіемъ Французскихъ войскъ и опсунствіемъ ихъ Главнокомандующаго. Корпусъ Генерала Сакена выспунилъ къ Малишику, корпусъ Юрка оспался въ Яуэръ, между тѣмъ какъ войска Графа Ланжерона заняли позицію Геннерсдорфскую.

14 (н. с. 26) Августа, въ два часа по полудни, Блюхеръ двинулся со всѣми силами на переправу чрезъ Кацбахъ, между Лигницемъ и Голдбергомъ. Полки Сакена и Юрка должныствовали напасть на прешій корпусъ, между тѣмъ какъ Ланжеронъ, поспавшись

вверхъ по Кацбаху для удержанія пятаго и одиннадцатаго корпусовъ, которые, какъ полагалъ Блюхеръ, находились еще въ Голдбергъ, долженствовали дойти до Праузница. Макдональдъ, съ своей стороны, также вознамѣрился атаковать въ ночь же день. Онъ думалъ, что неприятель все еще стоитъ въ позиціи при Яуэрѣ. Пятому корпусу назначено идти чрезъ Зейхау и Геннерсдорфъ, а Генералу Пюшо дано повелѣніе слѣдовать чрезъ Шонау (Schoнау), и повернуть тамъ по дорогѣ къ Яуару. Третій корпусъ, перешедъ прежде Кацбахъ у Лигница, долженъ былъ подступить къ Яуару, держась большой дороги чрезъ Нейдорфъ и Черниково (Tschernikau). Одиннадцатый корпусъ, переправясь чрезъ рѣчку въ бродъ около Шмоховица (Schmochowitz), получилъ приказаніе слѣдовать по тому же направленію, правымъ берегомъ Вюпендъ-Нейсса, между тѣмъ, какъ конница Генерала Себастьяни должна была сойтись съ пятымъ корпусомъ, идя вверхъ противоположнымъ берегомъ.

Дождь, въ продолженіе многихъ дней, наподнилъ всѣ ручьи и образовалъ множество пошочковъ: сіе обстоятельство укрывало отъ обвѣхъ армій взаимныя ихъ движенія. Выступивъ въ походъ, корпусъ Генерала Торка немедленно занялъ высоты Брекшелдс-

гофа, а корпусъ Генерала Сакена мѣстна у Эйхольца, между шѣмъ, какъ Блюхеръ былъ предварень, что Французская армія, перешедъ Кацбахъ, стояла въ виду, и корпусъ Данжерона выдерживаетъ жестокое нападеніе Французовъ пятаго корпуса. Прусскій Генераль немедленно пригосовился къ сраженію: колонны Сакена остановились позади долины, влѣвъ ошь Эйхольца, занявъ вышшы сильною баштарею, вскорѣ за симъ подкрѣпленною Прусскою баштарею въ двѣнадцать пушекъ. Тогда было три часа по полудни. Макдональдъ, по числу войскъ, вступившихъ въ дѣло, полагая, что имѣлъ противъ себя всѣ непріятельскія силы, поспѣшилъ устроить свои линіи. Одиннадцатый корпусъ развернулся между Вейнбергомъ и Клейнъ-Тенцемъ; шпретій корпусъ и кавалерія получили повелѣніе, вступить какъ можно скорѣе въ линію; но Генераль Сугамъ, желая избѣгнушь обхода изъ Ронкирха на Пренкендорфъ, повель шпретій корпусъ чрезъ Кройчъ (Kroitsch) и Нидеръ-Крайнъ, и, сподкнувшись въ первой деревнѣ съ помянушою нами конницею, кошорой указано было слѣдовать пою же самою дорогою, оспался въ бездѣйствіи.

Правое крыло Французской арміи примыкало къ Вюпендъ-Нейссу, а лѣвое совершенно

было открыто. Непрiятель, не теряя ни минуты, воспользовался симъ невыгоднымъ распоряженiемъ: Генераль Васильчиковъ, съ конницею Сакена и часшю конницы корпуса Гюрка, получилъ приказанiе ударить во фронтъ, нѣсколько въ право ошъ Эйхольца, на крайнiя колонны лѣваго фланга одинадцатаго корпуса, между шѣмъ, какъ два другiе кавалерiйскiе полка, проскакавъ между Эйхольцемъ и Гогкирхомъ, примуть его во флангъ, а сильный ошрядъ казаковъ, прѣбравшись за Клейнъ-Тенцемъ, зайдешъ ему въ шыа; корпусъ Гюрка вышянулся въ то же время между Вейнбергомъ и Трибельвицемъ.

Россiйская кавалерiя сильно потѣснила лѣвое крыло одинадцатаго корпуса; полки Генерала Себастiани, прошедшiе длинную дефилею ошъ Кройча до Нидеръ-Крайна, заграждаемые аршиалерiею, обозами и пѣхопою шрешьяго корпуса, подходили медленно и порозь, и произвели нѣсколько часшныхъ ашакъ, кои непрiятельская кавалерiя, превосходнѣйшая числомъ, съ выгодою ошразила. Двѣ бригады шрешьяго корпуса, выбравшись изъ Нидеръ-Крайна, напрасно покушались поддержать ашаки Французской кавалерiи; пѣхошася, шакже какъ и кавалерiя, была смята и приведена въ распройство въ самой тѣснiнѣ, гдѣ Пруссаки овладѣли паркомъ одинадца-

шаго корпуса и почти всеми обозами. Макдональду оставалось отойти только на Кацбахъ чрезъ бродъ Шмоховицкій, и скорѣе распорядишь все къ опсупленію. Одиннадцатый корпусъ, прикашый къ Кацбаху и Вюшендъ-Нейссу корпусами Сакена и Юрка, которые безпреспанно усиливались, принужденъ былъ въ сумеркахъ выдерживать бой неровный. Около девяти часовъ вечера, объдивизиі прешьяго корпуса, не бывшія въ огнѣ, предводимыя Начальникомъ пшаба сего же корпуса, перешли бродъ Шмоховицкій и взобрались на высоты надъ Кацбахомъ: съ ними было пятнадцать пушекъ, и Макдональдъ надѣялся, что симъ движеніемъ приобрьнешь нѣкоторую ощушительную выгоду; но ожиданіе его скоро было уничтожено. Полки Генерала Сакена, находившіеся уже въ Швейницѣ (Schweinitz), бросились на колонну Генерала Тарера, опрокинули ее и принудили оставишь поле сраженія съ великимъ урономъ. Въ продолженіе ночи, Маршаль перевелъ армію свою на лѣвый берегъ Кацбаха, и опсупилъ къ Бунцлау. Пяшый корпусъ, послѣ жаркой битвы, и сильнаго сопротиавленія цѣлому корпусу Ланжерона, въ безпорядкѣ обратился въ бѣгство чрезъ Праузницу. На другой день 15 (н. с. 27) Августа, Ланжеронъ нагналъ его предъ воротами Голд-

берга; шѣснимый непріятелемъ, впрое многочисленнѣйшимъ, Генераль Лорисшонъ, по немънѣю при себѣ конницы, не могъ уже пропивишся и продолжашь ошступленія, не пожертвовавъ восемнадцати орудій, кои прудность пушей заставила его кинуть. Того же дня Ланжеронъ вспунилъ въ Голдбергъ, и пятый корпусъ прибылъ предъ Лѣвенбергъ; шринадцатый и одиннадцатый корпусы пришли въ Бунцлау 16. Боберь до шого налился дождями, что уже нельзя было перейти чрезъ оный въ семь послѣднемъ мѣсѣ. Макдональдъ продолжалъ ошступашь, составивъ изъ шрешьяго корпуса, менѣе прочихъ потерпѣвшаго, и конницы Генерала Себастіани арриергардъ, и 23 Августа (н. с. 4 Сентября) находился уже позади Забанерь-Вассера.

Мы сказали, что въ день сраженія 14 (н. с. 26) Августа, Генераль Пюшо ошряжень былъ съ своею дивизіею, чрезъ Шонау и Яуэръ, въ шылъ союзной арміи. Онъ прошель отъ Шонау до Яуэра шолько шрешь пуши, и находился въ Моху (Mochau), когда получилъ извѣстіе о потерѣ Кацбахскаго сраженія; принужденный возвращишся по слѣдамъ своимъ, сначала приблизился онъ къ главной арміи подъ Голдбергомъ; но Генераль Лорисшонъ не могъ долго держашся, чтобы дать ему время присоединишся къ себѣ, и

дивизія сія опступила къ Гиршбергу, гдѣ пщетно пыталась она перейти чрезъ Боберъ; мостъ былъ сорванъ, и Генераль Пюшо вынужденнымъ нашелся пянупься вдоль праваго берега и опыскивать переправу ниже. 17 (н. с. 29) добрался онъ до Лёвенберга и бесполезно прапиль время, старааясь воспановить мостъ въ семь городъ. Наспигнутый вскоръ Генераломъ Ланжерономъ, онъ устремился на Бунцлау, но было поздно; Генераль Рудзевичъ овладѣлъ уже ведущею въ сей городъ дорогою, и конница Генерала Корфа, подкрѣпляемая пѣхопою Князя Щербатова, ожидала его на дорогѣ къ Цобшену (Zobten), единственой, какая ему оставалась. Французскій Генераль, видя себя окруженнымъ, принялъ опчаянное намѣреніе защищаться: много шребовали опъ него его собственная слава и честь войскъ, ему ввѣренныхъ. Онъ занялъ позицію на высотѣ Плагвицкой, предъ Лёвенбергомъ, и ожидалъ неприятеля съ твердостію. Дивизія Французская, ашакванная съ шрехъ сторонъ двумя пѣхопными дивизіями и многочисленною конницею, оченъ долго держалась съ невѣрояпнымъ упоршвомъ; наконецъ, испрапивъ всѣ снаряды и спѣсенная превосходшвомъ силъ, была разбиша и опрокинуша въ Боберъ. Генераль Пюшо, съоднимъ изъ бригадныхъ своихъ

Генераловъ , взявъ въ плѣнь, и дивизія его почти въ конецъ истреблена.

Кацбахское сраженіе, истребленіе пятого корпуса и дивизіи Пюшо сшоятъ Французамъ десяти тысячъ человекъ убишыхъ и раненыхъ, пшнадцати тысячъ плѣнныхъ и приццати пушекъ. Пошеря непріятели долженствовала бытъ также значительна.

Блюхеръ съ своею арміею пробылъ въ Кацбахъ только 16^о (н. с. 28) число. 20 Августа (н. с. 1 Сентября) онъ переправился чрезъ Боберъ, и 21 (н. с. 2 Септ.) уже находился въ Лаубанъ (Lauban).

Хошя Кацбахское сраженіе доставило Генералу Блюхеру шишуль Князя , но нельзя не замѣнить , что побѣда сія, имѣвшая споль пагубное вліяніе на военныя дѣйствія сего похода (Французовъ), была послѣдствіемъ двухъ ошибокъ, сдѣланныхъ Главнокомандующими обѣихъ непріязненныхъ армій. Мѣры Генерала Блюхера до 14 (н. с. 26) Августа безпрекословно досшойны всякой похвалы; не шакъ однако же дѣйствоваль онъ въ день сего сраженія. Операціонный планъ его совершенно сосшавленъ былъ прошивъ всѣхъ правилъ Военнаго Искусства; непосредственное сообщеніе Французской арміи съ другими корпусами, находящимися въ Саксоніи, очевидно могло бытъ вредно на пра-

вомъ ея крыль, споявшемъ у Голдберга; слѣдственно надлежало напасть на правое крыло, а не на лѣвое, какъ по сдѣлалъ Блюхеръ, сосредоточивъ всю свою армію влѣвъ ошь Вюшендъ-Нейсса. Нѣтъ сомнѣнія, что восемьдесятъ тысячъ человекъ, соединенныхъ въ сей почкъ, должны были разбить Французовъ, составившихъ правое крыло Макдональда, копорыхъ число не превышало и сорока тысячъ воиновъ (*). Третій корпусъ, занимавшій Ропкирхъ и Лигницъ, оставленъ былъ на произволь судьбы, ибо изъ Голдберга союзники могли опередить его на пуши къ Бунцлау, и слѣдственно опрѣзашъ ему всякое опшупленіе на Боберъ. Въ случаѣ неудачи, и даже, если бы Сакенъ вовсе былъ разбитъ и опшѣсненъ за Яуэръ, Главнокомандующій Прусскою арміею могъ безопасно опшупишь чрезъ Шонау и Ландсгупъ, на Глаць и Богемію. Впрочемъ, ошибка Блюхера замѣчена искреннѣйшими его приверженцами, и въ послѣдствіи признана имъ самимъ.

(*) Исчисленіе Французскаго Писателя; впрочемъ Военная Исторія представляешъ примѣры сохраненія въ подобныхъ случаяхъ малочисленной арміи и даже одержанныхъ ею побѣдъ надъ превосходнѣйшими числомъ непріятельскими войсками: судьба сражающихся едва ли не чаще рѣшипся искусствомъ военачальниковъ.

Показавъ погрѣшности непріятельскаго Полководца, кошорому счастливый случай помогъ споль славно ихъ загладишь, умоличимъ ли о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ Маршаломъ Макдональдомъ? По испинь, почпи неудобопоняшно, какимъ образомъ Маршалъ сей могъ споль неблагооразумно завести войска свои въ позицію, единственную, можешь бышь, на всемъ проспранствѣ сорока миль, гдѣ надлежало ему, во что бы то ни спало, избѣгашъ сраженія. По шѣмъ же самымъ причинамъ, кои долженспвовали заставишь Блюхера дѣйспвовашъ на лѣвомъ крылѣ, Макдональду всего лучше было начать дѣло на правомъ своемъ флангѣ. Выславъ нѣсколько опрядовъ на дорогу ошъ Голдберга къ Яуэру, сей Маршалъ прикрылъ бы дѣйспвующую свою линію, и могъ бы угрожать важнѣйшему сообщенію союзниковъ — лѣваго ихъ крыла съ Богемією. Соединивъ пятый и одиннадцатый корпусы, и выступивъ чрезъ Праузниць и Цейхау, онъ навѣрное принудилъ бы Ланжерона оставишь позицію Генерсдорфскую, не допустивъ Сакена и Йорка подкрѣпишь сего Генерала. Генераль Сугамъ пришворными ашаками занялъ бы на лѣвомъ берегу Вюпендъ-Нейсса обоихъ вышеназванныхъ Генераловъ. Съ ошсущупленіемъ Ланжерона ошъ Генерсдорфа,

правое крыло Французовъ свободно и быстро могло бы двинуться на Яуэръ, и тамъ перейти Вюпендъ-Нейссъ. Тогда оспавалось бы Блюхеру думать только о репирадъ, и съ поспѣшностію кинуться на правый берегъ Одера, поперявъ такимъ образомъ большую часть Силезіи и драгоценное сообщеніе свое съ главною арміею Князя Шварценберга.

Если разсматривать безъ предубѣжденій распоряженія Маршала Макдональда, то неудачный выборъ мѣста для ашпаки не есть единственная погрѣшность, въ коей можно по справедливости обвинять его. Разбросавъ на далекое разстояніе войско свое, онъ сдѣлалъ ошибку не менѣе важную. И подлинно, походъ прешяго корпуса по дорогъ отъ Лигница въ Яуэръ и походъ дивизіи Пюшо чрезъ Шонау, въ пользу союзныхъ войскъ, безусловно ослабили собственныя его силы въ рѣшишельнѣйшемъ пунктѣ, и не могли имѣть никакого вліянія на успѣхъ сраженія. Если наконецъ, по соображеніямъ его, и надлежало устремить главныя силы на Яуэръ правымъ берегомъ Вюпендъ-Нейсса, то приличіе было бы соединить прешій и одиннадцатый корпусы у брода Шмоховицкаго, и переправить ихъ вмѣстѣ. Тогда непріятель нашелъ бы его съ шестидесятью тысячами человекъ, и напискъ кавалеріи Васильчикова не

принесъ бы ни малѣйшей выгоды. Третій корпусъ, стараясь выиграть пошерянное время, въ назначенномъ ему походѣ, не былъ бы задержанъ съ кавалеріею въ шѣснинѣ, гдѣ непріятель легко могъ упредить съ фронта, что и случилось. Но дѣйствуя совсѣмъ прошивнымъ образомъ, мы видимъ, что Макдональдъ бросился съ двѣнадцашью тысячами человекъ въ шѣсное мѣсто, опрѣзанное высушившими изъ береговъ рѣками, и гдѣ не оставалось ему другаго сообщенія, кромѣ покинушаго въ пылу малоудобнаго брода и одной дефилеи на правомъ его флангѣ. И такъ скажемъ опкровенно, что если мѣры Генерала Блюхера не были самыя лучшія и не могли доставить ему побѣды, въ какомъ бы то ни было положеніи дѣлъ, то мѣры Маршала Макдональда еще и того хуже. Онѣ необходимо располагали поперю Кацбахскаго сраженія, гдѣ сполько Французовъ остались жертвою упрямой своей неуспрашимости и неосмотрительности Главнокомандующаго (*).

Перевелъ съ Франц. Иванъ Бутовскій.

(*) Кацбахское сраженіе сходствуетъ съ Іенскимъ, пошому, что то и другое даны были внѣ операціонной линіи и внѣ сообщеній съ корпусами, въ пылу находившимися.

Примѣч. Франц. Издателей.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Предисловіе Г. Лемонтея къ изданію Басень Крылова съ Французскими и Италіянскими переводами (*).

Охопники до рѣдкосей въ Словесности ревностно омыскивають собраніе девизовъ и мадригаловъ, сославляющихъ шакъ называемую гирланду Юліи, писанныхъ, въ честь дѣвицы Рамбулье, славнѣйшими изъ умниковъ XVII спольшія. Безъ дерзновенія, можно обѣщашь подобный жребій двумъ книжкамъ, кошорыхъ пишу введеніе: онѣ заключающъ въ себѣ 86 Русскихъ Басень, напечатанныхъ въ Парижѣ Русскими буквами съ

(*). Чишашели наши уже знающъ, что Графъ Г. В. Орловъ издалъ въ Парижѣ выборъ Басень Крылова (числомъ 86), съ переводами ихъ въ спихахъ, на Французскомъ и Италіянскомъ языкахъ. Здѣсь помѣщается предисловіе или вспушленіе, сочиненное Г. Лемонтеемъ (Lemontey) на Французскомъ языкѣ; въ слѣдующихъ книжкахъ Сына О. надѣмся помѣспитъ переводъ Италіянскаго предисловія Г. Салфи, а со временемъ полный (по возможности) разборъ Италіянскихъ и Французскихъ преложеній Басень И. А. Крылова. *Изд.*

*

приложеніемъ переводовъ Испаліанскаго и Французскаго 88 Писателями обоихъ народовъ: но сія необычайность, вѣроятно, не одна сослужила достоинство этой новой вязи поэтическихъ цвѣтовъ. —

Россіяне довольно поздно спали дѣлились съ Европейцами образованностію послѣднихъ вѣковъ. Не столько суровое небо, сколько два разныя нашествія Татаръ и Ливвы воспріялисповали развитію душевныхъ способностей сего, по природѣ веселаго, умнаго, обходительнаго племени. Въ замѣну они оказали быстрые успѣхи на всѣхъ поприщахъ, открытыхъ имъ Петромъ Великимъ. Просвѣщеніе и искусство ихъ Дипломатовъ утвердили политическій вѣсъ Россіи въ дѣлахъ Европы; Исторія не безъ ужаса ичисляешь ихъ шоржества и военные способы. Ихъ Законовѣдніе не теряетъ изъ виду главной цѣли своей — кротости и справедливости, а Науки между тѣмъ обогащаются трудами ихъ еспешвоиспытателей и отважныхъ мореходцевъ. Но здѣсь въ особенностіи хочу обратишь вниманіе на Словесность ихъ.

Петръ I, который создалъ на землѣ новой, долженъ былъ обратишь бѣльшее вниманіе на основанія, нежели на украшенія своего строенія. — Не прежде, какъ въ царствованіе его Племянницы и Дочери, Россія

озарилась первыми лучами Словесности. Подобно всемъ другимъ народамъ, Русскіе въ среднихъ вѣкахъ своей Испорціи имѣли Лѣшписцевъ, Пѣвцевъ, игрища скомороховъ свяшочнымъ, коихъ произведенія въ послѣдствіи исчезли во мракъ варварства (*). Бѣдный рыбакъ (**), родившійся близъ льдовъ Архангельскихъ, одаренный необыкновенною силою ума и дарованія, подарилъ Русскихъ, за нѣсколько лѣтъ до половины XVIII вѣка, первую ихъ Грамматику, первымъ Словаремъ(?); первыми правилами и примѣрами Поэзіи. Замѣчательно, что и языкъ Нѣмецкій, прене-

(*) Неспоръ, Сильвестръ, Пѣвецъ Слова о Плаку Игоревѣ, Кирша Даниловъ! ужели иноплеменникъ говоришь истину? ужели ты въ самомъ дѣлѣ вовсе забышь неблагодарными пошломками? *Зам. Перев.*

(**) Дѣло идешь о Ломоносовѣ. Авторъ прибавляешь о немъ въ своемъ примѣчаніи слѣдующее: „онъ былъ умъ всеобъемлющій, Поэтъ и Прозаикъ, равно свѣдущій и въ Наукахъ точныхъ, и въ Искусствахъ Изящныхъ, превосходный и самоспопелный во многихъ родахъ. Оды его и переложенія Псалмовъ никѣмъ еще не превзойдены; онецъ Россійскихъ Писателей по сию пору исполнѣ между ними.“ Вошь, что говоришь Французъ; но мы не чинаемъ Ломоносова!!! *Перев.*

бреженный дополь въ собственнѣй справѣ своей для Лашинскаго, началъ образоваться въ это же время. Впрочемъ, до царствованія Екатерины II (*), на Парнассѣ Русскомъ находимъ полько разбросанныя попышки и подражанія чужеспранцамъ, болѣе или менѣе удачныя.

Умъ сей Великой Государыни, способный все сообразить и всему положить начало, почувствовалъ необходимость, положить умственному образованию своего народа прочнѣйшія основанія. Съ одной стороны, велѣла Она перевести всѣ классическія творенія Французовъ, Испаліянцевъ, Англичанъ и Нѣмцевъ: это было самое надежное средство къ усовершенствованію языка и къ возмужалости разума въ народѣ новомъ; съ другой стороны, положила начало народному просвѣщенію, и для сего призвала изъ всѣхъ справъ искусныхъ Профессоровъ. Александръ I исполнялъ начинанія вѣчно - достойной памяти Своей Бабки, по плану обширному

(*) Ломоносовъ началъ пѣть при Императрицѣ Аннѣ, пѣлъ во все царствованіе Елисаветы: вошь какъ должно быль ошпорожну въ собираніи запасовъ историческихъ, особливо, когда берешься говорить о событіяхъ, близкихъ къ намъ по времени. *Изд.*

и правильному, и по гласу новаго Озириса, неизмѣримое Царство испило изъ всѣхъ источниковъ свѣта, опшъ первоначальнаго сельскаго обученія до глубокомысленныхъ уроковъ, преподаваемыхъ въ шести большихъ Университетахъ.

Сіе общее движеніе, произведенное въ умахъ людей рукою мощною, производитъ дѣйствія, превосходнѣйшія предъ всякимъ кровопролитіемъ частнымъ и временнымъ. Россія, образованная и ученая, дѣйствительно раждается и возраспаетъ. Жизнь проявляется въ ней свѣжими и разнообразными произведеніями: новыя нужды заставили въ ней учредить для каждой недѣли, каждаго мѣсяца, каждаго года, Журналы и періодическія собранія сочиненій, посвященныя Наукамъ, Искусствамъ и Словесности. Вольныя Общества заводятся въ разныхъ мѣстахъ на сей же конецъ, и явно показываютъ движеніе мыслей и жажду къ познаніямъ. Въ Москвѣ есть Общество Любителей Древностей, обѣщающее подарить насъ любопытными изысканіями въ странахъ, мало извѣстныхъ. Истинны, полезныя открытія не спрашались тамъ опроверженія, какъ въ обществахъ устарѣлыхъ. Тамъ благосклонно приняты способъ, который въ наши дни, сокращаетъ время и распространяетъ предѣлы

ученія: имена обѣихъ Императрицъ украшають списокъ его покровителей. Нельзя не признасться, что теперь въ Россіи вниманіе общее привлекается успѣхами литерашурными. Уже мода, кошорая, подъ видами суешности, пѣмъ не менѣе въ образованныхъ обществвахъ, служишь исполковашельницею вкуса шонкаго, осѣшила книги и Писателей своими причудами и предубѣжденіемъ. На берегахъ Финскаго залива ешь также поборники и послѣдователи двухъ школь, раздѣляющихъ спихопворный міръ на *Классиковъ* и *Романтиковъ*, въ ожиданіи шого, когда вкусъ образованный сосшавишь изъ двухъ сопрошвнныхъ системъ *стройный чинъ*, кошорый оживишь формы древня, и дасшь правильность новымъ. Наконецъ, женщины разныхъ сосшояній заняли мѣсто между Писателями соплеменными. Сіе учасшіе женщинъ въ шрудахъ Музь, охуждають ли его или хваляшь, бываешь всегда вѣрнымъ признакомъ, что Словесность проникла въ нравы народа, и не можешь уже ошь нихъ ошшоргнушься.

Прежде нежели спанемъ далѣе разсмашриваешь сію каршину, необходимо должно бросишь внимашельный взоръ на языкъ Русскій, ибо языкъ ешь первообразное вещьство каждой Словесности, и неразлучная спихія оной, кошорая принимаешь формы мы-

слей и краски слога не иначе, какъ съ измѣненіями. Языкъ народа конечно не шакъ измѣнчивъ, какъ его Словесность; но шѣмъ не менѣе оспается онъ самую вѣрную мѣрою для обозначенія шаговъ, сдѣланныхъ Словесностью, и для предузнанія шѣхъ, кои она впередъ можешь сдѣлать. Трудно судишь о языкѣ живомъ: природные жишели знаютъ его слишкомъ, а чужеземцы не довольно. Будучи слишь съ обычаями первыхъ, и оплишь по образу ихъ ума, онъ проникаешь въ нихъ безъ ихъ вѣдома, подобно воздуху, коимъ они дышашъ, тогда какъ другіе, управляясь по большей части въ изученіи языка чужаго какою либо цѣлью пользы частной, рѣдко объемяють его въ цѣлосіи, и не знаютъ всѣхъ его шонкосей. Русскіе увѣряють, что языкъ ихъ богашъ, пріяшенъ, сладкозвучень и обилень разнообразными оборотами. Онъ имѣешь по преимуществу, что сродень и поняшенъ всѣмъ въ ихъ Царствѣ; не бывъ пересѣкаемъ нарѣчіями обласными, копоры опъ края до края измѣняютъ всѣ другіе языки Европы (*). Но вмѣстѣ съ шѣмъ онъ совершенно опличаешь опъ сихъ послѣд-

(*) Много чесши! Только добрый сочинитель не зналъ — и ему эпо извинишельно, что Великороссіянину почши шакже прудно понимашъ Малороссіянина, и на оборотъ, какъ жи-

нихъ корнями словъ своихъ, копорые суть его собствєнные, и букваремъ, составленнымъ, какъ сказывають, въ II вѣкѣ (*) Святымъ Кирилломъ Солунскимъ, по образцу буквъ Греческихъ и Еврейскихъ. Имъ, сыномъ Славянъ, до времени Петра Великаго, не занимались и спарались его очистишь ошъ ржавчины, копорую на немъ оставили набѣги Татаръ и Липовцевъ. Число буквъ сначала уменьшено: въ немъ было до 35, а послѣ до 32, и это число, кажется, еще очень велико другимъ Европейцамъ. Спихопворцы подчинили его риѣмъ; а нѣкопорыя попышки, ограничившїяся невѣрнымъ успѣхомъ, въ составленїи на немъ спиховъ совершенно меприческихъ, заспавляють сомнѣваться, чтооь его можно было подвеспи подѣ спихосложенїе Древнихъ. Проза его ошличается многочисленными и многосложными словосочиненїями.

пелю Прованса уроженцевъ Эльзаса или Лопаринги. Не говорю уже о Липовцахъ, а шого мѣнѣе о племенахъ Финскихъ, Сибирскихъ, Татарскихъ и Монгольскихъ. Впрочемъ должно согласишься въ шомъ, чтоо языкъ Богослужебный Православныхъ Христіанъ много облегчаешъ общапеламъ обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперїи способности разумѣшь другъ друга. *Перев.*

(*) Свяшїй Кирилъ и старшїй брашъ его, Свяшїй Меѣодїй, почитающїеся изобрѣшашелами Славянскихъ буквъ, жили около половины IX вѣка.

Такова спихія , данная Рускимъ для общенія ихъ мыслей. Не должно сомнѣваться въ помѣ, что она способна къ усовершенствованію. Прошедшее служишь пому свидѣльствомъ: ибо Рускіе не безъ пруда теперь чипающъ шаринныя произведенія , открываемыя у нихъ любителями древности, и съ нѣкошораго времени замѣтно , что въ новыхъ сочиненіяхъ обыкновенная запушанность фразологіи уступашъ мѣсто образу изложенія , болѣе приближающемуся къ простотѣ. Поспешенное улучшение каждаго языка имѣешъ два постоянныя начала : унопреленіе въ высшемъ обществѣ и пруды людей ученыхъ. Языкъ Славяно-Русскій, по обоимъ симъ опношеніямъ, находишь въ особенномъ положеніи.

С. Пешербургъ , мѣспопребываніе Правительствва, ешь также колонія Европы, какъ и столица Россіи. Въ немъ всѣ языки какъ бы получили право гражданствва. По дару ли природы, или по привычкѣ, принятой ошь самой колыбели, Рускіе говорятъ на всѣхъ языкахъ съ одинакою легкостью. Посему не должно удивляшья, что во время преобразованія, произведеннаго Петромъ Великимъ въ нравахъ и обычаяхъ Россіанъ, лучшее общество предпочло природному языку чужеземные, предлагавшіе Рускимъ гошо-

вый свой запасъ обработаннаго слога разговорнаго и Словесности зрѣлой. Следствіемъ того было, что языки Нѣмецкій, Италіанскій, а болѣе всего Французскій, употреблялись въ сношеніяхъ общественныхъ; Славяно-Русскій же (*) берется только на просонародныя нужды въ жизни домашней. Тогда же и поже предубѣжденіе высшихъ званій къ Театрамъ иностраннымъ, лишало въ Россіи Искусство Драматическое природныхъ дарниковъ и пушеводителей. Сей неравный раздѣлъ, замедляя успѣхи природнаго языка въ понкосняхъ и спройности, невольно долженъ былъ сохранитъ въ немъ проспосу, и пакъ сказать, чистосердечность выражений. Опъ сего-шо, хоша опечеспвенный Театръ Русскихъ, сколько мы можемъ судитъ о немъ по переводамъ, и не удовлетворяетъ еще въ полной мѣрѣ ожиданіямъ, но вообще дивитъ иностранцевъ дарованіемъ Писателей — искусно и вѣрно схватывающъ черты нравспвенныя въ Комедіи.

Такая зависимость и униженіе природнаго языка были крайне неободрительны.

(*) Можно было бы сказать просто: Русскій; ибо тогда уже разговорный языкъ весьма опличался опъ книжнаго, и мало разнился съ нынѣшнимъ.
Перев.

для писателей Русскихъ, осужденныхъ въ оп-
 чизнѣ своей на равнодушіе единоплеменцевъ, а
 въ чужихъ странахъ на изученіе неболь-
 шимъ числомъ Переводчиковъ-самоучекъ, ко-
 торые разбирали ихъ ощупью; кромѣ того,
 имъ должно было бороться съ оболъщеніями
 славы, манившей ихъ писать на языкѣ чу-
 жемъ, но почти общемъ во всей Европѣ:
 способностъ ихъ къ сему языку несомнѣнна,
 что доказываея оспроумными стихами
 Графа Шувалова, и прозою Гр. Головкина, и
 свободнымъ краснорѣчіемъ Гр. Орлова. Оп-
 дадимъ же честь патристической ревности
 прочихъ Россіянъ. Усилія ихъ Погодовъ были
 первыя, но не могли быть самыя рѣшитель-
 ны къ достиженію предположенной цѣли.
 Погодовъ вообще естъ языкъ исключительный,
 данный немногимъ любимцамъ неба, и столь
 драгоценный, что не можеть быть употреб-
 ляемъ въ житейскихъ сношеніяхъ людей.
 Можно положить за правило, что качества,
 дѣлающія языкъ повсическимъ, опшюдь не
 шъ, когорыя дѣлають его употребитель-
 нымъ въ обществѣ. Прошу подумать надъ
 сею истиной, ибо доказательствъ оной по-
 требовали бь такихъ поясненій, когорыя
 въ семь сочиненіи были бы неуспѣшны. Сямъ
 способомъ объяснился событіе, случившее-
 ся въ Европѣ: языкъ, вообще почитаемый

самымъ не стихотворнымъ, болѣе всѣхъ другихъ въ ней распространился. Тогда какъ Музы Темзы, Рейна и Тага открываютъ питомцамъ своимъ свободныя сцены, — попребень гений необыкновенный, чшобъ бытъ Поэтомъ по Французски и выдержашъ въ мѣръ высшемъ пошъ языкъ, кошорый, по испинно-человѣческому своему механизму, безпреспанно нисходишъ къ землѣ, подавая Писателю болѣе способовъ къ умствованію, нежели къ вымыслу. Посмотрите же, какими муками заставляешъ спрадашъ нашъ языкъ, освященный немногими великими Поэтами, — шолпа лѣхъ напыщенныхъ и безсильныхъ стихослагателей, коимъ недоспаешъ испиннаго вдохновенія! Слухъ иностранца, привычный къ смѣлости сихъ разныхъ нарѣчій, къ ихъ опущеніямъ, оборошамъ и удобству составляшъ и разлагашъ слова, не можешъ чувствовашъ въ болъшей части нашихъ стиховъ ничего, кромѣ прозы нѣсколько затруднительной, перерываемой шамъ и сямъ звономъ рими. — Если вѣришъ сему примѣру, то языкъ Русскій не столько опъ своихъ Поэтовъ, сколько опъ Прозаиковъ, долженъ ожидать усовершенствованія, и да, позволено будетъ сказать, Европейской своей об-

щежипельности (*). Уже Г. Карамзинъ по-
двинулъ впередъ сіе дѣло своею Исторіею Рос-
сійскаго Государства. Обширное и красно-
рѣчивое сіе твореніе обозначаетъ мѣста и
успановляетъ законы для оборотовъ и вы-
раженій Русской прозы. Слогъ Историка,
не нарушая естественности, украсился свѣ-
жестію и новостію: счастливое преимуще-
ство Писателей, первыхъ на такомъ язы-
кѣ, въ рождающейся Словесности коего пружины еще не ослабѣли.

Сей памятникъ, которой безъ сомнѣнія
будетъ призывнымъ знакомъ другихъ хоро-
шихъ сочиненій, сулитъ Царству Русскому
языкъ, долженствующій способствовать бу-
дущимъ успѣхамъ его образованности. Но
долженъ ли языкъ сей перейти за предѣлы
земли Русской, побѣдитъ страхъ, внушаемый
иностраницу великими его трудностями и
заняетъ мѣсто въ библіотекахъ и обществен-
ныхъ сношеніяхъ просвѣщеннаго міра? На та-
кой вопросъ, Грамматики отвѣчать не мо-
гутъ. Языки входятъ въ общее употребле-
ніе не по одному своему достоинству, но
по многимъ причинамъ, отъ того независя-

(*). Жаль, что Г. Лемоншей не знаетъ по Рус-
ски, онъ не позволялъ бы себѣ сказать лишняго.
Перев.

щимъ, каковы суть: война, полишка, заморскія заселенія, Вѣра, выгоды, дѣшъ духъ подражанія. Таковое ихъ распроспраненіе не служишь , признакомъ или мздою ихъ совершенства: нѣшь! не рѣдко видимъ , что коренное нарѣчіе съ распроспраненіемъ порпшся , подобно рѣкъ , копорой воды неизбѣжно мушпшся опъ долгошы ея печенія и множешва сливающихся въ нее чужихъ водъ. Иногда я съ удовольспвіемъ размашприваю соспояніе языковъ, копорыми говорпшь въ Европъ, и направленіе, копорое имъ даешъ нынѣшній ходъ дѣль человѣческихъ. Всеобщія выгоды шорговли и неслыханное доселъ полишическое благососпояніе распроспраняющъ языкъ Англійскій до самыхъ прошивоположенныхъ концевъ земнаго шара. Языкъ Французскій не лешпшь уже болѣе на крилахъ побѣды, но все еще идешъ впередъ шагами шпшми и непрерывными, — за сіе обязанъ онъ несравненной своей ясности , движенію его Словесности, превосходству книгопечатанія и жпшельству безчисленнаго множешва чужеземцевъ, привлекаемыхъ блескомъ Искусствъ и привѣшлпвостію нравовъ. Языки Нѣмецкій и Испанскій оспашпшся неподвижны, безъ пошеръ и безъ пріобрѣшенія. Италіянскій, благодаря сокровищамъ спаринной его Липшерашурп и музыкальнымъ его свойствамъ,

поддерживаешься и кружишься въ свѣтъ, какъ предметъ роскоши. Прочіе языки, представляя въ пѣсныхъ рамкахъ небольшихъ областей мало соревнованія Писателямъ и расхода книгамъ, мало по малу скрывающася съ лишерашурной сферы, и грозятъ погаснуть въ обычаяхъ народныхъ, подобно нарѣчіямъ Фламандцевъ, Басковъ, Бретонцевъ и другимъ такимъ же обломкамъ слова человеческого. Чѣшбы докончишь сіе гаданіе о живыхъ языкахъ, должно было бы также разгадать участь богатаго нарѣчія, вышедшаго изъ древней Иллиріи, нарѣчія, общеупотребительнаго и обрабатываемаго нынѣ въ необъятномъ Царствѣ Русскомъ. Но это такая пайна, которую судьба сокрыла въ глубинѣ своей урны. Трудно однако жъ подумашъ, чѣшбы успѣхи его были посредственны.

Впрочемъ, какова бѣ ни была грядущая судьба его, но всякъ конечно съ участвіемъ взглянешъ на нынѣшнее состояніе Россійской Словесности. Едва вѣкъ пролетѣлъ съ шѣхъ поръ, какъ изученіе Словесности пробудилось въ Русскихъ — и они уже успѣли испытать себя во всѣхъ родахъ ея. Какъ мы выше сего замѣтили, Поезія предшествовала у нихъ Прозѣ, и жизнеописанія ихъ Стихотворцевъ составили бѣ уже огромную книгу. Отъ Эпопей до Эпиграм-

ми — ни одно мѣсто не осталось совершенно праздымъ. Я не упалъ, что они много подражали, и этому такъ бытъ долженствовало, ибо они явились послѣдніе, не только послѣ Классиковъ древнихъ, но даже посреди новѣйшихъ рудниковъ, находящихся въ полной разработкѣ. То же самое явленіе и вездѣ повторялось. Гдѣ новая Словесность не была сначала основана на книгахъ Священнаго Писанія, или на твореніяхъ Древности? Не помогали ль онѣ (Словесности) попомъ взаимно другъ другу? Не знаемъ ли мы, что Парнасъ Французскій, спользующій собственнымъ своимъ богатствомъ, былъ неслепенно Греческимъ, Латинскимъ, Италіанскимъ, Испанскимъ? И въ наши дни Германія не прикрываетъ ли образецъ Англійскихъ пеленою Нѣмецкою? И такъ слишкомъ легкомысленно заключали по первымъ усиліямъ Русскихъ, что они способны только къ подражанію. Сколь ни молода ихъ Словесность, но она не въ меньшей соразмѣрности представляетъ собственныхъ произведеній, какъ и всякая другая. Это собраніе Басень будетъ само пому доказательствомъ. Переводивъ сперва очень много, Писатели Невскіе и сами заслужили въ чреду свою бытъ переведенными. Нѣмцы и Французы уже воздали имъ сію заслуженную

честь. Г. Джонъ Боурингъ недавно еще издалъ въ двухъ томахъ выборъ изъ стихотвореній Русскихъ, преложенныхъ Англійскими стихами. По сей Антологіи, можно было судить о богатствѣ и разнообразіи Музы Иперборейскихъ. Меня болѣе всего поразили сила и воспоргъ, коими запечатлѣны ихъ Пѣсни воинскія. Я не знаю ни на какомъ языкѣ ничего въ этомъ родѣ превосходитъ Поэмы Жуковского, названной: *Плѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ* (*).

(*) Джонъ Боурингъ говоритъ въ предисловіи къ 2 части своей Антологіи, что онъ приневолимъ себя перевести сіи военныя стихотворенія, кои всѣ почти были сочинены подъ шапками, пѣвцами въ доспѣхахъ ратныхъ. Онъ указываетъ на опасность такихъ хипростей, посредствомъ коихъ возжигается ненависть между народами; и сей *духъ военный*, кромѣ правой защиты, по его мнѣнію, можетъ заглушать въ народѣ чувства человеколюбія. Разсужденія Переводчика опмѣнно человеколюбивы и благородны. Охотно выписываю сіе мѣсто, будучи увѣренъ, что одна умѣренность Царей спасаетъ нашу Европу. „I have done violence „to my feelings by translating many of the military „and warlike productions of the Russian Poets; but „they will not be without their use. They will serve „to show how the feelings of hatred and malevo-

Всякая раждающаяся Словесность охотно прудится надъ пѣми малыми Стихотвореніями, копоры пакже легко писать, какъ шрудно въ нихъ доспигнушь совершен-

„lence are excited; how that love of outrage which is called „martial spirit“ creeps into the bosom of a „people, and corrodes all the mild and all the generous virtues. They will show the 'arts by which „the slumbering passions are aroused, and how terrible it is to arouse them. Nor will such compositions excite *our* sympathy. They are directed „against us as well as others. Our shame and sin are „indeed heavier and older than theirs. Let us never „forget, that he who hates another prompts another „to hate him. We cannot keep all the malevolence „and all the vengeance for ourselves; it will return „upon us with renewed strength and redoubled ferocity. The wound may be inflicted for a momentary purpose, but we leave the weapon there to „canker and fester for ever.“ (Bowring's Russian Anthology, part the second; introduction, pag. XI). Сочиненіе сіе посвящено Императору Александру I. *Согни.* — Не знаю, на долго ли укореняется ненависть къ иноплеменнымъ врагамъ, въ другихъ народахъ; но знаю, что священная война 1812 года у всѣхъ Русскихъ еще въ свѣжей памяти, и конечно будетъ незабвенна, а ненависти къ чужеземцамъ, даже къ Французамъ, и слѣда нѣтъ въ народѣ Русскомъ. Но возбудить воинскій духъ его, возжечь въ немъ временную

шва: я говорю о Прищѣ или Баснѣ. Много-мыслящіе изсѣдователи приписывали ей истинно химерическое происхождение. Басню находимъ мы во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ странахъ: подъ шапками Араба и въ кибиткахъ Скиаа, у невольниковъ Фригійскихъ и въ шревогахъ Республики Римской. Она споль же мало зависить отъ свойства Правленія, что Франція, которой политическое бытіе такъ часто измѣнялось въ послѣдніе полвѣка, съ каждымъ почти годовымъ временемъ, видѣла у себя новое собраніе Басенъ. Прищча, Пословица, Аллегорія и Парабола, суть просто плоды способности, данной человеку, понимаешь и выражаешь свои понятія вымыслами. Многія изъ Басенъ суть не что иное, какъ распространенныя метафоры, фигуры риторическія, изображенныя въ дѣйствіи. Чрезвычайное разнообразіе сей Поэмы при

злобу и негодованіе къ дерзкимъ угнѣснителямъ, несшимъ огонь и мечъ въ предѣлы Русскіе, было необходимо для спасенія отечества, чести и жизни, и счастливъ пошъ, кто умѣлъ воспламенить сію искру въ сердцахъ Русскихъ: онъ достоинъ благодарности помощва наравнѣ съ воинами, обнажавшими мечъ для защиты неогнѣнной отчизны! *Переводъ.*

всей малости своей, заключающей въ себѣ расказъ, драму, описаніе и нравоученіе, показываетъ уже обильный источникъ, изъ ко-го она прямо исходитъ. Чѣмъ доказать сію истину, я опять приведу въ примѣръ Францію, гдѣ приводящіе въ опечаленіе подражателей образцы Лафоншеновы пробудили умы многихъ не-подражателей, каковы Ламошпъ, Флоріанъ, Женгене и Арно, — и всѣ они открыли пуши новые.

Народъ Русокій былъ какъ бы нарочно пригопвленъ къ симъ предельнымъ вымысламъ. Просподоушный языкъ его, проспые, земледѣльческіе нравы, семейныя и домоудныя привычки, удерживающія его въ сельскихъ жилищахъ, особливо въ долгиа холодныя зимы, веселость его, крѣпящая отъ незнакомства ни съ чесподобіемъ, ни съ нуждами, и сродный ему духъ наблюденія, возбуждаемый мяшежною природою, переходящею отъ ледяныхъ оковъ зимы къ дивному плодородію, — вызывали геній Баснописцевъ. Кромѣ Басень, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ разныхъ Спихотворцевъ, въ Россіи считаешся (*) при Поэша, особенно посвятив-

(*) Считается не при, а гораздо болѣе; но здѣсь упоминаемыя три сушь отличнѣйшіе.
Пер.

шихъ себя сему роду сочиненій: Хемницеръ, Дмипріевъ и Крыловъ. Перваго изъ нихъ уже нѣтъ на свѣтѣ; оба послѣдніе живы.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.*)

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Б.

МОРСКАЯ СИЛА ФРАНЦІИ И СЪВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

(*Изъ Bells Weekly Messenger.*)

Едва ли нужно намъ обращать вниманіе читателей нашихъ на общую дѣятельность во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія Франціи, въ царствованіе новаго Короля оной, Карла X. Особенно, оказывается сей духъ силы и дѣятельности въ Департаментѣ Морскаго Мининистерства. Мы имѣли уже случай замѣтить, что во Франціи назначается ежегодно гораздо большая сумма денегъ на морскую силу, и особенно на постройку новыхъ кораблей, нежели въ Англіи. — По воз-

становленіи прона Бурбоновъ, первымъ спараніемъ Правительства было возвышеніе флота на ту степень силы и значительности, на коей онъ находился въ цвѣтущее время Монархіи. Нынѣшній Король конечно помнишь юношескія свои лѣта (съ 1776 по 1780 годъ), когда Французскій флотъ, подъ начальствомъ искусныхъ Адмираловъ, возбудилъ въ Англіи немалыя опасенія, и даже, хоша на короткое время, грозилъ взятіемъ нашихъ владѣній въ Западной Индіи. Покойный Король Георгій III, почувшовавъ сей временный перевѣсъ Французскаго флота, отправилъ собственнаго своего Адмирала (шакъ онъ называлъ Лорда Роднея), чшобъ вспрѣлшишь Графа де-Грасса, и принудишь его преклонишь флагъ свой. Съ того времени понынь, мы непрерывно удерживали поверхность надъ Французскимъ флотомъ, и у насъ, между моряками, приняшо, что Англійскій 48 пушечный фрегатъ равняется съ Французскимъ 74 пушечнымъ кораблемъ, и что нашъ 36 пушечный фрегатъ можешь выдержашъ бой съ Французскимъ 50 пушечнымъ.

Теперь спрашивается: какую цѣль имѣешь Франція, при нынѣшнемъ увеличеніи своего флота? Отвѣчаемъ по душевному нашему убѣжденію, что сія мѣра составляетъ только часть общей системы Французскаго

Правительства, возстановишь Монархію въ первоначальной ея силѣ и во всемъ прежнемъ блескѣ, и возобновишь важную оной отрасль — морское ополченіе, въ надлежащемъ видѣ. Еще несовершенно можно полагаться на сухопутную армію: она не довольно очищена и устроена, не вовсе забыла прежнія свои требованія и склонности. Нѣкошорые изъ Маршаловъ Наполеона еще живы, и пользуются пріобрѣтенною ими славою. Посему Дворъ обращаетъ свое вниманіе на другую опору Государства — флотъ, кошорый, какъ извѣстно, всегда былъ преданъ Королямъ. Сверхъ того справедливая народная гордость и чувство собственнаго величія прѣбужетъ, чшобъ народъ великій и сильный имѣлъ голосъ въ дѣлахъ Европы, и пользовался уваженіемъ сосѣдей. И шакъ Франція употребляетъ на свой флотъ нѣ суммы, кошорыхъ не можешь съ безопасностію обратишь на армію, и готовишся воспользоваться случаемъ, кошорый, можешь бышь, народное счастье представитъ ей для распространенія своего благосостоянія.

Вошь, въ немногихъ словахъ, мнѣніе наше о цѣли распространія Французской морской силы, но ешь, мы не думаемъ, чшобъ Карль X имѣлъ при томъ какую либо особенную цѣль, какое либо другое намѣреніе,

кроме исполненія своего долга въ званіи Короля Французскаго. Достоинство сего высокаго сана повелѣваетъ ему возстановлять славу и дѣйствительную силу своего Государства. Мы въ этомъ отношеніи совершенно спокойны. Въ будущемъ не предвидимъ мы войны, не видимъ обдуманнхъ требованій, власполюбивыхъ плановъ и замысловъ для приобрѣтенія перевѣса въ Европѣ. Польза Англіи и Франціи равномѣрно пребудетъ стараться о сохраненіи мира и о хорошемъ употребленіи своихъ доходовъ, которые достаточны для обезпеченія благоденствія ихъ подданныхъ.

Между тѣмъ должно сказать, что система распространенія морской силы въ мирное время свойственна не одной Франціи: равную дѣятельность въ семъ отношеніи видимъ въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Областяхъ. Мы приписываемъ сіе той же самой причинѣ, по естѣ, увѣренію Американскаго Правительсва, что достаточная морская сила необходима для обороны всякаго Государства. Можетъ быть, тому содѣйствуетъ опасеніе, что Испанія употребитъ всѣ силы свои для нападенія на Южную Америку, и что въ семъ случаѣ надлежитъ быть готовымъ къ скорой оборонѣ.— Но спросимъ у самихъ себя: не щочно ли

накъ знали бы мы поступать, если бь были на мѣстѣ Сѣверо-Американцевъ? — Имѣя достаточныя пособія въ землѣ своей, благоденствуя подъ вліяніемъ твердаго Правленія, Сѣверная Америка обязана помышлять объ увеличеніи своей морской силы, чтобы немногіе непріятельскіе фрегаты не могли встревожить береговъ ея, или чтобы эскадра, состоящая изъ трехъ линійныхъ кораблей, не смѣла прорваться до Вашингтона, и потомъ невозбранно оплыть назадъ. И такъ умноженіе Сѣверо-Американской морской силы ещѣ естественнѣе и благоразумно, что не должно ошмыскиватьъ оному другимъ причинъ.

Но не забудемъ, что если наша (Англійская) морская сила, по видимому, не дѣлаетъ сихъ успѣховъ въ своемъ распространеніи, то причина сему заключается въ ея настоящемъ величіи: у насъ почти нѣчего дѣлать по сей часши. Мы должны только поддерживать, а не пворить вновь. Если нужно, то мы можемъ въ шесть недѣль покрыть Океанъ флотомъ, который, съ Божіею помощію, принудитъ всѣхъ враговъ опустить предъ нимъ свои флаги. И такъ нѣтъ надобности терять на это много словъ. Мы имѣемъ во всякое время готовый флотъ, въ сравненіи съ коимъ прочіе флоты суть не иное что,

какъ боты, окружающіе 74 пушечный корабль (*).

2.

СРАВНЕНІЕ Французской сухопутной силы при Наполеонѣ и при Карлѣ X.

До нашествія Наполеона на Россію, гдѣ онъ нашелъ могилу своей арміи и славу, слѣдственно на высочайшей степенн могущества Франціи, сухопутная ея сила была слѣдующая: пѣхоты 131 полкъ, въ томъ числѣ 103 полка линейной и 28 полк. легкой пѣхоты. Въ конницѣ было 84 полка, а именно: 2 карабинерные, 14 кирасирскихъ, 30 драгунскихъ, 27 конноегерскихъ и 11 гусарскихъ. Артиллерія состояла изъ 9 полковъ пѣхотныхъ и 6 конныхъ, изъ двухъ баталіоновъ понтонныхъ, роты артиллерійскихъ масперовыхъ, и 27 фуришпанскихъ артиллерійскихъ баталіоновъ. Въ семь числѣ не заключалась гвардія, которая состояла изъ одного пѣхотнаго гренадерскаго корпуса, одного пѣхотнаго егерскаго, одного полка національной гвардіи, одного драгунскаго полка, одного конноегерскаго, роты

(*). Кто не просишь этого преувеличеннаго сравненія гордому Англичанину? Изд.

Мамелюковъ, двухъ уланскихъ полковъ, легиона ошборныхъ жандармовъ, корпуса артиллеріи, морскаго экипажа и роты саперовъ.

Нынѣ царствующій Французскій Король Карль X вновь преобразовалъ Французскую армію, которая въ 1814 и въ 1825 годахъ была почти совершенно распущена. Разумѣется, что она не столь сильна, какъ въ 1812 году. Пѣхота будетъ впродъ состоятъ изъ 6 полковъ гвардейскихъ, 64 полковъ линейной и 20 легкой пѣхоты, всего изъ 90 полковъ. Въ каждомъ полку имѣется шпабъ и 3 баталіона; въ каждомъ баталіонѣ 8 ротъ и на военномъ положеніи 937, а на мирномъ 600 чел. — Французская кавалерія состоятъ изъ 2 полковъ гренадерскихъ, 2 кирасирскихъ, 1 драгунскаго, 1 конно-егерскаго, 1 уланскаго и 1 гусарскаго; сіи 8 полковъ составляютъ двѣ гвардейскія дивизіи; полевая же конница заключаетъ въ себѣ: 2 карабинерныя полка, 10 кирасирскихъ, 12 драгунскихъ, 18 егерскихъ и 6 гусарскихъ, всего 56 полковъ. Каждый кавалерійскій полкъ долженъ состоятъ изъ шпаба и 6 эскадроновъ; въ гвардейскихъ полкахъ каждый эскадронъ имѣетъ на военномъ положеніи 152 чел. и 153 лошади, а на мирномъ 120 чел. и 119 лош.; въ тяжелой кавалеріи на военномъ положеніи 150 чел. и 141 лош.; на мирномъ 118 чел.

и 101 лош.; въ легкой на военномъ положеніи 166 чел. и 152 лош., а на мирномъ 118 чел. и 101 лош. Гвардейская артиллерія будетъ состоять изъ 1 полка пѣхотнаго, 1 коннаго и 1 фуришапскаго; полевая изъ 8 полковъ пѣхотныхъ, 4 конныхъ, 1 понтоннаго баталіона, 12 ротъ военно-рабочихъ, 1 рота оружейниковъ и 8 ротъ фуришапскихъ. Каждый изъ 8 пѣхотныхъ полковъ будетъ имѣть 20 ротъ, и на военномъ положеніи 2139, а на мирномъ 1539 чел. Конно-артиллерійскіе полки будутъ имѣть по 8 ротъ, и по 856 лошадей на военномъ и по 450 на мирномъ положеніи. — Вся сила 90 пѣхотныхъ полковъ составитъ 257,000 чел. на военномъ и 167,000 чел. на мирномъ положеніи. 56 полковъ кавалеріи заключають въ себя 54,262 чел. на военномъ, и 41,216 чел. на мирномъ положеніи; артиллерія на военномъ положеніи 43,006 чел. на мирномъ 25,004 чел. — И такъ вся Французская армія, за исключеніемъ Инженернаго корпуса, Королевскихъ домашнихъ войскъ (*maison du Roi*), жандармовъ и вешерановъ, состоитъ изъ 355,000 чел. на военномъ и изъ 234,000 чел. на мирномъ положеніи.

Н. Р. Ж.

О вліянні нинішньої розробки Американських рудниківъ.

Знаменишый Географъ, Профессоръ Гаппереръ, однажды на лекціи въ Гейпшингенъ сказаль: „если бь Америка была споль же рано въздълана, какъ Европа, то золото и серебро, подобно чугуну, не годились бы въ деньги, ибо количество драгоцѣнныхъ металловъ въ Америкѣ слишкомъ велико.“ — Чишя извѣстія новыхъ путешественниковъ по тѣмъ странамъ, еще болѣе укрѣпляемъ въ сей мысли. Всѣ они, какъ по Гг. Гумбольдтъ, Энвееге, Спиксъ, Марціусъ, Молліенъ и проч. единогласно утверждають, что естественный запасъ золота и серебра въ тѣхъ странахъ можешь казаться несмѣшнымъ, но донынѣ пользовались онымъ очень мало: рудники были обрабатываемы неискусно и безъ радѣнія. Г. Молліенъ, недавно возвратившійся изъ внутреннихъ обласей Колумбіи, не можешь довольно выразишь, до какой степени онъ былъ изумленъ несмѣшнымъ обидіемъ металловъ въ той странѣ. Тамъ еспь обласни, говоришь онъ, какъ напримѣръ Хоко, лежащая по берегу Южнаго Океана, въ коей вся почва, такъ сказашь, состоишь изъ золота. Путешественники по Бразиліи увѣряють

нась, что если въ нѣкопрыхъ мѣстахъ оной выдернешь кусчикъ изъ земли, то золотая пыль слѣпаетъ съ корней. Сіи путешественники говорятъ, что Англійскія Компаніи начинаютъ разрабатывать сіи руды привсѣхъ пособіяхъ искусства и съ величайшею дѣлательностію.

Теперь предстоитъ вопросъ: какія дѣйствія произойдутъ отъ сего въ Европѣ? Ошвѣчаешь неспрудно: взгляните на Англію. По всѣмъ примѣсамъ видно, что при безпрестанномъ приливѣ денегъ въ Англію, тамошніе жители не знаютъ, что дѣлаешь съ своими капиталами. — Возвышеніе промышленности, торговли и народонаселенія будетъ естественнымъ сего послѣдствіемъ; наконецъ дойдешь до того, что Англія и прочія фабричныя земли не въ состояніи будутъ кормить себя. Требования сырыхъ произведеній увеличатся. Въ случаѣ посредственнаго урожая, цѣна хлѣба до чрезвычайности поднимется. При размноженіи денегъ возвысятся цѣны на всякое недвижимое имущество. Государства швердой земли въ послѣдствіи легко улапятъ свои долги, ибо цѣна нынѣшней монеты мало по малу исчезнетъ въ сравненіи съ достоинствомъ недвижимости. Капиталисты по той же причинѣ обдѣвуютъ, а помѣщики и хозяева товаровъ разбога-

пѣюшь. И шакъ кпо поступаешъ благо разумно въ семь случаевъ? Топъ, кпо употребляешъ капиталы свои на покупку земель и поваровъ, доколѣ еще есть время.

Изъ Нѣм. Журн.

V.

АНТИКРИТИКА.

Короткій отвѣтъ на длинную Антикритику.

(См. С. О. кн. XII. стр. 374 и слѣд.)

Нѣкто, подписавшій вмѣсто имени своего Греческую букву β , напалъ на меня, если не всею силою, то по крайней мѣрѣ, всею тяжестью своей Логикѣ, за нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній на переводъ *Тассова Освобожденнаго Иерусалима*, Г. Раича. Широковѣщательная его антикриптика принадлежишь къ числу пѣхъ, на копорыя возражаешь почти нѣчего, ибо Сочинитель ея, по моему мнѣнiю ничего не доказалъ, кромѣ привязчивости, незнанiя Италiянскаго языка и сухаго понятiя о томъ предметѣ, о копоромъ взялся говорить. Но какъ въ этой антикриптикѣ замѣшано имя Липерашора, копорого я искренне уважаю, то не для

Аншикрипика моего, а изъ уваженія къ чипашелямъ С. О. и къ Г. Раичу, рѣшаюсь предсѣвить здѣсь небольшое число замѣчаній моихъ на замѣчанія Г. В.

Если бѣ я былъ худаго мнѣнія объ опривкѣ Г. Раича, то не сказалъ бы о немъ ничего, на ряду съ другими спихошвореніями Полярной Звѣзды 1825 года, а пропустилъ бы его въ модчаніи, пакъ какъ я сдѣлалъ съ *тремя* спихошвореніями, о копорыхъ проспо не упомянулъ. Но имя Тасса и переводъ Г. Раича имѣли всѣ права, чпобъ обратишь вниманіе публики на сей опривокъ. Я не сказалъ никакого приговора *вообще* переводу Г. Раича; но сказалъ и теперь скажу, чшо балладическій тонъ неприличенъ Поэмѣ Тассовой. Излишняя жасшосшь и однозвучносшь размѣра, и неминуемое шого послѣдствіе — неумѣренное употребленіе фигуры удержанія, опягощающее вниманіе чипашеля — сносны въ коропкомъ спихошвореніи, но упомишельны въ длинной Поэмѣ. Къ шому жъ и риема, безпреспанно звучащая въ слухъ, часнымъ своимъ повшореніемъ, легко можешъ ему наскучишь. Прочшисше не двѣ, не при спранички, написанныя пакимъ размѣромъ, а цѣлую Поэму въ 12 пѣсней, даже двѣ или три пѣсни изъ сей Поэмы — и вы легко мнѣ повѣрише.

Эта самая сжатость разбора заставляла иногда Г. Райча пропускать то, что у Тасса составляет истинные красоты, иное же дополнять своим собственным, дабы соблюсти полную справку и не разрывать связи в окладах подлинника. А кто спанет спорить, кроме некоторых заносчивых Анцикриптиков, что Писатель, переводящий великого Поэта, подвергается самой строгой ответственности? Судь большинства голосов читающей публики не так сговорчивы, как мой Анцикриптик: часто одно слово, один звук, производящий сильное действие в Поэзии, бывъ переставлены или изменены, ослабляют впечатленье цѣлаго, и подвергаются взыскательности людей съ разборчивым вкусом. Вотъ мое мнѣніе на сей счетъ, и я не разъ имѣлъ случай увериться опытомъ, что мнѣніе сіе приемлется всеми просвѣщенными Липераторами.

Учтивости Г. Анцикриптика β , и мелочныя, распянушыя его замѣчанія, я оставляю, какъ вещи, принадлежащія къ рѣшенію вопроса. Спранно только, что въ его теоріи Искусства форма есть не что иное, какъ *обликъ* (частное Искусства), *въ которомъ художникъ представляетъ свою идею, сотворившуюся по способу воззрѣнія его на предметы*, — следовательно, вещь въпороспепен-

ная, а не главный предметъ Изыщныхъ Искусствъ! — А чѣмъ же, прошу его объяснить, Художникъ, (напр. Ваятель, Живописецъ, Зодчій) изобразитъ свою идею, какъ не видимыми формами? И что же такое есть идея Художника? По моему мнѣнію, она есть усовершенствованіе, сообразно понятіямъ Художника, предметовъ, существующихъ въ природѣ. По сему, идея есть послѣдствіе формъ видимыхъ и осязательныхъ, и новостъ и предельность ея зависятъ отъ особаго сочетанія нѣхъ же самыхъ формъ.

Забавно извиненіе Г. Аншикрипики въ томъ, что онъ, *можетъ быть, выразился* въ своихъ замѣчаніяхъ нѣсколько сильно для *Рецензента*. На это имѣю честь ему отвѣчать, что въ замѣчаніяхъ его я вижу не силу, а усиліе, и отъ всего сердца ему извиняю. За Лашинскія и Французскія его фразы, хочу его также одарить Лашинскою фразою Саширика Пешронія: Non omnis Græculus Homerus. Если ему угодно примѣненіе сей фразы — и шѣмъ гошовъ ему служить: не всякой, кто вздумаетъ писать аншикрипики, есть вѣрный судья въ Словесности.

С

VI.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М А С С И Л І Я (*).

Въ суровомъ сѣверѣ мятели
 Несуся по полю въ густую шьму дали;
 Лежашъ въ долинахъ снѣгъ; ручьи оледѣбли;
 Холодные цвѣшны на спеклахъ разцвѣли.
 Новъ сладостной схранъ, подъ Массалійскимъ небомъ.

Не смѣешь и дохнушь морозъ:
 Здѣсь улыбающся фіялки между розъ
 И все позлащено благошворящимъ фебомъ;
 Сколь онъ живишельно сіяешь съ высоты!
 Опъ силу новую въ больнаго проливаешь
 И непримѣнно пробуждаешь
 Досель спавшія въ груди моей мечшы,
 Спѣшу на вышину скалы уединенной;
 Сквозь алый шрепешный шуманъ
 Спѣшу взглянушь на холмъ, лѣсочкомъ освѣщенной,
 На шихій сводъ небесъ ни чѣмъ не возмущенной,
 На необъяшный Океанъ!
 Все душу здѣсь манишь, все улаждаешь взоры;
 Сей замокъ дерзоспный, висящій надъ водой,
 Луга въ цвѣшахъ весенней флоры,
 Сіи синюющія горы
 И долъ, одѣшый шемношой!
 Я здѣсь одинъ; далекъ опъ городского шума:
 Едва здѣсь гулъ его доходишь до меня;

(*) Древнее названіе города Марселя.

О берегъ плещешь валъ и вспяшь бѣжишь, сшена
 И въ слѣдъ ему бѣжишь моя живая дума!
 На быстрыхъ крыльяхъ вы летише, корабли!
 Уже вы приняшы заливомъ;
 Гляжу на вашу полешъ въ воспоргъ молчаливомъ:
 Не ошъ моей ли вы ошчизны пришекли?
 Бышь можешъ, плавашель, встрѣчалъ шы незабвенныхъ;
 Бышь можешъ, знаешъ шы семью моихъ друзей:
 О! какъ прядешся нишь ихъ дрегоцѣнныхъ дней
 Въ спѣнахъ Пешпрополя родимыхъ и священныхъ?
 Здѣсь дивной прелесшью мнѣ чуждую спрану
 Живитъ роскошная Природа,
 Здѣсь очи спранника и въ пресшарѣлосшь года
 Встрѣчающъ юную весну;
 По сииъ брегамъ живушь воспоминанья
 И сладкаго унынія полны
 Носишся любяшь здѣсь крылашыя мечшанья
 При свѣшъ мѣсяца, въ обьяшьяхъ шишины....
 Но въ родину летишь мое воображенье:
 Когда ушпихнешъ шумъ и замолчишь волненье
 Ночь воды осѣнишь завѣсой шемныхъ крыль,
 И ошъ шамншвенныхъ свѣшилъ
 На землю упадешъ нѣмое усыпленье; —
 Въ прекрасныхъ, благошворныхъ снахъ
 Не знаю съ млыми разлуки:
 Ихъ вижу, слышу, жму имъ руки;
 Я съ ними! я въ родныхъ мѣсшахъ!
 То въ свѣжій, свѣшлый день помчались мы въ саняхъ:
 То бродимъ надъ Невой при яркомъ блескѣ снѣга:
 И вошь поверьхъ недвижимыхъ зыбей
 Бѣжишь шолпа румяная дѣшей
 И съ смѣхомъ на конькахъ кружишся среди бѣга:
 Или ошъ бурь свистящихъ вдалекѣ

Съ пріащнымъ , шайнымъ содроганьемъ
 При шихомъ шрескѣ дровъ; при аломъ огонькѣ
 Мы восхищаемся прощажнымъ завываньемъ ,

Поющимъ шомно въ комелькѣ !

Или — но на зарѣ бѣгушь созданья ночи
 И быспро вянешъ жизнь видѣній золошыхъ :

Волшебный сонъ покинулъ очи !

Увы! я не въ спѣнахъ для сердца дорогихъ :
 Въ чужбинѣ пробужденъ шумящею шолпою ,
 Песпрѣющей съ ушра на улицахъ живыхъ ,
 Фокеевъ древній градъ я вижу предъ собою

И на Массилію въ волнены думъ нѣмыхъ

Гляжу съ невольною шоскою.

Но нынѣ весело съ ушеса зрю ее !

Ошъ свѣшлыхъ водъ до горъ далекихъ

Межъ дикихъ , смѣлыхъ скалъ ,

Между спремнинъ глубокихъ

Роскошный градъ просперь владычество свое !

О какъ прелестны эши виды !

Здѣсь домикъ на холмѣ и роца миршъ вокругъ ;

Въ кудрявыхъ пиніяхъ шамъ спряшались басшиды (*)!

Я слышу дальныхъ спадъ однообразный звукъ :

Гляжу — онѣ висяшъ на камняхъ надо мною

И ошуманенный мечшою

Въ разодранномъ плащѣ , подъ шляпою пасшухъ

Сшомшъ , какъ эшихъ горъ нѣмой хранишель — духъ!

Гудяшъ колокола среди обласшей ээмирныхъ

И звономъ праздничнымъ живяшъ и полняшъ слухъ:

Торговля шумная волнуешъ гражданъ мирныхъ ;

У присшани , въ садахъ , на площадахъ обширныхъ

(*) Басшидами называются загородные дома Марсельскихъ шипелей.

Но се — шекучія въ ничтожество мгновенья
Уносятъ самый слѣдъ спрасшей и разрушенья.

Злодѣи были и прошли!

Какъ греза мрачная умчался вѣкъ кровавый.

Ахъ, скрылись до него сполѣшня мирной славы

И здѣсь давно цвѣшны Элады ошцвѣли!

Харишны, вамъ хвала! хвала и честь любви! —

Въ Массилии васъ пѣлъ Фокеянинъ прекрасной

И слушалъ дикій Галль звукъ арфы сладкогласной.....

Всему удѣлъ превращенность на земли!

Какъ съ дерева, дрожа, увядшій листь слешаешь,

Какъ ночью долгій гуль въ пущыняхъ умираешь,

Такъ опадаешь жизнь народовъ и племень,

И ихъ молва молчишь въ глухой степи времянь.

Пройдушь и блескъ и власшь и ошцвѣшушь искушва;

Но съ неба чистаго слешѣли въ душу чувшва:

Любовь и гробъ переживешь!

Въ ошечешво духовъ, въ священную обишель

Она направишь свой полешъ,

И шамъ, безмершннй нашъ Хранишель,

Вокругъ себя насъ соберешъ. —

Янв. 1821.

В. Кюхельбекеръ.

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1 8 2 5.

41. *На сооруженіе памятника Ломоносову
въ Архангельскѣ. Стихотвореніе Графа*

Хвостова. С. П. б. 1825, въ шип. Деп. Народнаго Просвѣщенія, въ 8, 30 стр.

(См. No 73 Сѣв. Пчелы.)

42. *Собраніе Россійскихъ законовъ. Книга первая, содержащая въ себѣ 40-первыхъ: Сводъ Указамъ и другимъ положеніямъ, по времени состоянія оныхъ, подлинникомъ напечатанныхъ во всѣхъ книгахъ Собранія Россійскихъ Законовъ съ 1627 по 1825 годъ, и во-вторыхъ: Хронологическіе реестры по времени посылки Указовъ изъ Правительствующаго Сенаата въ продолженіе двухъ царствованій Императора Павла I и Александра I съ 1796 по 1825 годъ. Сочиненіе П. Хавскаго. С. П. б. 1825, въ шип. Прав. Сенаата, въ листъ 594 стр.*

(См. No 75 Сѣв. Пчелы.)

43. *О весеннемъ леченіи болъзней, или наставленіе, какъ весною лечится травами, травяными соками, молокомъ, съвороткою, холодными и теплыми ваннами, и минеральными и морскими водами. Изданное Штабъ-Лекаремъ Александромъ Никитинымъ. С. П. б. 1825, въ шип. Депарш. Народн. Просвѣщенія въ 8, 124 стр.*

(См. No 76 Сѣв. Пчелы.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТІ

1825. N° XIV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

О Т Р Ы В О К Ъ

ИЗЪ РАСКАЗОВЪ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА:

Сот. Вашингтона Ирвинга ()*.

ИСТОРИИ О ПРИВИДѢНІЯХЪ (**).

О х о т н и ч і й п и р ь .

Мнѣ случилось быть на охотничьей пиршкѣ, которую давалъ одинъ старый Баронетъ, спрасный любитель охоты, въ своемъ древнемъ, глубоко въ горахъ построенномъ замкѣ, гдѣ жилъ онъ холостякомъ, пріятно и весело. Въ молодости своей былъ

(*) Извѣстный Американскій Писатель, стоить же любимый нынѣ въ Англіи, какъ и Вальтеръ Скоптъ.

(**) Здѣсь предъставляются необузданныя спрасны и суевѣріе, слабость ума и развращеніе сердца, главными причинами; распространяющими испуганное воображеніе.

онъ большой почитатель женскаго пола, и во время продолжительныхъ путешествій, наблюдалъ, по словамъ его, женщинъ, въ разныхъ земляхъ, съ опличнымъ успѣхомъ; но когда возвратился на родину совершеннымъ — по крайней мѣрѣ такъ думалъ онъ самъ — мастеромъ въ искусствѣ нравиться, случилось съ нимъ несчастіе, вовсе неожиданное, — получилъ отказъ отъ молоденькой пансіонерки, едва только вступившей въ ученическіе годы любви.

Баронетъ никогда не могъ оправиться отъ такого неслыханнаго пораженія, и съ досадою оставивъ большой свѣтъ, удалился въ свой замокъ, гдѣ добровольно опдался въ команду управительницы, и подобно впрочемъ Нимроду, принялся за ремесло править лисицъ. Пущь господа Поэты говорятъ, что хопять; но то останется навсегда справедливымъ, что человекъ, старясь, пересраешь любить, и что тогда свора гончихъ можетъ истребить изъ его сердца даже и воспоминаніе о какой нибудь пансіонной богинѣ. Баронетъ, въ то время, какъ я его видѣлъ, былъ самый веселый и забавный холостякъ, какой только когда нибудь занимался правлею лисицъ, и любовь, которая прежде ограничивалась въ немъ спрашью къ одной женщинѣ, распространилась на весь

прекрасный полъ, такъ, что въ цѣломъ око-
лошкѣ не было ни одного пригоженькаго ли-
чика, кошорое не интересовало бы его осо-
бенно.

Обѣдъ нашъ былъ очень продолжительнъ,
потому что въ домѣ хозяина не было дамъ,
кошорыя могли бы пригласить насъ въ го-
стиную, и бушылка, не вытѣсняемая мощ-
нымъ врагомъ своимъ, самоваромъ, удержива-
ла по всѣмъ правамъ принадлежащей ей у
холоспяковъ перевѣсъ. Въ древней залѣ, въ
кошорой мы обѣдали, раздавались изліянія
нескованнаго приличіемъ охошничьяго остро-
умія, такъ, что оленьи рога, развѣшен-
ные по стѣнамъ ея, покачивались на мѣ-
стахъ своихъ. Мало по малу однако же, вино
и сидръ моего хозяина начали оказывать
свое дѣйствіе надъ гостями, и безъ того
уже ушомленными ошъ охошы. Жизненные
силы, воспламенившіяся было на короткое
время при началѣ обѣда, спали понемногу
угасать, или только изрѣдка вспыхивали.
Нѣкошорые изъ проворнѣйшихъ говорунѣвъ,
кошорые сначала дали полную волю языкамъ
своимъ, уступили наконецъ усыпительной
силѣ Бахуса, и почти ничего уже болѣе не
было слышно, кромѣ храпѣнья двухъ или
прехъ собесѣдниковъ, кошорые молчали во
все время своего бодрствованія; но за то

вступили въ права свои и оплашанная обществом во снѣ.

Наконецъ вѣспѣ, что чай и кофе пригошовлены уже въ гостиной, пробудила всѣхъ изъ временнаго усыпленія. Всякій чувствовалъ себя удивительно подкрѣпленнымъ, и начиналъ уже, попягивая живительный напитокъ изъ шаромоднаго, наследственнаго фарфора Баронетова, помышлять о возвращеніи во свояси, какъ вдругъ встрѣшилось непредвидѣнное препятствіе. Во время нашего некрапковременнаго обѣда, поднялась сильная вьюга съ снѣгомъ, дождемъ и градомъ: надобно было опасаться, что насъ промочитъ до костей.

„Въ такую погоду“ — сказалъ нашъ гостепріимный хозяинъ: — „жаль и собаку выпустить на дворъ. Позвольте жѣ мнѣ надеяться, что вы останетесь гостями моими на нынѣшнюю ночь; я пойду сей часъ пригошовлю для всѣхъ васъ кварширы.“

Ужасная буря, которая часъ отъ часу болѣе и болѣе разыгрывалась, не позволяла и думать объ отъѣздѣ: всякій былъ радъ такому предложенію; единственный вопросъ состоялъ въ томъ, не слишкомъ ли обезпачить хозяина размѣщеніе кучи неожиданныхъ гостей въ домъ, и безъ того уже наполненномъ людьми.

„Го, го!“ воскликнул Баронетъ: „развѣ вы никогда не слыхивали, что домъ стараго холостяка имѣетъ способность такъ раздвигаться, что въ состояніи вмѣститъ въ себѣ вдвое больше людей, нежели сколько по настоящему могутъ войти въ него?“

Въ такіхъ шуткахъ приглашена была на совѣтъ общаго нашего присущствія управительница. Спарушка явилась въ своемъ праздничномъ, отъ времени уже помянутомъ, шифономъ платьѣ, которое прощумѣло по комнатамъ съ удивительною быспрохою: не смотря на хвастовство нашего хозяина, видно было, что она таки затруднилась нашимъ помѣщеніемъ. Впрочемъ такія вещи въ домъ холостяка и съ гостями, какіе обыкновенно у него бывающъ, скоро улаживающся. Тушь нѣтъ хозяйки, которая никакъ не можетъ простить себѣ, что такіхъ милыхъ гостей должна размѣститъ по старымъ каморкамъ и закоулкамъ, и открытъ имъ всѣ сокровенности не вездѣ оплочно усроеннаго своего хозяйства. Управительница стараго холостяка уже привыкла къ такимъ нечаяностямямъ. А потому и у насъ, послѣ крашкихъ размышленій, переговоровъ и совѣщаній о красной и голубой, индѣйской и дамасской, большой и мадой, комнатахъ,

горнищахъ, залахъ, покояхъ и кабинетшахъ, все было наконецъ успроено.

Какъ скоро всѣ нужныя пригошовленія кончились, позвали насъ ояшь къ сшоду. Время, которое провели мы послѣ обѣда въ дремань, за кофеемъ и въ совѣщаніяхъ въ гостинной, по мнѣнію нашего багрянолицаго келлермейстера, досташочно было для возбужденія порядочнаго аппешина къ ужину. Пошому и слаженъ былъ онъ изъ ошашковъ ошъ обѣда, какъ шо: куска холоднаго жаркаго, дичины, поджаренаго крыла индѣйки или чего-шо подобнаго, и нѣсколькихъ легкихъ кушаньевъ, которыя у деревенскаго помѣщика всегда гоповы и всегда производяшь желаемое дѣйствіе — крѣпкій, здоровый сонъ.

Послѣобѣденная дремоша, подкрѣпивъ шѣлесныя силы наши, возбудила и умшвенныя. Веселье снова одушевило всѣхъ. Въ особенності нѣкоторыя женашыя считали себя въ правѣ позабавишь на счеши хозяйшва холоспыхъ, и затрудненій нашего Баронеша и его управишельницы, при размѣщеніи гостей. Пошомъ спали подсмѣивашься надъ шѣмъ, кому какой ночлегъ достанешся въ спаромъ замкѣ, куда мы шакъ нечаянно попали на кварпиры.

„Тупш“ сказалъ одинъ Ирландскій драгунскій Капишанъ, самый шумливый и ве-

селый гость изъ всего собранія: — „я право ни мало не удивлюсь, если одинъ изъ эшихъ добренькихъ молодчиковъ, кошорые шеперь такъ спокойно висятъ здѣсь по снѣнамъ, вздумаетъ сойти, и подъ шумъ бури прогуляясь по комнашамъ, или чего добраго — духъ, кошорой нибудь изъ эшихъ длиннокорсешныхъ дамъ ошибкою вмѣсто кладбища забредешъ ко мнѣ въ горницу.“

— „Вы вѣрите духамъ?“ — спросилъ одинъ изъ гостей, сухощавый мужчина, съ длиннымъ лицомъ и выкапившимися, какъ у морскаго рака, глазами.

Я замѣшила молодца еще за обѣдомъ. Это одинъ изъ пѣхъ безпрестанныхъ вопрошателей, кошорые, кажется, заражены всегдашнею, ничѣмъ неуполнимою жаждою къ разговорамъ. Онъ никогда не довольствовался никакимъ рассказомъ, какъ бы полонъ и подробенъ онъ ни былъ; никогда не смѣлся, когда смѣялись другіе, а только всегда спрашивалъ, надъ чѣмъ собственно смѣются. Для него было недоспапночно, если ядро орѣха приносило ему удовольствіе — нѣтъ, ему непременно хотѣлось еще знать, какъ и изъ чего составлена скорлупа. „Вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите духамъ?“ спросилъ вполнѣ господинъ.

— „Что за вопросъ!“ — ошвѣчалъ шупливый Ирландецъ: — „Я воспитанъ въ сирахъ къ нимъ. У насъ у самихъ въ семействѣ была одна вѣщунья.“

„Вѣщунья? А что это за женщина?“ спросилъ мой вопрошатель.

— „Ну, духъ прабабки, которая заботится о душахъ своей фамиліи, и показывается въ окнѣхъ, чтобы объявить, когда кто изъ потомковъ ея долженъ умереть.“

„Пріянное посольство!“ воскликнулъ одинъ пожилой человекъ, съ проницательнымъ взглядомъ и курьознымъ носомъ, которому умѣлъ онъ давать самое комическое положеіе, когда хотѣлъ пошутить.

— „Да, да! это особый родъ ошличія, когда такая почтенная дама заботится о нашемъ братѣ. Это ясное доказательство, что въ жилахъ нашихъ течеть чистая, неподмѣшанная кровь. А право, шеперь, какъ рѣчь зашла о духахъ — не скоро приберешь домъ и ночь, которая бы приличиве была для исторійки объ нихъ, какъ здѣсь, и именно шеперь. Ну право, Сиръ Джонъ; вѣщъ ли у шепя какойнибудь вшакой очарованной коммашы, куда бы можно было запряшашъ одного изъ гостей?“

„Почему жь не такъ?“ сказала, улыба-
ясь, Баронешъ: „Можешь бышь, могу услу-
жишь вамъ и щѣмъ.“

— „О, любезнѣйшій! Это сущая для ме-
ня находка! Знаешь, эшакая шемная комна-
та, съ дубовымъ паркетомъ, уродливые, вы-
двинувшіе портрешы, копорые изподлобья
поглядывающъ изъ своихъ рамъ, и о кошо-
рыхъ управишельница знаетъ кучу разныхъ
испорій, одна другой забавнѣе. А шамъ едва
цепляющаяся лампа, сподъ и на немъ заржа-
вѣвший мечъ, и наконецъ духъ, весь въ бѣ-
ломъ, копорый въ полночь раздвигаетъ за-
навѣсы у швоей кровати.“ —

„Въ самомъ дѣлѣ“ — сказала одинъ сша-
ричокъ на концѣ спода: — „вы приводише
миъ на память анекдотъ, копорый —“

— „Браво! Испорія о мершвецѣ? Браво,
браво!“ вскричали въ одинъ голосъ всѣ, си-
дѣвшіе вокругъ спода, и всякій пододвинулъ
спудъ свой поближе.

Вниманіе всего собранія обратилось те-
перь на раскащика. Это былъ сшарикъ, у
копорого одна половина лица совсѣмъ иначе
сморщѣла, нежели другая, пощому что съ
одного глазного вѣка капала слеза, и оно ви-
сѣло внизъ, какъ сорвавшійся съ пещли окон-
ный спавень. Вообще вся эша половина ли-
ца была совсѣмъ изуродована, и походила на

флигель заброшеннаго и околдованнаго дома. Я былъ гоцовъ бишься объ закладъ, что эта сторона вся наполнена у него исторіями о мершвецахъ.

Всѣ присступили къ нему съ просьбами.

„Эпо право“ — сказала снѣрихъ: — „простой анекдотъ, и къ тому жъ самый обыкновенный. Впрочемъ, если вамъ угодно, я гоцовъ расказашъ его. Исторію эту слынгаль я однажды опъ своего дяди, кошорый увѣряль меня, что она случилась съ нимъ самимъ. А онъ былъ человекъ, съ кошорымъ въ самомъ дѣлѣ было на вѣку много спранныхъ, удивительныхъ приключеній. О, онъ расказываль мнѣ другія, еще гораздо чуднѣе.“

— „Что за человекъ былъ вашъ дядюшка?“ — спросилъ охошникъ дѣланъ вопросы.

„Ну, простой, обыкновенный малый. Много пупешествоваль, и попомъ охошно калякаль о своихъ похожденияхъ.“

— „Извинише: какихъ лѣшь былъ онъ въ то время, когда эпо съ нимъ случилось?“

„Когда эпо съ нимъ случилось?“ вскричалъ съ нешерпѣніемъ господинъ съ подвижнымъ носомъ: „Вы еще и не допустили его до того, чтобы съ нимъ что нибудь могло случиться!“

— „Сдѣлайше милоспъ, расказише полько“ — прервали всѣ. — „Намъ не нужны лѣ-

ла вашего дядюшки ; мы хотимъ знать его приключеніи. “

Вопрошашель принужденъ былъ на время замолчать , и шарикъ съ околдованною головою началъ.

Похожденія моего дяди.

Уже много времени тому назадъ , еще задолго до Французской революціи , провель дядя мой нѣсколько лѣтъ въ Парижъ. Тогда Англичане и Французы были еще лучше другъ съ другомъ , нежели теперь , и въ общесвахъ обходились между собою по пріятельски. Англичане ѣздили обыкновенно шуда , чшобы прожить свои деньги , и Французы были всегда готовы помогать имъ въ помъ ; теперь пускающся они въ чужіе края , чшобы скопить денегъ ; а это могутъ они дѣлать и безъ помощи Французовъ. Можеть быть , тогдашніе Англійскіе путешественники были малочисленнѣе и ошборнѣе , нежели въ наше время , когда изволишь путешествовать вся нація и наводняеть швердую землю. По крайней мѣрѣ извѣстно шо , что Англичане были тогда чаще и ошощнѣе принимаемы въ иностранныхъ хорошихъ общесвахъ. Такъ и дядя мой , во время пребыванія своего въ Парижъ , свель многія , весьма короткія зна-

комшива съ нѣкошорыми изъ лучшихъ дождовъ.

Нѣскольکو времени спустя, предпринявъ онъ зимою пушешествіе по той части Нормандіи, которая называется Pays de Saux. Въ одинъ вечеръ, увидѣвъ онъ, изъ за деревьевъ обнесеннаго стѣною сада, башни стараго замка. Каждая башня съ своею высокою остроконечною крышею изъ стараго аспида, походила на свѣчу съ накиннутымъ на нее гасильникомъ.

„Чей это замокъ?“ спросилъ дядя художаваго, но проворнаго почтальона, кошорый въ огромныхъ сапогахъ съ распрубами, и въ шреугольной шляпѣ, шрялся передъ нимъ на хоренной лошади.

— Маркиза *** — отвѣчаъ почтальонъ, подвинувъ немного свою шляпу, частію изъ почшенія къ моему дядѣ, а частію и изъ благоговѣнія къ знашному имени, имъ произнесенному.

Дядя мой всдожнилъ, что въ Парижѣ былъ онъ весьма корошко знакомъ съ Маркизомъ, и что послѣдній часшо пригласилъ навѣстить его когда либудь въ родовомъ его замкѣ. Будучи старымъ пушешественникомъ, и зная, что изъ всего надобно извлекать свою пользу, дядя мой сей часъ смекнулъ, какъ пріяшшо будепъ Маркизу такое дружеское

вечернее посвященіе, и какъ еще пріѣхавъ для него, найти въ замкѣ хорошій ночлеги, подкрѣпить силы свои извѣсною ему еще изъ прежнихъ временъ превосходною кухнею Маркиза, и отпѣдашь его отличнаго шампанскаго и бургонскаго, нежели пристать въ какомъ нибудь грязномъ деревенскомъ шракиширѣ, и ѣсть всякую дрянъ, какую подадутъ. Вздумано, сдѣлано. Черезъ нѣсколько минутъ бичъ худошаваго почпальона, который похлопывалъ имъ, какъ настоящій Французъ, раздастся въ длинномъ, узкомъ вѣздѣ, ведущемъ въ замокъ.

Вы безъ сомнѣнія видывали спаринные Французскіе замки; да какъ и не видать? Кто въ наше время не путешествовалъ по Франціи? — Замокъ Маркиза былъ одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ. Голь, какъ соколъ, стоялъ онъ одинъ посреди пущыни; окруженъ усыпанными хрящемъ дорожками и холодными, каменными шеррассаами; даде въ спаринномъ вкусѣ правильномъ, принужденно искусственнымъ садомъ, разбишымъ на углы и кварширы; холоднымъ, безлѣснымъ паркомъ, геометрически прорѣзаннымъ узкими аллеями, двумя или тремя холодными, по материалу и выраженію, безносыми спашуями и нѣсколькими фонтанами, которые бросали довольно холодной воды, чтобы всякаго при

первомъ взглядѣ, заставивъ стучать зубами. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе произвело все это на моего дядю, при посвѣщеніи его въ холодный, зимній день, хотя я говорю биться объ закладъ, что въ жаркое лѣто въ этомъ саду и паркѣ найдешь довольно открытыхъ для солнца мѣстъ, чтобы испечься или до слѣпоны проглядѣть глаза свои, если не побережешься.

Хлопанье извожичьяго бича, спановившееся звучіе, чѣмъ ближе подъѣзжали они къ замку, выгнало голубей изъ голубяшни, лошомъ спугнуло воронъ съ кровли, а наконецъ выманило и слугъ изъ замка, которые явились съ самимъ Маркизомъ впереди. Онъ былъ въ восторгѣ, увидя моего дядю, потому что въ его замкѣ не было тогда на ночлегъ, какъ шеперь у нашего почтеннаго хозяина, больше господъ, нежели сколько могло помѣститься въ немъ. Маркизь, по обычаю Французовъ, поцѣловалъ дядю моего въ обѣ щеки, и ввелъ въ замокъ.

Съ сродною соопечесвенникамъ своимъ учтивостью, принялъ хозяинъ пріѣзжаго госпя. Онъ безъ сомнѣнія гордился своимъ древнимъ родовымъ замкомъ, потому что одна часть его дѣйствительно была чрезвычайно стара. Между прочимъ заслуживали тамъ вниманія башня и церковь, выстроенныя еще въ незапамятныя времена. Остальная часть

была однако же гораздо новѣе оныхъ того, что во времена мятежей, извѣстныхъ во Французской Исторіи подъ именемъ ligue, замокъ эпошъ былъ почти совершенно разрушенъ. Маркизь рассказывалъ о томъ съ большимъ самодовольствомъ, и даже съ чувствомъ благодарности упоминалъ о Генрихѣ IV, который призналъ его фамильный замокъ заслуживающимъ разореніе. Онъ рассказывалъ также много исторій о геройскихъ подвигахъ своихъ предковъ, и показывалъ разные шишаки, шлемы, луки, огромные сапоги и панцыри, которые носили воины тогдашняго времени. Особенно же хвастался онъ однимъ мечемъ, которымъ надобно было управлять обѣими руками, и который самъ Маркизь насилу могъ приподнять: онъ приводилъ его въ доказательство, какіе великаны были некогда въ его фамиліи.

Надобно сказать и то, что онъ самъ былъ весьма маленькій попомокъ шакиръ великихъ воиновъ. Взглянувъ на ихъ важныя лица и крѣпкое сложеніе, какъ были нарисованы они на поршрешахъ, и попомъ на крошечнаго Маркиза съ ногами, какъ лучинки и бѣднымъ лицомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго торчала пара напудренныхъ пуклей или ailes de pigeon (голубиныя крылья), мудрено было повѣрить, чтобы онъ происхо-

диль опть одной съ ними породы. Но кто смолрвалъ ему въ глаза, кошорые, какъ свѣч-
ляки, сверкали съ обоихъ боковъ горбашаго
его носа, шопть легко могъ замѣнить, что
онъ наследовалъ всю живосшь духа своихъ
предковъ. И правда, духъ Француза не угасаетъ
никогда, какъ бы ни съезилось его
тѣло. Напрошивъ онъ расширяется и дѣ-
лается воспалительнѣе, по мѣрѣ, какъ зем-
ная оболочка его уменьшается, и я самъ на-
шелъ однажды въ одномъ Французскомъ кар-
ликѣ столько храбрости, что ее спало бы
и для порядочнаго великана. Когда же Мар-
кизь, какъ онъ обыкновенно шо дѣлалъ, на-
дѣвалъ на себя одинъ изъ шлемовъ, развѣ-
шенныхъ по спѣнамъ, шо хопя голова его и
не могла наполнить пустаго пространства
шлема, какъ каленный орѣхъ своей скорлупы;
но изъ глубины желѣзныхъ впадинъ блискали
глаза его, какъ карбункулы; и когда онъ ма-
халъ тяжелымъ двуручнымъ мечемъ своего
прашура, шо походилъ на маленькаго смѣль-
чака, вращающаго мечъ страшнаго великана.

Извините, господа! я, можетъ быть,
слишкомъ долго занимаю васъ описаніемъ
Маркиза и его замка; но онъ былъ старин-
ный другъ моего дяди, и когда послѣдній рас-
казывалъ эту исторію, шо всегда съ боль-
шимъ удовольствіемъ распространялся о сво-

емъ хозяинъ. — Бѣдный маленькій Маркизь! Онъ былъ одинъ изъ горсти отважныхъ придворныхъ, кошорые, въ несчастный день десятаго Августа, оказали мужеспвенное, но къ сожалѣнію бесполезное для своего Короля сопротивленіе, ворвавшейся въ Тюльверійскій дворець черни. Съ храбростію настоящаго Французскаго рыцаря защищался онъ до послѣдней минушы; слабо отражалъ еще своею коропенькою придворною шпагою цѣлый легіонъ санкюотовъ, пока наконецъ пика одной кровожадной пуассарки не припкнула его къ стѣнѣ какъ муху, и геройская душа его не воспарила на своихъ голубинныхъ крыльяхъ (*ails de pigeon*).

Но обратимся къ нашей исторіи. — Когда наступила ночь, дядю моего опвели въ назначенный для него покой, въ одной спарой бацнѣ. Это было въ древнѣйшей часпши замка, гдѣ прежде находилась и укрѣпленная шюрма, къ нему принадлежавшая. Нельзя сказать, чтобы комната дяди была изъ лучшихъ. Но Маркизь велѣлъ опвесити ему эту, зная, что дядя былъ путешественникъ со вкусомъ и большой охотникъ до древностей; къ тому же лучшіе покои были уже заняты. Да и дядя не захотѣлъ другой, когда Маркизь назвалъ ему знаменитыхъ мужей, кошорые нѣкогда въ ней жили, и бы-

ли ближе или далее въ родствѣ съ фамиліею хозяина. Если вѣришь послѣднему, то Джонъ Баліоль (John Baliol) умеръ въ вѣной комнапѣ съ печалю, получивъ извѣстіе о счастьи соперника своего Роберта де-Брюса въ Бандобурнскомъ сраженіи. Когда же Маркизь присоветовалъ, что и Герцогъ де-Гизъ ночевалъ въ ней, то дядя счелъ за великую для себя честь имѣть такой отличный ночлеги.

Ночь была холодна и бурлива, а покой не изъ самыхъ шепамухъ. Длиннолицый, долговязый лакей, въ нарядной ливреѣ, назначенный для услугъ дяди, пригласилъ спарыя деревянныя кресла къ камину, съ робосіію оглядывая еще разъ въ комнапѣ, и пожелалъ моему дяди покойной ночи съ такими спранными ужимками, кошорыя со стороны всякаго другаго, а не спараго Французскаго слуги, могли бы показаться подозрительными.

Комнаша дяди, въ самомъ дѣлѣ, имѣла видъ не совсѣмъ привлекательный: все казалось въ ней пусто, все клонилось уже къ разрушенію; ни потолка, ни пола, ни стѣнъ; кшо начинался Романовъ, неволью пришелъ бы въ шрепешъ оставшись въ ней. Окна были высоки и узки; прежде на нихъ мѣспалъ находились только

одни отверстія для пушекъ , и уже посабъ
распространили ихъ , сколько могла дозво-
лишь ужасная полица снѣны ; дурно
вспавленные окончины шатались при каж-
домъ дуновеніи вѣтра. Въ бурливую ночь ,
звукъ; ими производимый , ошзывался почно
какъ бы нѣсколько Лигисповъ въ своихъ ог-
ромныхъ сапогахъ , съ брентащими шпорами ,
изволили прохаживашься и посшукивашь по
комнатамъ. Открытая дверь , кошорая , какъ
настоящая Французская дверь , не смошря на
всѣ усилія заперешь ее , никакъ не хошѣла
повиновашься , вела прямо въ длинный , шем-
ный корридоръ , кошорому не видно было и
конца: онъ казался нарочно сдѣланнымъ для
прогулки мертвецовъ , когда имъ въ полночь
угодно будешь ошавишь свои могилы. Въ-
шеръ съ ужаснымъ шумомъ выль въ эшомъ
корридорѣ и хлопаль дверью , безпреспанно
ошворя и пришворя ее ; какъ будшо бы
какой нибудь мертвецъ былъ еще въ нерѣ-
шимости , долженъ ли онъ войши въ нее или
нѣшъ. Однимъ словомъ , комнаша эша каза-
лась шакъ мало удобна для жишья , что духъ ,
если въ самомъ дѣлѣ водились шакіе въ спа-
ромъ замкѣ , вѣрояшно , избраль бы ее люби-
мымъ своимъ мѣшпоребываніемъ.

Но дядя мой , хошя на роду его случа-
лось съ нимъ довольно спранныхъ приклю-

*

ченій, не ожидалъ шеперь никакого. Онъ пытался нѣсколько разъ, хопя и безъ успѣха, запереть дверь, не опъ того, чшобы чего нибудь боялся — на такого опышнаго путешешвенника старая пустая комната не нагнала бы страха — но пошому чшо, какъ я уже сказалъ, ночь была холодна и бурлива и въпръ выль кругомъ старой башни еще сильнѣе, нежели воешь шеперь около вшого спараго спроенiя; а изъ длиннаго, темнаго корридора дуло шакою прохладою и сыростью, какъ бы изъ подземной шюрмы. Не могли запереть двери, дядя мой набросалъ кучу дровъ въ огромный каминь, шакъ, чшо пламя въ немъ скоро запылало, освѣщило всю комнату, и шѣнь каминныхъ щипцовъ, какъ бы какого длинноногаго великана, отбросило на противоположную спорону. Дядя взмошпился на нѣсколько дюжинъ люфяковъ, изъ копорыхъ состоипшъ обыкновенно Французская поспель, и которые были взгромождены одинъ на другой въ глубокомъ нишѣ, погрузился въ нихъ почти до дна, и запряшался подъ одвяло до самаго подбородка. Такъ лежалъ онъ, посмашривалъ на огонь, прислушивался къ въпру, думалъ, какъ искусно удалось ему найти ночлегъ у своего спараго прiятеля, Маркиза, и наконецъ заснулъ.

Но не долго наслаждался онъ сномъ : часы въ башнѣ, прямо надъ его головою, забили полночь, и разбудили его. Часовой колоколь былъ, какъ нельзя лучше, по вкусу духовъ: сонъ самый низкій и непріятный; а удары повпорялись одинъ за другимъ плакъ медленно, что дядя думалъ, имъ и конца не будетъ. Онъ считалъ, считалъ, пока точно не увѣрился, что насчиталъ тринадцать; вслушивался еще — но колоколь умолкъ.

Огонь въ каминѣ погасъ; жарь послѣднихъ угольевъ пошухалъ; только сухимъ голубой огонекъ перебѣгалъ по нимъ, и изрѣдка проскакивало тонкое, продолговатое, блѣсоватое пламя. Дядя лежалъ въ постель съ полузакрытыми глазами, на которые былъ надвинутъ колпакъ. Воображеніе его опять ошправилось спрансповашъ, и уже начало рисовашъ ему жерло Везувія, Парижскую Оперу, Римскій Коллизей, Долліеву паверну въ Лондонъ и цѣлую кучу извѣстныхъ мѣстъ, которыми наполнены головы путешественниковъ; однимъ словомъ, онъ опять началъ засыпашъ.

Варугъ пробудилъ его топотъ шаговъ, медленно раздававшійся по корридору. Дядя мой, какъ онъ самъ не разъ хвастался, былъ не шрусливаго десяшка. Онъ лежалъ спокойно, и полагалъ, что вѣрно пріехалъ

другой гость, или который нибудь изъ слугъ опшправляется спать. Однако шаги приближались къ двери, которая опшворилась пошшонку — сама собою или нѣпшъ, дядя не могъ распознать — и къ нему въ комнату вошла человѣческая фигура, вся въ бѣломъ. Это была женщина, высокая и величественной наружности. Плащъ ея, шарато покроя, съ широкимъ подоломъ и длиннымъ хвостомъ, волочилось за нею по полу. Она подошла къ камину, не замѣчая дяди, который одною рукою подвинулъ вверхъ колпакъ свой и опираясь на другую, со вниманіемъ наблюдалъ всѣ ея движенія. Нѣсколько минушь спояла она передъ огнемъ, который, изрѣдка сверкая еще, издавалъ голубоватый и бѣлесватый свѣшъ, шакъ, чшо дядя могъ очень ясно разсмошрѣшь свою гостью.

Лице ея было блѣдно, какъ у мершвеца; можешъ бышь еще болѣе казалось оно шакимъ ошъ голубоватого свѣша изъ каминна; къ шому же грусть и заботы видимо исказили нѣкогда прекрасныя черны его. Взоръ ея былъ взоръ человѣка, хопя и привыкшаго къ печали, но не шакого, который бы дозволялъ ей овладѣшь собою: въ немъ опшевѣчивалась еще главная черта гордой, неуступчивой рѣшимости. — Такимъ по крайней

ивръ показалось лице вшо моему дядь; а онъ выдавалъ себя за великаго физиогнома.

Нѣсколько минушь, какъ я сказала уже, спояла незваная гостыня передъ каминомъ; пропянула сперва одну руку, попомъ другую, наконецъ и обѣ ноги, одну за другою, какъ будшо бы хотѣла погрѣться; а вѣдъ вши господа духи — я счишаю, что и она принадлежала къ ихъ числу — мерзнушь не хуже нашего брата. Разсматривая ее далѣе, дядя замѣшилъ, что на ней были башмаки, по старинной модѣ, на высокихъ каблукахъ и съ пражками, осыпанными разными каменьями, копорые ярко блиспали. Наконецъ дама обернулась съ ловкостію, окинула своими спекляными глазами кругомъ всю комнапу, и когда взоръ ея повспрѣчался со взоромъ дяди, кровь застыла въ его жилахъ и мозгъ попрысся въ косняхъ. Тутъ подняла она руки къ небу, сложила ихъ вмѣстѣ въ умоляющемъ положеніи, и попомъ вышла изъ комнапы, также тихо, какъ и вошла въ нее.

Дядя лежалъ нѣсколько времени не шевелясь, и размышлялъ объ вшомъ посѣщеніи. Здѣсь надобно замѣшитъ, какъ онъ и самъ всегда шо дѣлалъ, рассказывая впу испорію, что хотя былъ онъ человекъ и очень швердый, однако жъ шѣмъ не менѣе человекъ ризсудительный, копорый не опшвергаетъ како-

го-либо событіи пошому шолько, чшо оно выходишь изъ однообразнаго круга обыкновенныхъ явленій. Но какъ онъ, повшорю еще, на своемъ вѣку много уже пушешествовалъ, много видалъ, и спранныя приключенія были для него не въ диковину; шо, по крапкомъ размышленіи, надвинуль онъ опяшь колпакъ на глаза, обернулся спиною къ двери, заложилъ одѣяло за самыя плечи, и мало по маду снова заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Какъ долго онъ спалъ, эшого не умѣю сказашъ вамъ; шолько пробудился онъ не самъ, а услыша, чшо его кличущъ. Дядя обернулся, и увидѣлъ спараго Французскаго лакея съ большими пуклями, плошно примазанными по обвймъ споронамъ длиннаго лица, на которомъ привычка напечатала всегдашнюю улыбку. Слуга, съ пысячью ужимокъ, пысячу разъ просилъ прощенія, чшо онъ осмѣлился беспокоить дядю, и повшорялъ, чшо онъ никакъ бы на эшо не рѣшился, если бы не было уже очень поздно. Между шѣмъ, какъ дядя мой одѣвался, хошѣлось ему поразвѣдашь о ночномъ посѣщеніи. Для шого спросилъ онъ спарика: „какая дама имѣешь привычку прогуливашься по ночамъ въ эшой часши замка?“ Но слуга приподнялъ плечи выше своего шупея, положилъ одну руку на грудь, пропшануль другую съ раздвинутыми

врозь пальцами, и сдѣлалъ такую лукавую рожу, какъ бы хотѣлъ сказать: не его дѣло знать о шайныхъ связяхъ своего господина.

Дядя, увидѣвъ, что такимъ образомъ не узнаешь онъ ничего удовлетворительнаго.

Послѣ завтрака, прохаживался онъ съ Маркизомъ по новымъ покоямъ замка, по гладко-вылощеннымъ паркетамъ залъ, убранныхъ шелковыми матеріями, и уставленныхъ богатыми мебелями. Наконецъ пришли они въ длинную каршинную галерею, въ которой было множество портретовъ, писанныхъ опшчасши масляными, опшчасши сухими красками.

Здѣсь открылось обширное поле картинчию хозяина, который обладалъ симъ даромъ въ совершенствѣ, какого только можно было ожидать отъ Французскаго придворнаго прошедшаго спольшія. Не было ни одного великаго имени въ Нормандіи, едва ли одного въ цѣлой Франціи, которое бы, тѣмъ или другимъ образомъ не находилось въ связи съ его домомъ. Дядя мой слушалъ съ внутреннею неперпѣливостию и, какъ журавль, опускался попеременно по на одну, по на другую ногу, между тѣмъ какъ маленькій Маркизь, съ обыкновеннымъ жаромъ и живостию, рассказывалъ ему о подвигахъ своихъ предковъ, которыхъ портреты висѣли по

ешънамъ; о военныхъ дѣлїяхъ драбрыхъ сподвижниковъ, одѣянныхъ въ снальную броню; о завоеванїяхъ мѣлыхъ пасшущекъ, зашянурыхъ въ фїжмы, съ шадіями, не шолще спекла песочныхъ часовъ, и съ красивенькими пососками, кои украшены развѣвающимися леншами.

Но вдругъ, посреди расказа хозяина, дядѣ моему бросяся въ глаза поршрешъ во весь ростъ, кошорый показался ему, ни дашь ни взяшь, копїею посѣшвившаго его въ прошедшую ночь оригинала.

„Если я не ошибаюсь“ — сказалъ онъ, указывая на каршину: — „по я видалъ даму, съ кошорой списанъ вполъ поршрешъ.“

— „Извинише—ошвѣчалъ вѣжливо Маркизь — эшо едва ли возможно, пошому чшо дамы уже болѣе спа дѣшь нѣшь въ живыхъ. Эшо прекрасная Герцогиня Лонгвиль, кошорая, во время малолѣтшства Лудовика XIV, играла большую ролю.“

„А случалось ли съ нею въ жизни чшо нибудь особенное?“

Никогда дядѣ моему не приходилъ въ голову неудачившїй вопросъ. Маленькій Маркизь сей часъ принялъ позишуру человека, кошорый намѣренъ начашъ длинный расказъ. Въ самомъ дѣлѣ дядя нехоща долженъ былъ выслушашъ цѣлую исторїю междоусоб-

ной войны, возженной во Франціи прошиво-
 придворною паршіею, извѣсною подѣ импе-
 немъ fronde, въ которой прекрасная Герцо-
 гиня шакъ ошличилась. Тюрень, Колинъ,
 Мазарень вызваны были изъ гробовъ своихъ
 для украшенія расказа; однимъ словомъ, не
 было забыто ни одно лице, ни малѣйшее об-
 стоятельство. Дядя мой тысячу разъ по-
 сылалъ къ чорту Маркиза съ его безпощад-
 ною памяшью, какъ вдругъ воспоминанія ма-
 ленькаго чловѣчка коснулись импереснѣй-
 шихъ событій. Онъ расказывалъ о заклю-
 ченіи Герцога Лонгвиля съ Принцами Конде
 и Конпи въ Венсенскомъ замкѣ, и о щещ-
 ныхъ усиліяхъ Герцогини, побудивъ храбрыхъ
 Норманновъ къ ихъ освобожденію. Наконецъ
 дошелъ онъ до того, какъ она была осажде-
 на Королевскими войсками въ Діеппскомъ
 замкѣ.

„Чѣмъ пруднѣе спановилось положеніе
 Герцогини“— продолжалъ Маркизь: — „нѣмъ
 возвышеннѣе казалась душа ея. Надобно бы-
 ло удивляться, какъ эщо нѣжное, прелест-
 ное существо съ такою швердоспшо сража-
 лось съ преняшшвіями, и наконецъ рѣши-
 лась на чрезвычайно отважное бѣгство. Вы
 безъ сомнѣнія видѣли замокъ, въ которомъ
 была она заперша. Какъ старшій испочен-
 ный наростъ, спомнѣ онъ да хребтъ одного

холма, прямо надъ этимъ закопшлымъ гнѣздомъ, Діеппомъ. Въ темную, бурную ночь, вышла она тихонько изъ одной задней двери замка; кошорую непріятель оставилъ какъ-то безъ спржи. Эта дверь видна еще и понынь. Опъ нее ведетъ узенькій мостикъ черезъ глубокій ровъ, между замкомъ и вершиною холма. За Герцогинею послѣдовала ея женская свиша, небольшое число слугъ и нѣсколько рыцарей, оставшихся ей вѣрными и въ несчастіи. Намѣреніе ея было доспичь одной небольшой, въ нѣсколькихъ шолько миляхъ отъ столицы отшуда приспани, гдѣ скрышио пригошвлено было все для ея побѣга.“

„Небольшая толпа бѣглецовъ прошла это разшояніе пѣшкомъ. Когда приближались они къ гавани, вѣтръ усилился и поднялъ спрашную бурю; море было въ это время на опливѣ, и до судна, споявшаго на якорѣ далеко отъ приспани, не было другой возможности доспичь, какъ развѣ въ маленькомъ рыбащемъ челночкѣ, который, какъ раковинка, качался на волнахъ. Герцогиня рѣшилась и на это. Напрасно машросы спарались опклонить ее; крайняя опасность, угрожавшая ей на сухомъ пуши, побуждала ее къ тому; возвышенность ея духа презирала опасности. Она велѣла одному

машросу перенести себя въ лодку на рукахъ. Однако жъ въперъ и волны были такъ сильны, что опъ напора ихъ, машросъ покачнулся, потерявъ равновѣе и уронилъ тяжелую ношу свою въ море.“

„Герцогиня чуть чуть не упонула; къ счастью, подоспѣвшіе машросы вытащили ее на берегъ. Только что она немножко отдохнула, какъ начала снова наснаивать на прежнемъ. Но буря между тѣмъ такъ уснаилась, что не было никакой возможности исполнить ее желаніе. Что дѣлать? всякое промедленіе могло открыть ее, и новый паѣнь былъ бы ей удѣломъ. Оспавалось еще одно средство: доспади лошадей; она и бывшія съ нею женщины помѣстились на нихъ позади храбрыхъ рыцарей, сопутствовавшихъ ей въ побѣгъ, и такимъ образомъ пустились всѣ искашь въ окрестностяхъ какого нибудь пріюта.“

„Порыскавъ въ эпомъ опчаянномъ положеніи“ — продолжалъ Маркизь и рошкнулъ указательный палець въ верхнюю щиплицу кашаца моего дяди, чтобы оживить ослабѣвающее вниманіе послѣдняго: — ,порыскавъ въ эпомъ положеніи довольно долгое время, подѣхала наконецъ Герцогиня съ своею свишою къ этому замку. Ея приближеніе привело въ смашеніе жипедей, и не

мудрено: попошь нѣсколькихъ коней, посерединѣ ночи, на дорогѣ къ уединенному замку, въ такое смущенное время, и въ споронѣ, столь близкой къ театру войны, хоть бы на кого нагналъ безпокойство.

„Длинный, широкоплечій егеръ, вооруженный съ ногъ до головы, прискакалъ напередъ, и объявилъ высокое имя посвященницы. Тогда всѣ безпокойства исчезли. Цѣлый домъ вышелъ къ ней на встрѣчу съ факелами, и никогда безъ сомнѣнія, не освѣщали послѣдніе людей, болѣе посправавшихъ ошъ бури, болѣе упомленныхъ. Надобно было видѣшь ихъ блѣдныя, сонливыя лица, ихъ насквозь промокшія плащя; надобно было видѣшь, какъ бѣдная Герцогиня и ея женщины сидѣли на коняхъ, прижавшись къ рыцарямъ; какъ иззябшіе пажи и слуги, ошъ усталости и сна, едва не падали съ лошадей.“

„Правдѣ мой принялъ Герцогиню съ искреннимъ радушіемъ. Ее ввели въ залу замка, и тотчасъ запылалъ огонь во всѣхъ каминяхъ, чшобы обсушить и обогрѣшь ее и свиту. Не оспалось ни одного горшка и ни одной каштрюли въ замкѣ: всѣ были заняты пригопвленіемъ для пушешествениковъ самага полнаго ужина.“

„Она имѣла право на такое гостеприимство съ нашей спороны“ — продолжалъ

Маркизь, присанившись: — „потому что была въ родствѣ съ нашимъ домою. Ея родишель, Генрикъ Бурбонъ, Принцъ Конде —“

— „И такъ Герцогиня переночевала въ этомъ замкѣ?“ — прервалъ мой дядя, испугавшись, чѣлобы Маркизь не пустился опять въ генеалогическія изслѣдованія о своей фамилии.

— „Безъ сомнѣнія; ей отвели пошъ самый покой, въ кошоромъ провели и вы прошедшую ночь: въ то время былъ онъ парадною спальнею въ замкѣ. Свѣща ея размѣстилась по комнатамъ, приныкающимъ къ корридоору; а ея лейбпажъ спалъ въ сосѣдней горницѣ. Во всю ночь прохаживался по корридоору взадъ и впередъ пошъ великанъ — егеръ, который высланъ былъ въспшикомъ о прибытіи Герцогини, и который исправлялъ шупъ должность часового. Это былъ смуглый, угрюмый, но сильный мужчина, и когда свѣщъ ошъ лампы въ корридорѣ упалъ на его скулашое, рѣзкими чертами обозначенное лице, на его жилистые мышцы, на его мужественную осанку, казалось, чѣло онъ въ соспоянніи ошнѣ однихонекъ защитишъ цѣлый замкъ.“

„Ночь была чрезвычайно сурова, почти въ нынѣшнее время года — ахъ, да, шеперь я вспомнилъ, вчерашняя ночь была именно ша самая, кошорую провела Герцогиня въ

этомъ замкѣ. Я очень хорошо помню число, попому что дѣйствительно это была замѣчательная ночь, и наша фамилія конечно никогда ее не забудетъ. Еще по сю пору идетъ о томъ худое преданіе.“ — Здѣсь Маркизь вдругъ останоился, и его густыя брови примѣтно насупились. „Рассказываюшь, что въ эту ночь случилось нѣчто особенное — непостижимое происшествіе.“ — Казалось, Маркизь самъ не осмѣливался продолжать, и замолчалъ.

— „Имѣло оно какую нибудь связь съ Герцогинею?“ — спросилъ поспѣшно дядя.

„Только, что ударила полночь“ — началъ опять Маркизь: — „какъ вдругъ весь замокъ“ — шутъ онъ снова останоился. Дядя сдѣлалъ движеніе, изъясляющее его любопытство.

„Извините меня“ — сказала Маркизь, и легкая краска пробѣжала по блѣдному лицу его: „есть происшествія, имѣющія тѣсную связь съ нашими фамильными обстоятельствомами, и потому я не могу сообщить ихъ. Тогда было грубое время, время великихъ злодѣяній, совершенныхъ великими людьми; а вы знаете, что высокородная кровь, получившая дурное направленіе, не можетъ шечь такъ смирно, какъ кровь человека низкаго происхожденія. — Бѣдная Герцогиня! — Но

и горжусь нѣсколько своею фамиліею, а потому — извините меня — будемъ говорить о чемъ нибудь другомъ.“

Любопытство дяди моего достигло высочайшей степени. Пышное и высокопарное введеніе заставляло его ожидать чего нибудь необыкновеннаго въ этой исторіи, къ которой служило оно какъ бы приступомъ. Онъ никакъ не полагалъ, чтобы такой внезапный припадокъ непонятной совѣспливости Маркиза лишилъ его окончанія споль любопытнаго расказа, и желая непременно добраться до истины, спарался онъ всячески ее вывѣдать.

Но Маркизь опклонялъ всѣ вопросы. „Если шакъ“ — сказала наконецъ дядя напрямки: — „думайше, что хопише; а я вамъ опкровенно скажу, что въ эту ночь я самъ видѣлъ Герцогиню.“

Маркизь опспунилъ назадъ, и смопрѣлъ на него съ удивленіемъ.

„Она была въ моей спальнѣ.“

Маркизь вынулъ свою табакерку, слегка пожимая плечами и улыбаясь; видно было, что онъ принялъ слова дяди за неумѣспную Англійскую шушку, но изъ учспивости хопѣлъ показашъ, что находипшь ее замысло-вашою.

Однако дядя съ важностію началъ разсказывать ему все похождение прошедшей ночи. Маркизь слушалъ съ большимъ вниманіемъ, и держалъ шабакерку свою въ рукѣ, не раскрывая. Когда расказъ кончился, похлопалъ онъ по крышкѣ шабакерки нѣсколько разъ какъ бы въ размысленіи, раскрылъ ее, взялъ щепотъ шабаку, понюхалъ, вбирая шабакъ въ носъ съ продолжительнымъ, сильнымъ звукомъ. —

„Па!“ сказалъ Маркизь, и опошелъ на другой конецъ карпинной галлерей. —

Здѣсь расказикъ нашъ остановился. Собраніе съ минушы на минушу ожидало, что онъ снова начнешь прерванную исторію; но онъ молчалъ.

„Хорошо!“ — сказалъ наконецъ господинъ, любившій вопросовъ — „хорошо! но что же сказалъ на это вашъ дядюшка?“

— „Ничего!“ — отвѣчалъ пошъ.

„Такъ, что же сказалъ Маркизь?“

— „То же ничего.“

„И все шуть?“

— „Все шуть!“ — отвѣчалъ расказикъ, и налилъ себѣ спаканъ вина.

„Я догадываюсь“ — сказалъ проказникъ съ подвижнымъ носомъ, — „я догадываюсь, что это привидѣніе была старая управительница, которая обходила въ эту ночь

дозоромъ, чтобы посмотришь, все ли въ порядкѣ.“

— „Па!“ — ошвѣчалъ раскащикъ. — „Съ дядей не въ первый разъ случались такіа странныя приключенія. Мудрено, чтобы онъ не умѣлъ ошличить привидѣнія ошъ управительницы.“

За споломъ раздался легкій шумъ: иные смѣялись, другіе сердились. Я по же думалъ, что шарикъ держишь еще у себя въ записѣ развязку своей повѣсти; но онъ спокойно пошягивалъ винцо, и не говорилъ ни слова; да и въ раскромномъ лицѣ его замѣшно было шакое двузначишельное выраженіе, что мудрено было рѣшишь, выдавалъ ли онъ расказъ свой за былъ, или за выдумку.

„Гмъ!“ началъ наконецъ хитрецъ съ курьознымъ носомъ: „это приключение съ вашимъ дядюшкою приводитъ мнѣ на память другое, кошорое обыкновенно любила расказывать одна моя тетка съ машеринской спороны — хошя я и не хочу выводить при томъ никакихъ сравненій, пошому что добрая спарушка совсѣмъ не была шакъ привычна къ чуднымъ происшествіямъ, какъ ваша дядюшка. Однако жъ, если угодно слушать, я гошовъ расказашъ

„Приключенія мой тетки.

„Тепушка моя была женщина крѣпкаго сложенія, одарена твердымъ духомъ и большою рѣшимельностію. Напрошивъ того покойникъ дядюшка былъ маленькій, слабенькій, щедушный мужчинка, очень шихаго и скромнаго нрава, и совсѣмъ не парпія для шешки. Замѣшили, что онъ спалъ чахнушъ съ самаго дня свадьбы. Чрезъ мѣру возвышенный духъ шешки былъ не по немъ: онъ не могъ выносить его. Не смотря на то, шешка ухаживала за нимъ со всевозможнымъ стараніемъ: половина докшоровъ въ городѣ ѣздила къ немъ въ домъ, и прописывала ему рецепшы; шешка строго смотрѣла, чтобы онъ принималъ все прописанное, и безъ пощады лила въ него лекаршва, которыхъ вѣрно спало бы на цѣлый госпиталь. Все напрасно. Чѣмъ больше ухаживали за дядей, чѣмъ болѣе лекаршвъ принималъ онъ, тѣмъ хуже ему становилось, пока наконецъ умножилъ онъ число жертвъ супружеской любви, замученныхъ до смерти излишними о нихъ попеченіями.“

„И тогда явился шешушкъ вашей духъ покойнаго? Не такъ ли?“ спросилъ извѣстный вопрошашель, котораго помнашъ читашели еще изъ перваго расказа.

— „Услышите въ своемъ мѣстѣ!“ — оп-
вѣчалъ повѣспвующій:— „По смерти добра-
го дяди, шепка не знала мѣры своей печали.
Можешъ бышь, чувствовала она и упреки со-
вѣспи, въ шомъ, что шакъ много начинала
его лекаршвами, и своимъ ухаживаньемъ
ошправила на шомъ свѣшъ. По крайней мѣ-
рѣ сдѣлала она все, что шолько можешъ сдѣ-
лать вдова, чшущая память своего мужа.
Она не жалѣла денегъ ни на количество, ни
на качество своихъ праурныхъ плашьевъ;
носила на груди миніашюрный поршрешъ
его, величиною съ маленькіе солнечные ча-
сы; а другой большой, во весь ростъ, ви-
сѣлъ въ ея спальнѣ. Всѣ превозносили до не-
бесъ ея поведеніе, и всѣ единогласно ушвер-
ждали, что женщина, шакъ много почишаю-
щая память покойнаго своего мужа, безъ
сомнѣнія заслуживала имѣшь вшораго.

Вскорѣ послѣ шого рѣшилась она осно-
вать свое жилище въ одной спарой усадьбѣ
въ Дербширѣ, гдѣ до шѣхъ поръ хозяйнича-
ли шолько управитель и ключница. Господ-
скій домъ стоялъ въ самой уединенной, ди-
кой споронѣ штого Графшва, окруженный съ-
рыми Дербширскими холмами: на самомъ вы-
сокомъ изъ нихъ болшался недавно повѣшен-
ный убійца въ цѣпяхъ, и служилъ главнымъ
видомъ для цѣлой окрешности.

Расположившись проводить шуть большую часть времени года, шешка взяла съ собою изъ города почти всѣхъ своихъ людей. Но привыкшіе къ городской жизни слуги не могли безъ ужаса помыслишь о необходимости жить въ такомъ тѣдномъ гнѣздѣ, давно уже всѣми оставленномъ. Въ особенно-сти замѣтно это было ввечеру, когда онѣ сошлись въ лакейской, и сообщали другъ другу разныя испоріи о мершвецахъ и домовыхъ, слышанныхъ ими въ теченіе дня. Они боялись даже одни ходить по мрачнымъ, темнымъ комнашамъ. Горничная шешки, которая и безъ того была слаба нервами, объявила напрямки, что она ни за что не согласится спать ночью одна въ такомъ домѣ, гдѣ водятся домовые, и одинъ молодой лакей, добрый малый, на силу на велику могъ ее успокоить.

Даже и сама шешка, при такомъ уединенномъ положеніи дома, не могла быть совершенно покойна. А потому ввечеру, ложась спать, осмошрѣла она напередъ тщатель-но, всѣ ли двери и окна какъ надобно запершы, и потомъ взяла всѣ ключи и ящичекъ съ деньгами и драгоценными вещами въ свою спальню: доказательство, что она была хорошая хозяйка и за всѣмъ осмошрѣла сама. Положивъ ключи подъ по-

душку и опустивъ свою горничную, съѣла она за шпалетъ, чтобы привести въ должный порядокъ свои волосы: не смотря на шпоску по покойномъ мужъ, она была еще молодая, свѣжая вдова, а пошому не мало заботилась и о своей наружности. Такъ сидѣла она нѣсколько минутъ, и осматривала въ зеркаль лице свое, то съ одной, то съ другой стороны, какъ обыкновенно дѣлаютъ дамы, когда хощають удостовериться, довольно ли милы были онѣ вшотъ день. А все это не даромъ: одинъ изъ сосѣднихъ помещиковъ, молодець собою, съ кошорымъ была она хорошо знакома еще въ дѣвицахъ, уже явился къ ней, и поздравлялъ ее съ приездомъ.

Вдругъ слышитъ она позади себя шорохъ — оглядывается; однако жъ ничего не видитъ — ничего, кромѣ дурно намалеваннаго поршреша покойнаго своего мужа, кошорый висѣлъ на стѣнѣ.

Тетка посвятила воспоминанію о немъ глубокой вздохъ, что обыкновенно дѣлала, когда въ общеспвахъ заходила рѣчь о покойномъ, и начала убирать свою голову, думая о сегодняшнемъ сосѣдѣ. Но на ея вздохъ опвѣчалъ кто-шо такимъ же, продолжительнымъ, джажелымъ. Опять осматривалась она кругомъ, и опять не могла никого замѣ-

пишь. Приписавъ эпошь звукъ въпру, который дуль въ щели спараго дома, продолжала она спокойно завершивашъ въ бумажки свои волосы, какъ вдругъ показалось ей, будто одинъ глазъ на поршрешъ шевелишся.“

„Тогда, какъ она сидѣла къ нему спиною?“ сказалъ съ недоувѣрчивосцію прежній раскащикъ съ раскрытымъ лицомъ: „эшо забавно!“

— „Точно шакъ, сударь!“ — продолжалъ другой сухо: — „она сидѣла спиною къ поршрешу, но глаза ея были обращены на ошраженіе его въ зеркаль. Однимъ словомъ, какъ я уже сказалъ, примѣтила она, что одинъ глазъ на поршрешъ шевелишся. Вы можете себѣ предспавишь, что шакая спранность не мало ее испугала. Желая шочно въ шомъ удосшовѣришься, положила она одну руку на лице, какъ будто для шого, чтобы ошперешъ его, а между шѣмъ шомпрѣла сквозь пальцы, и подвинула свѣчу другою рукою, шакъ, что свѣшь упалъ прямо на глазъ и ошсвѣчивался въ немъ. Теперь видѣла она ясно, что онъ дѣйствительшо шевелишся. Ей показадось даже, что онъ мигнулъ шочно шакъ, какъ покойникъ при жизни имѣлъ привычку эшо дѣлать. Поневодѣ схватили ея спазмы — да и не мудрено; шупка ли

бышь въ такомъ спрашномъ положеніи женщины и одной?

Спазмы однако скоро прошли. Тетка моя, которая была по крайней мѣрѣ шакже рѣшишельна, какъ и вашъ дядюшка, пошчасъ успокоилась. Она продолжала убирать свою голову, напѣвада даже про себя пѣсенку, и не съальшивила ни одной нопы. Случайно шодкнула она одинъ ящичекъ, который полепѣлъ на полъ. Взявъ свѣчу и подобравъ все, что вывалилось изъ ящичка, достала она даже изъ подъ кровати укашившійся шуда мошочекъ съ шелкомъ, ошворила дверь, пошмошрѣла въ другую комнашу, какъ будшо въ нерѣшимосши, ишши ли шуда или нѣшъ, и напослѣдокъ спокойно вышла изъ спальни.

Сей часъ бросилась она внизъ, велѣла людямъ своимъ воорушиться всѣмъ, что кому скорѣ попадешь въ руки, собрала шакимъ образомъ цѣлую когоршу, и предводишельсшвуя ею, ошправилаь назадъ.

Навербованное ею войско было довольно значишельно. Управишель схвашилъ заржавѣлый мушкашонъ, кучерь добрую плешь, лажей пару огромныхъ писполешовъ, поваръ большой кухонный ножъ, а буфешчикъ въ каждую руку по бушылкѣ. Тетка шла впередъ съ маршалскимъ жезломъ — до красна накаденною кочергою, и, по моему мнѣнію,

была изъ цѣлаго ополченія всѣхъ старшихъ. Горничная, которая боялась оставаться ночью одна, соспавляла аріергардъ, безпрестанно подносила къ носу полуразбитый музурекъ съ лешучею мазью и бормотала что-то сквозь зубы о мертвецахъ и домовыхъ.

„Домовые?“ сказала рѣшительно шенка:
„я имъ опалю усы; у меня забудуть домовничашь!“

Она вошла въ комнату. Все въ ней было покойно, и точно въ томъ положеніи, какъ она ее оставила. Тетка подошла къ поршрешу дяди.

„Снимише эту каршину!“-закричала она людямъ. Глубокій вздохъ и звукъ, какъ бы скрежеть зубовъ, раздались изъ за поршреша. Слуги отступили назадъ, дѣвка вскрикнула, и ошь спреха спряталась за лакея.

„Сей часъ, говорю я!“-закричала шенка еще громче, и топнула припомъ ногою.

Каршину сняли, и изъ ниша сзади нее, гдѣ прежде спояли большіе спѣнные часы, вышацили широкоплечаго, долговязаго нарня, съ длиннымъ ножемъ, величиною съ мою руку; однако жъ, не смотря на то, дѣшина прясся всѣмъ пѣдомъ, какъ осиновый листъ. „—

„Ну, кто жъ это былъ? Ужъ вѣрно не привидѣнье?“ прервалъ намъ вопрошашель.

— „Конюхъ съ почтоваго двора“ — продолжалъ рассказчикъ: „кошорый хопъль подвѣлишь ся съ богащюю вдовушкою ея богащствомъ и прокрадся въ спальню шетки, чшобы опорожнить ея кошелекъ и ящичекъ съ драгоцѣнноспями Бездѣльникъ служилъ прежде въ домъ, почему и нынѣче позвали его, чшобы пособишь приготовишь все къ прїѣзду шетки. Онъ признался, чшо дѣйствительнo съ шакимъ гнуонимъ намѣреніемъ воспользовался пошасннымъ хѣспечкомъ и позаимсшвовалъ у поршреша покойнаго барина одинъ глазъ, чшобы удобѣе опшуда рекогносцировашь.,,

„Что же сдѣлали съ нимъ? Повѣсили?“ спросилъ извѣстный гость.

— „Повѣсили? Какъ это можно?, — сказалъ одинъ законовѣдецъ съ густыми бровями и яспребчнымъ носомъ: „шупъ не было еще никакого уголовнаго пресшупленія. Я не вижу шупъ ни разбоя, ни грабежа, ни покушденія на жизнь, ни. . .“

— „Тетка моя“ — продолжалъ рассказчикъ: — „какъ женщина разсудительная, умѣла сама управляшься въ своемъ домъ. Къ шому же были у ней свои собственныя понашія о чшшощѣ. Она велѣла бездѣльника окашишь напередъ холодною водою, чшобы смышь съ него все недоброе, а пошомъ обсущишь хорошцими сухими дозами.

„Что жъ сдѣлалось съ нимъ пошомъ?“ спросилъ любитель вопросовъ.

— „Эшого я хорошенько не знаю. Вѣро-
яшно заспавили его прогуляшья въ Болга-
ри-Бей.“

„А ваша пешунка?“ продолжалъ пошъ
же: „Гомовъ бишья объ-закладъ, что она
съ шѣхъ поръ клала горничную спать въ сво-
ей комнашъ.“

— „Никакъ нѣшъ, сударь; но она сдѣла-
ла еще лучше — вышла вскорѣ замушъ за
шого сосѣда, о кошоромъ упоминалъ я преж-
де. Въ шомъ была она одного съ вами мнѣ-
нїя, что въ деревнѣ очень опасно для дамы
ночевашъ одной.“

„Эшо сдѣлала она очень благоразумно!“
— замѣшилъ вопрошашель, кивнувъ головою
съ лукавою усмѣшкою: „но воля ваша, а пра-
во жаль, что бездѣльника не повѣсили.“

Всѣ согласилеь, что послѣднїй раска-
щикъ сообщилъ весьма удовлетворительную
развязку своей исторїи, хопя одинъ, бывшїй
шунъ священникъ изьявилъ сожалѣнїе, что
дядя и пешка, какъ главные лица въ обѣихъ
повѣсняхъ, не соединились между собою бра-
комъ, пошому что нельзя было бы найши
лучшей пары.

„При всемъ шомъ“ — сказалъ съ при-
скорбнымъ видомъ охотникъ до вопросовъ:

— „въ цѣлой исторіи не были ни одного духа!“

— „О, если дѣло спало только за духами!“ — вскричала Ирландскій драгунскій Капитанъ: — „если вамъ только ихъ надобно, я выведу вамъ ихъ цѣлый эскадронъ. А какъ здѣсь двое господъ сообщили уже намъ похождения ихъ дяди и нещки, то и я угощу васъ однимъ опрывочкомъ изъ исторіи собственной моей фамиліи.“

(*Окончаніе впередъ.*)

II.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Взглядъ на войну Англичанъ съ Ашантиями,
и на состояніе Англійскихъ поселеній по
Золотому берегу.

Продолжительный періодъ мира вдругъ послѣдовалъ въ Европѣ за бурями войны и завоеваній. Перемѣщенные, взволнованные въ продолженіе нѣкопорого времени народы уснокоились въ рубежахъ прежнихъ обласней своихъ: ихъ дѣятельность, обращаясь внутрь, занялась домашними, шакъ сказать, распоря-

желіями, устройеніемъ собственнаго благосостоянія. Помысли о распространеніи предѣловъ и преобладаніи покинули ихъ; умы переслали колебаться великими превращеніями судьбы, заботами, неразлучными съ обширными предиріятіями. — Англія нынѣ единственна Держава, обращающая силы свои на враговъ внѣшнихъ; одна Англія и теперъ еще представляеть зрѣлище живой борьбы, зрѣлище бранныхъ случайностей. Въ Воспочной Индіи она ведеть опасную войну съ Бирманами; на Золотомъ берегу, защищаеишь отъ нападениі мужеспвеннаго, упорнаго племени Ашаншіевъ, не перестаетъ звучать оружіемъ, не перестаетъ поражать взоры наблюдателя смѣлыми, неіпріязненными движеніями. Что же касается до завоеваній, Англія, признавъ независимостъ Юго-Американскихъ Республикъ, доказала, что не почиаетъ сіе поприще совершенно для себя конченнымъ, что для нее самое время мира можеть быть временемъ приобръщенія и побѣды.

Обратимъ на мигъ вниманіе на событія, совершающіяся нѣсколько уже лѣтъ въ Британскихъ владѣніяхъ Золотога берега. — Они доказываютъ желаніе Англичанъ утвердить надъ сею спраною Африки власшь свою; и вмѣстѣ проспереть ее даѣе во внутрени

нія земли: они на сей конецъ употребили уже посредство переговоровъ и оружія; усилія ихъ должны возбудишь наше любопытство. — По сю пору конечно эти покушенія разрушались неодолимою свирѣпостію и воинственностію тѣхъ народовъ, копорые Англичане желали бы покорить; но слабствіемъ оныхъ были сношенія, озарившія для глазъ нашихъ сию часть Африки, нравы, сословіе, природу племенъ, въ оной обитающихъ. Вошь точка зрѣнія, съ копорой намъ надлежитъ очертить картину различныхъ дѣйствій военныхъ и сношеній дипломатическихъ, происходившихъ въ семь краѣ, и мы для сего находимъ прекрасное пособіе въ изданномъ въ Англіи сочиненіи Капшана Г. Ленга, представляющемъ всѣ нужныя намъ извѣстія.

Англичане нынѣ занимаютъ на Золотомъ берегу чепыре крѣпости, слѣдующія одна за другою съ запада на востокъ, на пространствѣ 150 миль, а именно: Дейкъ-Ковъ, Капъ-Косъ-Касль, Эннемебоэ (Аппамабое) и Аккру. — Капъ-Косъ-Касль величайшая изъ всѣхъ чепырехъ, и по укрѣпленію, удобнѣйшая для опраженія природныхъ жителей. Въ свою очередь Эннемебоэ снабжена съ моря лучшею бапшарею; а по своему правильному чепыреугольному построенію,

представляешь болѣе средствъ для сопро-
тивленія войскамъ обученія Европейскаго.—
Въ отношеніи же къ торговлѣ, важнѣйшія
Эннемебоэ и Аккра ; послѣдняя сверхъ того
должна бы была быть предпочтена прочимъ для
помѣщенія и жительства войскъ, ибо за нею
проспиралась на нѣсколько миль спорона
ошкряная и благорасшворенная.

Не смотря на то, главное правленіе на-
ходится въ Капъ-Коспѣ, ибо на Золопомъ бе-
регу, въ сей полѣе крѣпости довольно об-
ширнаго строенія для пристанища арміи ;
по видимому, мѣстное положеніе оной не бла-
гопріятствуетъ здоровью Европейцевъ: до-
казательствомъ тому служитъ большая смер-
тность, господствовавшая недавно между
бѣлыми.

Сначала Африканская Компанія берега-
ла въ сихъ крѣпостяхъ Негровъ до разсылки
сихъ несчастныхъ жертвъ Европейскаго ко-
рысполюбія. Тогда онѣ почитались мѣста-
ми очень важными. По совершенномъ прекра-
щеніи въ 1807 году шорга Неграми въ обла-
стяхъ Великобританніи , здѣсь покупающъ
и вымѣнивающъ одни природныя произведенія
изъ царства ископаемыхъ и прозябаемыхъ :
была можешь, что сей послѣдній шоргъ ме-
нѣе значителенъ , но по крайней мѣрѣ не
представляетъ ничего безчестнаго , и все

еще довольно выгоденъ. Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ счастливымъ попыткамъ, предпринятымъ для уничтоженія шорга Неграми, копорый однако же долго еще оставался предметомъ расчетовъ для уроженцевъ, весьма нерасположенныхъ покинуть его, потому, что онъ для нихъ былъ слишкомъ прибылоченъ. Они особенно были къ тому подстрекаемы Брепреномъ, шьмъ болѣе виновнымъ, чьмъ болѣе превосходилъ ихъ образованностию. Нашлось конечно малое число вымывавшихъ и собиравшихъ золошой песокъ, ловившихъ слоновъ и работавшихъ въ маслячныхъ и пальмовыхъ фабрикахъ: но въ замьну, другіе, не споль привычные къ трудамъ, не взирая на всь опасности, предпочипали для своего обогащенія продажу невольниковъ шайную или даже явную (ибо въ нькопорыхъ мьспахъ она производилась безъ всякаго спьсненія): оною занимались Ньицы, Испанцы, Поршугальцы, въ множествѣ разьзжавшіе вдоль берега. Такимъ-шо образомъ сей постыдный промыселъ продолжался еще ньсколько лѣшь по его запрещеніи, на глазахъ цѣлаго свѣша и подь самыми почти пушками крѣпостей. — Неисчислимъ вредъ, причиненный шьмъ законной шорговль, копорая, вмѣспѣ со всякою промышленностию, завися совершенно опъ его уничтоженія,

процвѣшала или упадала по мѣрѣ того; какъ благопріятствовали или противились оному.

Въ послѣдніе годы, развѣзды еспорожевыхъ кораблей прошиву Золошаго берега значительно уменьшили сей безчеловѣчный торгъ и наконецъ его вовсе прекратили. За шо и грузъ судовъ купеческихъ Нѣмецкихъ и Англійскихъ, состояцій съ той поры изъ однихъ произведеній промышленности уроженцевъ, пріобрѣтенныхъ законною торговлею (*) свидѣтельствуешь о внупреннемъ богатствѣ сей страны, которое бы еще гораздо болѣе возрасло, если бы удалось обратишь все вниманіе природныхъ жшелей на земледѣліе и промышленость. Но торгъ Неграми въ денежномъ отношеніи весьма выгоденъ; занимающіеся имъ чужды всѣхъ угрызений совѣсти, глухи ко всѣмъ убѣжденіямъ, особенно же обладають сильными средствами къ сопротивленію: въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Англичанамъ необходимо пріобрѣсть въ семъ краю власть неограниченную, дабы извлечь изъ

(*) Полагають, что прибыль отъ добыванія по Золошому берегу золоша, слоновой кости и пальмоваго масла въ 1816, 1817, 1818, и 1819 годахъ, ежегодно проспиралась до милліона. Нѣмцы преимущественно оною воспользовались.

своихъ заведеній прибытокъ надежный и постоянный; дабы приуготовишь гражданскую образованность уроженцевъ конечнымъ искорененіемъ шорга невольниками.

Впрочемъ сіи владѣнія способны ко всякому улучшенію, могущему придашь имъ важность самой высшей степени. Нѣдра земли заключающъ здѣсь въ себѣ неисчерпаемый источникъ ископаемыхъ; необозримыя степи населены множествомъ слоновъ и обширныя лѣса могли бы снабдить пальмовымъ масломъ все частіи Свѣта. То же можно сказать и о другихъ произведеніяхъ, кошорыя здѣшняя почва, безъ сомнѣнія, произведла бы избыточно, если бы только ее воздѣлывали. Лучшая хлопчатая бумага растетъ здѣсь почти безъ обработки; кофе во многихъ мѣстахъ изобилуетъ; сахарный тростникъ, безъ всякаго за нимъ хожденія, равняется съ лучшимъ, производимымъ въ Западной Индіи трудами рукъ человѣческихъ. Индиго также произрастаетъ самъ собою, и кукуруза (blé d'Inde) созрѣваетъ въ такомъ изобиліи, что ее нерѣдко вывозятъ на островъ Мадеру. Когда къ сему присовокупить предметы менѣе важныя, напр. воскъ, кожу, смолу, кошорыя здѣсь можно добывать въ чрезмѣрномъ количествѣ: тогда легко можно сосланишь понясіе о многообразіи

ныхъ выгодахъ, представляемыхъ сею спраною, и объ удобности, съ коею можно ими замѣнить позорный промыселъ человѣческою кровію. Бѣлая образованность была бы непосредственнымъ слѣдствиемъ сего расширенія торговли; а жители Золотого берега являютъ возделнѣйшую гоповность къ споспѣшествованію человѣколюбивымъ видамъ шѣхъ, копорые захошѣли бы произвести въ дѣйствіе великодушное намѣреніе, просвѣтивъ ихъ. Разительнымъ шому доказательствомъ можешь служить рѣшимость, съ копорю начальники Фаншіевъ—Феши, Агуна, Аккра и Акинъ отправили дѣшей своихъ въ Капъ Коспъ и Эянемебовъ, для полученія лучшаго по возможности воспитанія.

Власть крѣпостей во внутрь не далеко простираешся. Находясь на самомъ взморьѣ, онѣ имѣють весьма необширныя обласпи. Племена Фаншіевъ, ближайшіе сосѣды Англичанъ, по видимому, довольно расположены подвергнуться ихъ руководенію и правительству. Но этого нельзя сказать объ обитающихъ въ бѣлой опдаленности Ашаншіяхъ, коихъ Король обладаешъ простиранными землями и начальствуетъ значительною военною силою. — Земля Фаншіевъ, гдѣ находятся Бришанскія поселенія, опдалаешся отъ Королевства Ашаншіевъ Держа-

вою Ассинскою, и вмѣстѣ съ нею часпо бываешь поприщемъ боевъ и завоеваній Ашаншійскаго власнителя. Съ 1807 года, сей полудикій Государь началъ опягчашь окрестныя племена всѣмъ бременемъ своего могущества и внулилъ желаніе заключить съ нимъ союзъ Англичанамъ, которые поняли, что должны опасаться силъ его. — Побѣдивъ уже нѣсколько народовъ, онъ вознегодовалъ въ сіе время за что-шо на Фаншіевъ и внесъ брань и разрушеніе въ ихъ обиталища. Успѣхъ до того блистательный увѣнчалъ его оружіе, что, увлеченный пылкостью, объявшею рать его, онъ сильно и безъ разбору напалъ на всѣ Европейскія поселенія, Ангаійскія, Нѣмецкія, Голландскія. Тогда Англичане вполне извѣдали всю пользу, могущую происпеть для нихъ, если склоняшь подобнаго мужа къ союзу съ собою, и Г. Боудичъ былъ отправленъ Начальникомъ Посольства къ Двору чернаго Владѣтеля.

Сіе полу-ученое, полу-политическое Посольство прибыло въ землю Ашаншіевъ въ 1817 году: описаніе онаго Г-мъ Боудичемъ сличкомъ извѣстно (*); и такъ здѣсь распространяшь о немъ мы не спанемъ. Миръ на нѣкоторое время былъ возстановленъ: казалось, льщило Африканскому Дво-

(*) См. Сѣв. Арх. нынѣшняго года.

ру, что бѣлый народъ находится съ нимъ въ союзъ или лучше сказать, въ его зависимость, ибо въ глазахъ сихъ варваровъ, каждое подобное посольство не что иное, какъ явное признаніе надъ собою ихъ первенства.— При всемъ томъ прудно было сохранить связь мирную съ людьми свирѣпыми, кошорые упоены были своими побѣдами; сверхъ того совершенное почти испребленіе Фантшівъ приблизило Ашаншівъ къ Англійскимъ владѣніямъ, произвело непосредственное прикосновеніе рубежей и выгоды, еще болѣе увеличило затрудненія взаимныхъ сношеній, и наконецъ породило настоящую войну, о причинахъ кошорой много спорили, но коей первобытное начало, какъ видно, обрѣщается въ воинственности и непреклонности, составляющихъ главныя черты нрава Ашаншівъ, свойстввахъ, усилившихся еще грознымъ, гордымъ положеніемъ, принятымъ ихъ Правительствомъ. Какъ бы то впрочемъ ни было, мы не станемъ входить въ разбирашельство, для насъ неслишкомъ занимашельное, ошибокъ Англійскихъ Повѣренныхъ, хотя симъ ошибкамъ и приписываютъ происхожденіе войны: а вкращѣ расскажемъ одно за другимъ, достопримѣчательныя событія, сопровождавшія разрывъ и сѣдовавшія за онымъ.

Въ Кумасси Г. Боудичъ заключилъ весьма просиранный договоръ, для опредѣленія отношеній, долженствующихъ существовать между подданными Ашантійскими и Британскими. Но уже въ 1819 году возникла ссора, коей предлогомъ было какое-то нарушение договора, за которое Африканскій Монархъ требовалъ въ удовлетвореніе 1600 унцій золота. Опасались еще другихъ поводовъ къ неудовольствію; Г. Дюжонъ былъ посланъ къ нему съ объясненіями. Благоклонный пріемъ онаго въ Кумасси подавалъ надежду къ пресѣченію всякаго рода раздоровъ; однако же они возобновились непосредственно по его возвращеніи. — Медленность; съ кою Дюжонъ отправился въ столицу Ашантійцевъ и слишкомъ кратковременное его тамъ пребываніе, кажется, были главными причинами неуспѣха; — къ существовавшему уже несогласію присоединились нѣкоторые неоспоримые поступки Каль-Костскихъ жителей съ Ашантійцами, и произвели наконецъ временное прекращеніе торговли оныхъ съ сею крѣпостію.

Обѣ стороны однако же пребывали еще въ недоумѣніи и нерѣшимости, когда вдругъ, въ началѣ 1821 года, въ городѣ, зависящемъ отъ брошенной Голландцами крѣпости Мури (Mouree), шолпа сшодившихъ шамъ Фантій-

скихъ рашниковъ совершила злодѣяніе ужасное, изъясляющее въ то же время величайшее презрѣніе къ Капъ-Косшскому начальству. Они схватили шамошняго уроженца, состоящаго нѣсколько уже лѣтъ подъ Англійскимъ покровительствомъ, повлекли его въ вышеупомянутый городъ, и предали смерти, при самыхъ жестокихъ испязаніяхъ. Намѣстникъ Золомага берега, Смишь, извѣстясь о семъ гнусномъ дѣлѣ, раздраженный безчестіемъ, которое оно наносило Британскому Правительству, не медля, выслалъ въ Мури опрядъ войска, съ повелѣніемъ задержавъ виновниковъ сего убійства. Фаншіи вспрыгнули посланныхъ ружейнымъ огнемъ: Англичане нашлись принужденными защищаться, и ошвѣчали шѣмъ же. Завязалось дѣло, которое кончилось разбиіемъ Фаншіевъ и смертію ихъ предводителя Пянтри.

Ашантійскій Князь Адумъ, расположившійся спаномъ по близости мѣста сраженія, сначала предпринялъ было нѣкоторыя движенія, показавшіяся Европейцамъ непріязненными. Но одобреніе, данное Королемъ наказанію прешупниковъ, также не прекращавшіяся посѣщенія Ашантіями крѣпостей Эннемебоэ и Аккры — заспаляющъ думашъ, что не сіе происшествіе было виною войны,

хотя многіе по утверждають. — Однако же, по видимому, расположение умовъ не совершенно было спокойно. Вездѣ открывалось шайное чувство подозрѣнія и озлобленія, пребывавшее большой въ обхожденіи осторожности, дабы не превратиться въ вражду явную.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Сиръ Карль Маккаршей, назначенный Правительствомъ въ званіи Губернатора крѣпостей Золотого берега, прибылъ сюда въ Апрель 1822 года. Сей Намѣстникъ встрѣпилъ по прїѣздѣ своемъ одни неудовольствія и непріятности, особенно же со стороны Смита, своего предшественника и Дюпюи. Онъ желалъ собрать нужныя свѣдѣнія о сей области; ему отказали въ нихъ. Видя себя такимъ образомъ въ необходимости ограничиться собственными изысканіями, онъ прибѣгнулъ къ запискамъ Боудича: но читая его преувеличенные рассказы о могуществѣ Ашантїевъ, онъ вдался въ другую крайность, и счелъ силы ихъ счищать весьма неважными. — Разумѣется, что при этомъ предубѣжденіи, онъ не слишкомъ дорожилъ ихъ благорасположеніемъ, хотя оно и весьма было бы полезно: первое заблужденіе, въ которое онъ впалъ въ силу сего ложнаго понятія, было опущеніе, при вступленіи въ

свою должность, привѣшавшаго посольства Королю. По мнѣнію Каптана Ленга, сей обрядъ произвелъ бы тѣмъ благопобудительнѣйшее дѣйствіе, что Государю Ашантійскому пріятно было бы получить знакъ уваженія отъ мужа, подобнаго Сиру-Карлу, о просранныхъ помѣстьяхъ коего и въ другихъ справахъ свѣда, вѣдалъ онъ.

И такъ поступки Сира-Карла не могли нравиться Двору Кумассійскому. Но Маккаршей совершенно занялся улучшеніемъ земледѣлія и торговли: всѣ мѣры его показывали, что онъ хочетъ приложить ревностныя помышленія къ образованію жителей Золотого берега, и къ облегченію тяготящаго ихъ ига варваровъ.

Сіи племена, кажущаяся, одарены гораздо большими способностями нежели другіе народы, сосѣдственные съ Англійскими владѣніями въ Африкѣ: они, вскорѣ поняли намѣреніе Сира-Карла, и вскорѣ спали чинивъ въ немъ своего защитника отъ внутренняго и внѣшняго угнетенія. Имя его разнеслось вдоль мыса Аполлоніи, даже до устья Вольфы: великое вліяніе его на сіи племена (досель подвластныя Королю Ашантійеву) возбудило въ семь послѣднемъ мрачное, безмолвное негодованіе. Гордость его оскорбидась не только внезапнымъ возмущеніемъ

его подданныхъ, шѣхъ, коихорыхъ сами Англичане признали таковыми, но и пренебреженіемъ его властію, изъявленнымъ въ отказанномъ ему привѣщеніи. Съ шой цоры неукротимый Африканецъ помышлялъ объ одной войнѣ, и долго обдумывалъ способы къ вѣрному мщенію. При всемъ томъ, онъ такъ хорошо успѣлъ сокрыть свои замыслы, такъ хорошо сохранилъ личину дружжелюбія, что никто не думалъ подозрѣвать перемены его чувствованій, и Сирь-Карль, при сихъ обстоятельствѣхъ, не побоялся съѣздить въ Сіерра-Лиону, чшобы обозрѣть Гамбійскія поселенія.

Сіе по время его отсутствія выбрали Король Ашантійскій, чшобы разразиться грозою надъ Англичанами.

Въ Августѣ 1822 года, подъ маловажнѣмъ предлогомъ, онъ велѣлъ взять нѣкошораго Великобританскаго сержанта, и заточилъ его въ Фантійскомъ городѣ Донквѣ (Donquah), въ 18 миляхъ отъ Эннемебоэ. Несчастливаго обвинили въ оскорбленіи сего Государя, за шо, что въ силу возложенной на него обязанности, управился по Уставу Благочинія съ подданными Ашантійскими, торговавшими въ Эннемебоэ. Разрывъ вѣхъ взаимныхъ сношеній щопчасъ послѣдовалъ за симъ насиліемъ. Извѣстіе объ ономъ ускори

ло возвращеніе Сирь-Карла: но, не зная настоящихъ намъреній Ашаншіевъ, онъ долго оплагалъ опкрытіе военныхъ дѣйствій. Совѣщанія о томъ, что начанъ, длились; время шекло въ безплодныхъ предположеніяхъ: наконецъ настало 1 число Февраля 1823 года, и въ Донквѣ обезглавили злополучнаго пльнника. Недоумѣвашь—сіе убійство уже не дозволяло долѣе. И шакъ возгорѣлась война сія, причина коей съ перваго взгляду болѣе случайная, нежели предугошовленная какимъ нибудь замысломъ, война, возникшая болѣе изъ корышполубія и обиженнаго шщеславія самовлашнаго, сильнаго варвара, чѣмъ изъ неблагоразумія Правителей.

Съ непріятелемъ въ первой разъ встрѣшились 26 Февраля, подъ Донквою: сраженіе сіе принадлежитъ къ самымъ жаркимъ и шташплымъ во всемъ походѣ. Около двухъ сошъ Ашаншіевъ и значительное число Фаншіевъ, были преслѣдуемы за 8 миль, и разбишы на голову. — Чешыре ихъ предводителя и около спа человекъ преданы смерти для усшрашенія прочихъ.

Ашаншіи бьются гораздо искуснѣе Фаншіевъ, чему можешъ служишь доказательствомъ сіе дѣло, въ кошоромъ первые цѣлили очень мѣшко, и при каждомъ залпѣ низлагали прошивниковъ; а вшорые своими вы-

спрѣлами; направленными слишкомъ высоко, сбивали шолько съ деревьевъ листья; за то и бацаліонъ, споявшій прошивъ Ашаншіевъ, пошерялъ убищыми и ранеными 70 чело-
вѣкъ.

Молва о сей побѣдѣ быспро распроспра-
нилась повсюду, и еще до вшораго отъѣзда
Сира-Карла въ Маѣ мѣсяцѣ, ему покорилося
множество Фаншіевъ и воиновъ иныхъ раз-
личныхъ племень, желавшихъ свергнушь яремъ
Ашаншіевъ и прибѣгавшихъ посему подѣ
его знамя, копорое они тогда въ самомъ дѣ-
лѣ счишали хоругвию свободы, какъ-то оно
велегласно было названо.

Тогда, при продолжавшемся со всѣхъ спо-
ронъ вооруженіи, Король Ашаншіевъ придумалъ довольно забавные способы, чшобы испугашъ
Англійскихъ союзниковъ. Онъ отпра-
вилъ къ каждому изъ нихъ повѣщенія: од-
ному, издѣваясь, онъ совѣщовалъ вооружись
всѣхъ рыбъ морскихъ; другому угрожалъ вой-
ши въ обласъ его съ громомъ, до шого
спрашнымъ, чшо опъ онаго онецъ его про-
снешся въ безмолвномъ гробу своемъ. Сира
же Карла онъ велѣлъ поздравить съ шѣмъ,
чшо изъ головы его намѣренъ сдѣлать укра-
шеніе для большаго походнаго барабана сво-
ихъ рашниковъ. Также признался онъ въ
умерщвленіи сержанта и объявилъ, чшо самъ

видѣлъ ножъ, которымъ его зарѣзали. Фаншіамъ же онъ объявилъ общее испребленіе, и смѣялся ихъ довѣренности къ Сиру-Карлу, говоря, что сей предастъ ихъ, какъ-то уже разъ учинилъ Намѣспникъ Турренъ въ подобномъ случаѣ. Но все это не произвело на нихъ ни малѣйшаго дѣйствія: всѣ они являлись объятые непоколебимостію и воспоргомъ, между ними рѣдкими. — И такъ Король, занятый въ то время съ лучшими своими войсками опаснымъ предпріятіемъ близъ Крепю, началъ заболѣвъ размышлять о своихъ общояпельствахъ. Онъ даже рѣшился обратиться къ Англичанамъ съ мирными предложеніями. Но сіи переговоры оказались безплодными, ибо повѣренные его, представшіе сперва мирошворцами, на другой же день спали распочать угрозы обывателямъ Капъ-Коспа, коимъ приписывали всѣ злополучія войны.

Сіе междудѣйствіе случилось въ первыхъ числахъ Мая: немного дней спустя, Сиръ-Карлъ отправился въ Гамбію, и не прошло двухъ недѣль по его отъѣздѣ, какъ узнали, что двѣ тысячи непріятелей, переправясь чрезъ рѣку Буссомпру (Boossompra), идутъ на Фаншіевъ. Помощь пребодалась скорая. Оспановитѣ Ашаншіевъ поручили Капишану Ленгу, которому удалось счастливо ис-

поднишь на него возложенное. Непрiятель, узнавъ о его приближенiи, опспунилъ; но Ленгъ, не теряя времени, направилъ свое шеспвiе къ Королевспву Ажумаконому, которое онъ Фаншiевъ опдвляеися рѣкою Амиссою, и владѣшель кошораго склонялся на спорону Ашаншiевъ. Онъ принудилъ его предпочесшь союзъ поселенцевъ, и, предводишельспвуя послѣ того 8,000 человекъ, пошелъ черезъ Ажумаконь на Эссекуму, а Царя Эссекумскаго, союзника Ашаншiевъ, зашавилъ послѣдно скрышься въ Кумассiю. Сей быстрый походъ на время возшановилъ спокойспвiе.

Въ концѣ Юля непрiятель вновь обнаружилъ намѣренiе, вшоргнушься въ землю Фаншiевъ. Посему разбили два спана, одинъ въ Ян-кумассiи, разорейномъ Фаншiйскомъ городѣ, другой въ Юквѣ: рашники изъ природныхъ шпелей шуда спеклись опшвсюду. Ашаншiи приближались въ двухъ колоннахъ — въ двадцашп тысячъ каждая: но вмѣспо того, чшобы, какъ шо подагали, взяшь направленiе ко взморью, они пошли на сполицу Ажумаконую. Ленгъ успремился имъ на вспрѣчу съ 5000 человекъ, и достигъ города, который нашель въ шревогъ и шренешъ. Жены, вымазавъ себѣ шло мѣломъ, испрашивали у сдвданныхъ по мѣспному обычаю фешпшей успѣха и побѣды;

мужья вооружились; многие изъ нихъ, одѣтые въ чудные наряды, готовились къ бою: воинство Ашаншійское находилось уже въ 20 миляхъ.

Зная отвращеніе Ашаншіевъ къ ночнымъ битвамъ, Капишанъ положилъ напасть на нихъ при лунномъ свѣтѣ. Съ прудомъ онъ убѣдилъ къ тому уроженцевъ: но наконецъ одолѣвъ всѣ препятствія, достигъ непріятеля въ распахъ въ Эссекумъ. — Варвары закалывали въ жертву богамъ своимъ плѣнниковъ, взятыхъ ими поштру: обуюнные слѣпымъ ужасомъ, они разбѣжались въ величайшемъ смященіи.

Городъ представлялъ плачевнѣйшее зрѣлище: взоры всюду встрѣчали пруги, и мѣстами члены зарѣзанныхъ жертвъ покрывали землю. Къ счастью, прибышіе Англичанъ предупредило смерть нѣкопрыхъ несчастныхъ. — Плѣнные непріятели и жены, немогшія спаслись бѣгствомъ, содрогались, когда подводили ихъ къ симъ расперзаннымъ, кровавымъ шѣламъ, надъ копорыми, можешь быть, сами за нѣсколько часовъ несповсповали: они спрашились подобной участи.

Побойще сіе произошло 22 Августа: на другой день на Ашаншіевъ снова напали неожиданно, снова разбили ихъ и гнали безъ устали. — Сія быстрая пораженія удалили

ихъ: они перешли на шось берегъ Буссом-пры, и безопасность въ другой разъ была возобновлена на нѣсколько мѣсяцовъ.

Въ Эсекусъ собрали военный совѣтъ, и положили разрушить городъ: ужасъ царствовалъ въ непріятельскомъ войскѣ: Король повелѣлъ ежедневно закалать въ жертву своему фетишу отъ восьми до десяти дѣвушекъ, для отвращенія грозящей ему гибели. Побѣдители предложили продолжать путь въ Кумассію, но должны были это ославить, ибо Фаншіи слишкомъ тому пропивились. Подобнымъ образомъ нашлись принужденными отказать отъ покушенія принудить Короля Асинскаго возстать на Ашаншіевъ. Опасность минула, и Фаншіевъ уже нельзя было убѣдить ни къ какому предпріятію.

Враги хотя были побѣждены, но не вдались въ споль малодушное бездѣйствіе: воинственная бодрость снова вооружила ихъ, и рапъ, превосходящая числомъ всѣхъ прежнія, вскорѣ двинулась къ берегу. На сей разъ они не встрѣтили такого счастливаго со стороны Англичанъ сопротивленія. Извѣстно, что сей походъ не былъ безъ урона послѣднихъ, и смерть Сира-Карла Маккартея увѣковѣчитъ печальное объ немъ воспоминаніе. Странный случай предшествовалъ его паденію: за два дня до сраженія, въ кошоромъ Мак-

каршей погибъ, онъ, смѣясь, сказалъ приведеннымъ передъ него плѣннымъ: „слыхалъ я, что вашему Королю мои челюсти нужны для его большого барабана; и такъ понесушь ему ихъ завтра.“ Къ несчастію, слова сіи сбылись на самомъ дѣлѣ.

Съ той поры всѣ дѣйствія оставались бесполезными: Англичане не находятъ большой помощи въ уроженцахъ, своихъ союзникахъ; Ашантіи господствуютъ почти надъ всею спороною, и повсюду распространяють грабежъ и опустошеніе.

Много спорящъ, что начать въ такихъ обстоятельствахъ: всякій говоритъ свое мнѣніе. Но Англійское Правительство, кажется, рѣшилось прибѣгнуть къ переговорамъ. Недавно узнали объ опплытіи на корабль Порпумусъ Генерала Турнера, которому поручено просянущъ Ашантіямъ руку примиренія. Онъ везетъ съ собою великолѣпную кашалку, шаперъ и другіе дары, назначенные Королю, въ случаѣ, когда найдутъ его въ миролюбивомъ расположеніи. Въ случаѣ же прошивномъ, Генералу велѣно высадить войско и продолжать брань.

(Изъ *Journ. des Voyages.*)

III.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПРЕДИСЛОВІЕ Г. ЛЕМОНТЕЯ КЪ ИЗДАНІЮ БАСЕНЬ
КРЫЛОВА СЪ ФРАНЦУЗСКИМИ И ИТАЛІЯНСКИМИ
ПЕРЕВОДАМИ.

(*Окончаніе.*)

Хемницеръ, человекъ ошъ природы за-
стѣнчивый, нѣжный и задумчивый, скромно
издалъ, ушавъ имя Сочинителя, Басни свои,
о кошорыхъ говоряшь, что онѣ очень прі-
ятны и дышашъ просшошою; но мало были
извѣсны до смерти шворца ихъ. Вся жизнь
его была непрерывною борьбою съ собшвен-
нымъ своимъ нравомъ: ученіе Медицины ему
наскучило — онъ пошелъ въ военную служ-
бу, и былъ на войнахъ Турецкой и Польской;
пошомъ всшупилъ въ Горную службу, и на-
конецъ былъ посланъ въ Смирну въ качествѣ
Консула. Но едва увидѣлъ себя въ семъ оп-
даленномъ краю, оплученнымъ ошъ своихъ
привычекъ и друзей, какъ впалъ въ шоми-
пельную болѣзнь, и скончался на 40 году.
Сшранная его разсѣянность, о кошорой рас-
казываюшь много анекдотовъ, сосшавляешъ
почши одно его сходство съ нашимъ Лафон-

*

шеномъ; ибо беззаботный добрый человекъ (1) не бывалъ ни скромнень, ни задумчивъ, и подлинною медлительности и безпечности, шайлъ силу Повзѣи, не вовсе знакомую Хемницеру. Сей послѣдній считаеиъ своими единосемцами ниже двухъ слѣдующихъ Баснописцевъ.

Родясь въ 1760 году ошъ благородной, почтенной фамилиі, и бывъ осыпанъ въ послѣдствіи чинами и почестями, Г. Дмишрїевъ умѣлъ согласишь страхъ къ Липерашуръ съ ревностию къ двамъ Государственнѣмъ. Вѣрояишо, скорѣ позабудушь, что онъ былъ Министромъ Юстиціи, нежели, что онъ Поэтъ. Переводы *Басень* и *Сказокъ* (2) *Лафоншеновыхъ* составляютъ гла-

(1) Не позабудемъ, что это названіе (Le Bohémien) Французы преимущественно даюшь своему славному Баснописцу. *Переводъ.*

(2) Откуда взялъ это, или, на чью вѣру написалъ Г. Лемоншей? Мы, Русскіе этого не видимъ. *Пригудница*, по собственному признанію И. И. Дмишрїева, заняла имъ изъ Вольперовой Сказки *La Béguenle*. Но какую удивительную разницу найдушь читатели между подражаніемъ и подлинникомъ, и какъ охотно ошдадушь преимущество расказу, краскамъ и игривости слога И. И. Дмишрїева! Прочія его Сказки: *Воздушныя башни* и *Модная жена*, поже взяшы не изъ Лафоншена, а *Картинна* принадлежишь ему собственно.

вную часть его творений. Онъ угодилъ Русскимъ остроумнымъ своимъ рассказомъ, равно какъ пріятностію и гибкостию, кои сообщили ихъ языку при семъ трудномъ дѣлѣ. Въ Москвѣ обитаетъ въ преклонныхъ лѣтахъ сей Писатель, всѣми любимый и уважаемый. Древній сей городъ, который Изящныя Искусства и удовольствія избрали также своею столицею, служитъ обыкновенно мѣстомъ успокоенія для вельможъ и заслуженныхъ царедворцевъ, оппоргнутыхъ тягостою лѣтъ или Философіею опъ Двора и жизни Петербургской. Тамъ-по Г. Дмитриевъ, сдѣлавъ новое изданіе своихъ творений, исправленное и *уменьшенное* (3), явилъ по-

Осшаяся одна: *Филмонъ и Бавкида*, но одна Сказка не есть Сказки. Басни Дмитриева также многія взяты изъ Флоріана и другихъ Писателей; слѣдовательно Лафоншеновы составляютъ не *большую*, а едва *пятую часть* стихотворений И. И. Дмитриева, и не *главную* въ поэтическомъ отношеніи, ибо у него есть собственныя, превосходныя лиро-эпическія стихотворенія, каковы напр. *Освобожденіе Москвы и Ермакъ*. *Переводъ*.

(3) Сіе изданіе было напечатано не самимъ И. И. Дмитриевымъ, но какъ даръ, принято опъ него съ чувствительнѣйшею благодарностію Высочайше утвержденнымъ С. Петербургскимъ

кій вкусъ чловѣка свѣпскаго и безприспра-
стїе судїи, совлекшагося суешности авпор-
ской.

Г. Крыловъ, послѣдній изъ сего прїумви-
раша, естѣ пошъ, котораго Басни здѣсь пред-
лагающся. Родясь въ Москвѣ 1768 года, онъ
былъ воспитанъ въ Твери, куда родители
его переселились на жительство. Онъ слу-
жилъ въ памошнемъ Губернскомъ Правленїи
до 1785 года. Тогда онъ переехалъ въ С. Пе-
шербургъ, гдѣ поручаемы ему были разные
должности. Съ 1811 года, онъ служилъ Би-
бліошекаремъ въ превосходной Император-
ской С. Пешербургской Публичной Библио-
шкѣ. Онъ украшенъ знаками отличїя и
пожалованъ чиномъ *Надворнаго Совѣтника*,
не бывъ придворнымъ (4). При всемъ томъ,

Вольнымъ Общешвомъ Любителей Словесности,
и напечатано иждивенїемъ онаго, для споспѣше-
ствованїя, по волѣ почтеннаго Сочинителя,
двойственнoй цѣли сего Общества — просвѣще-
нїю и благотворенїю. *Переводъ.*

(4) Каково? — Французскїй Писатель, не рас-
прося порядочно, думаетъ и пишетъ, что въ
Надворные Совѣтники жалуютъ у насъ только
Придворныхъ!... *Conseiller de Cour sans être cour-
tisan!* — И. А. Крыловъ Кавалеръ Ордена Св.
Владимїра 4 степени, и, въ уваженїе заслугъ его
въ Россїйской Словесности, получаетъ Всемило-

онъ челоѡвѣкъ нешерпящій интригъ и нечесшодлюбивый: милосшъ сїа сама нашла его, а онъ оставилъ ее дѡлашь, что хочешъ. Можешъ бышь, онъ и большаго достшюинъ; мошо вѣрно, что онъ былъ бы доволенъ и меньшимъ.

Г. Крыловъ шрудилъся для Театра. Бывъ еще 16 лѣтъ, написалъ онъ небольшую Оперу: *Кофейница* или *отгадчица на кофе*, но не печаталъ оной. Онъ сочинилъ двѣ другїя Оперы въ шрехъ дѡйствїяхъ: *Илья богатырь* (5) и *Сумасбродная семья*. Онъ также подарилъ Русскїй Театръ чешырьмя Комедїями въ прозѣ: *Проказники* (6), въ шлши дѡйствїяхъ; *Писатель въ передней*, въ 3 дѡйствїяхъ; *Модная лавка* (7), въ шрехъ дѡйствїяхъ, и *Урокъ дочкамъ*, въ 1 дѡйствїи. Публика приняла всѣ сїи сочиненїя съ ласшнымъ одобренїемъ.

спивѣйше пожалованный ему пансіонъ, по шриштысячи рублей въ годъ.

(5) *Ilia le Hércule*, сказано во Французскомъ подлинникѣ; для чего жъ не *Ilia le Sampson*? *Пер.*

(6) *Les Espiègles*. По содержанию Комедїи, шшо вовсе не *Espiègles*; скорѣе *les Originaux*. *Пер.*

(7) И здѣсь сказано у Французскаго Писателя *le Magasin à la mode*, а по смыслу Комедїи — шшо *le Magasin de modes*. *Перев.*

Но истинный свой талантъ Г. Крыловъ явилъ въ Басняхъ, и спалъ въ первомъ ряду Лишперашоровъ своей опчизны. Вниманіе, кошорое привлекаешь къ себѣ столь отличныи Писатель, возбуждаешь желаніе узнать его самого, и вопъ подробности, сообщенныя мнѣ нѣкоторыми путешественниками, сведшими съ нимъ знакомство въ Петербургѣ. Г. Крыловъ имѣешь опъ роду около 56 лѣтъ, высокъ ростомъ, полонъ лицомъ и шиломъ; походка его небрежна; простое и опкрытое его обращеніе внушаетъ къ нему довѣріе. Ни опъ кого не завися и не бывъ женатъ, онъ не убѣгаетъ ни игры, ни удовольствій. Въ обществѣ, онъ больше замѣчаетъ, нежели говоритъ; но когда его взманишь, то разговоръ его бываетъ весьма занимателенъ. При всемъ томъ, онъ никогда не выѣзжалъ изъ Россіи, не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ, и только понимаетъ по Французски (8). Подъ шучною

(8) Не правда! Всѣмъ иностраннымъ путешественникамъ, кошорые имѣли случай познакомиться съ И. А. Крыловымъ, должно бытъ извѣстно, что онъ объясняется на Французскомъ языкѣ весьма свободно; сверхъ шого знаетъ онъ языки Нѣмецкій, Италіанскій и древній Греческій, кошорому выучился уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ.
Переводъ.

его наружношью кроешся умъ шонкій и быспрый, вкусь разборчивый, сердце чело-вѣколюбивое и доброхошное, и всѣ качества превосходнаго друга. Въ одномъ шолько его укоряюшь, — и это, къ сожалѣнію, естъ господшвующая черта его характера: онъ перенесъ подъ 60 градусъ широты безпечность Неаполитанскую, и предаешся шой роскошной лѣни, кошорая взлелѣяла геній Лафоншена и Шольё. Муза его уступаетъ шолько насшойчивымъ просьбамъ друзей: это *басенникъ* (9), кошорый должно крѣпко попрысши, чшобы съ него упали плоды.

Баснями Г. Крылова открыся славный періодъ, въ кошорый Россія, испытавъ себя въ Литературѣ, шакъ сказашъ, *заморской*, увидѣла у себя и Словесность испинно народную, и публику, ей внемлящую. Басни сіи, думаю, и донынѣ сосшавляюшь шо, чшо Парнасъ Невскій имѣешъ совершеннѣйшаго. Ни одинъ народъ не имѣешъ Баснописца, кошорый бы превзошелъ сего Писателя въ новостн расказа и изобрѣшенія. Почши всѣ его Басни принадлежатъ собшвенно ему.

(9) Французы въ семь случаѣ употребляюшь слово: *Fablier*, означающее какъ бы *басенное дерево*, и сосшавленное по образцу словъ: *rommier*, *poigier*, *mûgier* etc.

Расказъ его опличается тонкостію подъ
 видомъ просмосердечія, и правдоподобіемъ; и
 усѣянъ веселыми и остроумными подробно-
 стями. Онъ съ опмѣннымъ искусствомъ упо-
 требляетъ краски мѣшныя, и кисть его,
 прямо Русская, показываетъ, какъ въ зерка-
 лѣ, необыкновенное подобіе народа, который
 заимлетъ сколько же просмоты отъ прао-
 щественнаго образа своей жизни, сколько тон-
 кости ума отъ положенія своего въ обще-
 ствѣ человѣческомъ. Изобрѣшеніе въ Басняхъ
 Г. Крылова вообще исполнено ума. Онъ рѣд-
 ко играетъ своими уроками; нравоученіе
 его открыто и твердо, иногда даже сби-
 вается на эпиграмму, или на шу общую са-
 шпирю, которая есть оружіе добродѣтели.
 Слогъ его, котораго совершенство живо
 чувствуютъ его единосемцы, совокупляетъ
 въ себѣ два рода красотъ, недослупныхъ для
 переводчиковъ: съ одной стороны онъ оби-
 луетъ словами звукоподражательными, а съ
 другой онъ искусно извлекаетъ изъ нарѣчія
 просмонароднаго самыя, такъ сказать, усоб-
 нныя и нежданнаго выраженія, которыя сами
 собою пробуждаютъ множество понятій,
 чувствованій и воспоминаній, любезныхъ Рус-
 скимъ. Къ счастію Русскаго языка, одна и
 та же эпоха являетъ въ немъ Г. Карамзина
 и Г. Крылова, и оба они оказываютъ ему

важныя и разнообразныя услуги. Первый изъ нихъ возвышаетъ шу часъ сего языка, которая прилична доспоишству Испоріи, второй изощряетъ въ немъ шу, чію способно къ списыванію нравовъ. Можно сказать, чію Г. Карамзинъ даетъ избираемымъ имъ словамъ граматы на благородство, а Г. Крыловъ надвѣляетъ слова своего выбора пашеншами на умъ.

Таковъ Писатель, котораго Графъ Орловъ, спраспный къ славъ своего ошечества, желалъ распроспранитъ знаменитость по сію и по шу спорону Альпійскихъ горъ; шакое швореніе, которымъ онъ хотѣлъ обогатитъ Литературы Французскую и Испаліанскую. Какіхъ правъ не имѣлъ онъ на успѣхъ сего предпріяшя, полезнаго шремъ народамъ! Испалія не забыла еще, чію она ему обязана драгоцѣнными Испорическими Записками о Неаполишанскомъ Королевствѣ, и двойною Испорією Музыки и Живописи въ Испалии. Франція благодарна ему за предпочпеніе, которое онъ оказывалъ нашему языку разными своими сочиненіями, и за Описание его пугешествія по южнымъ нашимъ провинціямъ; посему-шо благодарность двухъ народовъ изъявилась гошовношцію ихъ Писателей, способшвовашъ его намѣренію. Г. Сальфи, ученый Кришникъ и доспойный про-

должашель Женгене, въ прекрасной его Истории Липерашуры Ипаліанской, посвящишь особое предисловіе тому, что касается до Музы Авзоніи въ этомъ собраніи Басень Г. Крылова. Я скажу только объ участи, которое приняли въ ономъ Поэмы Французскіе.

Число ихъ почти равняется числу сихъ Басень. Такое спеченіе ни мало не удивительно. Франція, движимая великодушнымъ чувствованіемъ начинавшимъ возвышашъ любовь къ отечеству до любви къ человечеству, привѣщшвовала улыбкою первое спремленіе Россіи къ образованности и Словесности. Вольтеръ, Левекъ и Леклеркъ были изъ новѣйшихъ первыми ея Историками (10); наши Ученые, соспязаясь съ учеными Германскими, съ Эйлерами, Гмелинами и Палласами, занимали въ ней мѣста Профессорскія; для нее Фалконетъ создалъ спашую Петра Великаго. Главы нашей Липерашуры вели переписку съ Императрицею Екатериною; одинъ изъ нихъ самъ приходилъ дивиться ей

(10) Благодарны, а особливо за сего послѣдняго, кошорой изуродоваль въ своей, пакъ названной Истории, не только имена, но и самыя событія, и на все смощрѣль сквозь закопченное стекло. *Переводъ.*

посреди ея славы; а попомъ Кабинетъ Версальскій, изъ шпонкой угодливости, прислалъ къ ней, въ лицъ Г. Сегюра, *самаго академическаго* (11) своего Посланника. На нацѣмъ же языкъ сія Государыня, споль же Великая Монархия, сколько опличная любезностію женщина, сама написала безмертвннй свой Наказъ о сосавленіи Законовъ для своей Имперіи и Наспавленія о воспитаніи Высокихъ своихъ Внуковъ. Посему привязанность Франціи къ Россіи, родившаяся ошъ сообщенія знаній и взаимной склонности двухъ народовъ, ешь уже для насъ какъ бы преданіе ошъ нашихъ наспавниковъ и привычка цѣлаго вѣка.

Правда, не легко было доказашъ сего переводомъ Г. Крылова. То, чшо мы сказали о его слогъ, богапомъ звукоподражаніями и выраженіями, шакъ сказашъ, сродными народу и нравамъ его опчизны, довольно ясно уже доказываетъ, чшо сіи мѣспныя красолы неудобопереносимы въ другой языкъ. Крыловъ, переселенный шакимъ образомъ

(11) Переводчикъ не осмѣлился измѣнить здѣсь выраженія Сочинишелева: *le plus académique de ses Ambassadeurs*, хошя Русская фраза и очень похожа здѣсь на галлицизмъ; въ эшомъ онъ просишъ извиненія у читашелей.

подъ чужое небо, не былъ бы узнавъ своими соотечественниками, шакъ какъ и мы не узнаемъ Монпая и Лафонпена въ самыхъ лучшихъ переводахъ. Посему должно было оставишь напрасныя попытки — переводишь Пюзю его Басень, а ограничишьсѣ подражаніями, для кошорыхъ дѣльносшь содержанія, прелесшь и новосшь подробносшей досшавляющшь Писашелямъ всѣхъ спранъ удобнѣй запашь. Для облегченія сихъ подражаній, Графъ Орловъ началъ переводишь Басни своего единосземца на Французскій языкъ прозою и какъ можно ближе къ подлиннику, и надъ симъ, уже гошовымъ запашомъ шрудились Пюзшы Французскіе и Ишаліанскіе, съ свободою пашанша, и ошбросивъ всѣ препоны, пропивополагаемыя шексшомъ подлиннымъ. Такимъ образомъ, изъ шворенія Г. Крылова до насъ дойдешъ все, что могло перейши за предѣлы Россіи, и новыя красшшы, безъ сомнѣнія, замѣняшшь шѣ, кошорыхъ намъ не суждено посшигнущшь (12).

Судъ о сихъ подражаніяхъ принадлежишь чпшашелю, у кошораго они шеперь передъ

(12) Не совсѣмъ. Эшо мы увидимъ изъ будущаго разбора сихъ Ишаліанскихъ и Французскихъ преложеній. *Переводъ.*

глазами. Каково бы ни было его мнѣніе о каждой изъ сихъ Басень ошдѣльно, — но его навѣрное удивитъ и плѣнитъ чрезвычайное разнообразіе шоновъ и красокъ цѣлаго. И никогда споль великое число опличныхъ Писателей не производило общими силами шакого дѣла, которое, не взирая на особый оппечашокъ шаданша каждаго изъ нихъ, долженствовало бытъ игрою ихъ превосходства. Въ семъ состязаніи я вижу нѣкоторое подобіе шурнира, какъ бы празднуемаго въ Парижѣ въ честь чужеземнаго Баснописца, куда со всѣхъ вершинъ Французскаго Парнаса, сошла толпа вишазей и Амазонокъ, и званіемъ и оружіемъ различающихся. Здѣсь видимъ важныхъ Писателей: Графа Сегюра, Авшора Всемирной Исторіи; Графа Дарю, Историка Венеціи; Г. Каррьонъ-Низаса, Историка Военной Науки; Г. Парсеваль-Гранмезона, пѣвца Филиппа Августа; Графа Буасси д'Англасъ, Плаушарха Мальзербова и соревновашеля его въ швердостии духа. Подлѣ нихъ являющся ученые Липшерапоры: Гг. Амори-Дюваль, Ноде, Ноэль, Геро, Мюссе-Пате и Мазуа, коего волшебная кистъ оживила дворець Скавра и пепель древней Помпей.

Мельпомена выслала на поприще пѣхъ изъ своихъ нишомцевъ, кой споль гордыми

чершами изобразили свирѣпаго Марія, безчеловѣчную Брюнегильду (Brunehaut), кровожаднаго Силлу, заговорщика Прочиду, спротаго Регула, и Клодовига, и Саула, и Инесу де-Каспро, — Гг. Арно, покойнаго Энъяна, Жуи, Кавимира Делавиня, Люсьена Арно, Вьенне, Суме, Фирмена Дидота, того самаго, кошорый, напечашавъ съ рѣдкимъ совершенствомъ подлинныя Басни Крылова Русскими буквами (13), снова доказаль, что нѣсть непреодолимой трудности для славной его шипографіи. Талія, какъ и сестра ея, пожелала выставить своихъ борцевъ въ Гг. Андрие, Дюваль, Пикарь, Віаль, Дюмерсанъ и Жансуль; за ними слѣдовали представившели той веселой и легкой опрасли Литературы, въ кошорой Французы оплачающся: Гг. Купиньи, Жаклень, Эмиль Дешанъ, Жюлій Ресегье, Жермень Делавинъ и Руже Делиль. Для Г. Крылова лестно

(13) Правда; но жаль, что Г. Дидотъ не прискаль на сей разъ хорошаго Русскаго корректора. Со всею щеголеватостью Русскихъ буквъ Парижской опливки, въ текствѣ встрѣчающся многія и немаловажныя опечашки, кошорыхъ не было бь при хорошемъ корректорѣ, знающемъ нашъ языкъ. Къ шому жь и заглавная буква Т вырѣзана шакъ, какъ у насъ спрочная. *Переводъ.*

будешь найти, въ числѣ своихъ предлагателей — опличныхъ соперниковъ по роду сочиненія, коихъ имена уже прославились изданными собраніями Басень; таковы Гг. *Греню, Ле-Бальи, Молльво, Августъ Риго, Баронъ Стасаръ, Купе-де-Сенъ-Дона*; къ нимъ должно присовокупить Г. *Арно*, о которомъ я уже упомянулъ при исчисленіи поборниковъ Музы прагической.

Въ справъ спаринной, укоренившейся образованности, занятія липературныя имѣють своихъ охотниковъ: потому ли, что они умщвенные шруды свои счищаютъ просто забавою, или потому, что бояшя извѣстности, — держащя они подъ слухомъ свои произведенія, кошорыхъ ждешя слава. Переводъ Басень Крылова много обязанъ симъ вольнымъ общникамъ Липературы: это Герцогъ *Бассано, Бурделуа, Аббатъ Бюра, Алберикъ Девилль, л'Эрмиттъ, Жюльера-Шассёръ, Жозефъ Ламаркъ, Мико, Миро* и *Вьянсенъ*. Наконецъ собраніе сіе было бы какъ-то шускло и не полно, если бь въ немъ не встрѣчали мы нѣжной руки шого пола, кошорый озаряешя липературную славу Франціи самыми прелестными ея лучами. Пущь же порадуешя читатель, находя здѣсь имена шѣхъ собесѣдницъ Музы, коихъ присушество и звуки голоса власт-

ны павннать его! Г-жи Принцесса *Констанція де Сальмъ*, *Софія Ге*, *Жоливо-де-Сегре*, сочинительница цвлаго Собранія *Басень*, *Амабль Татю*, *Мераръ-Сенъ-Жюстъ*, Гжа *Гиллуа*, урожденная *Эвлалія Руше*, дочь извъсшнаго шворца Поэмы: *Мвсацы*; Гжи *Ла-Гардъ*, *Целеста Вьенъ*, дввнцы *Адель Ле-Бальи*, дочь Баснописца, и *Дельфина Ге*, ша прелестная любимица *Аполлонова*, кошорой онъ повелъль бышь *Повшомъ*.

Графъ Орловъ, попеченіямъ коего публика будешъ обязана за сіе изданіе, хотъль еначала каждую Басню украсишь гравированною карцинкою; но какъ сіе великолъпнє нребовало на долгое время ошложишь изданіе, шо онъ принужденъ былъ ограничишь поршпрешомъ Г. Крылова и пяшью карцинками, взашыми изъ содержанія заглавныхъ Басень въ каждой изъ пяши книгъ сего собранія. Люди съ образованнъмъ вкусомъ, можешъ бышь, одобряшь сію воздержносшь, ибо всего шруднѣе успѣхъ въ шакомъ дѣлѣ. Творенія изъ природы мершвой и большая часть живонныхъ, бывающія обыкновенно двйспвующими лицами въ Баснѣ, представляющъ спшоль мало средствъ къ изображенію спрастей въ живописи, что Художникъ по неволѣ долженъ выискивашъ незанимательные предметы побочные (*les accessoires*). Большое из-

даніе Лафоншена , такъ называемое des Fermiers généraux, очень ясно доказало, какъ безсильна такая роскошь, и сколь ничтожно въ ней дѣйствіе драматическое или картинное. Со всѣмъ тѣмъ, нельзя безъ удивленія видѣшь, какъ умѣли воспользоваться Гг. Бушонъ, Изабе, Лепренсъ, Неверъ и Юлій Верне симъ неблагодарнымъ предметомъ (14), и какъ замысловатый ихъ карандашъ умѣлъ превратити въ занимательныя картины такія сцены, кошорыя, съ перваго взгляда, должны бы были шолько являясь опвлеченному взору ума. Красивыя ихъ картинки суть истинная новостъ и завоеваніе начертательнаго искусства въ обласпи Басни, въ кошорой донныи рѣзецъ производилъ шолько вѣлыя, дѣшскія игрушки.

Съ Франц. . . С.

Парижъ, 10 Декабря 1824.

(14) Въ этомъ Переводчикъ поспоришь съ Г. Сочинителемъ. Имѣвъ случай видѣшь нѣкощорые рисунки (опчаспи уже выгравированные), готовимые для новаго изданія Басень И. А. Крылова здѣсь въ С. Пешербургѣ, онъ опдаешъ имъ полное преимущество передъ Французскими, и оспаешся въ шомъ убѣжденіи, что для истиннаго таланца нѣтъ шрудношей.

*

АНТИКРИТИКА.

I.

КРАТКОЕ ВОЗРАЖЕНІЕ НА СТАТЬЮ, ПОМѢЩЕННУЮ
ВЪ 11 No. МОСКОВСКАГО ТЕЛЕГРАФА.

Riga bien, qui riga le dernier.

Г. Беспугевъ, исчисляя причины беспресипанныхъ явленій полемическихъ спашей во всѣхъ Русскихъ Журналахъ, не упомянулъ объ одной, едва ли не важнѣйшей, а именно: о чрезвычайной раздражимельности шѣхъ Писателей, которыхъ долговременные пруды ограничиваюцца полудюжиною *пустыхъ* крипикъ и аншикрипикъ (см. 11 No. Москов. Телеграфа.) Замѣченное въ Сѣверной Пчелѣ, неправильное сужденіе о финалѣ Оперы: Донъ-Жуанъ, такъ разгнѣвало Г. У. У., что онъ, написавши двѣ грозныя аншикрипики, еще вызываешь на бой своего прѣвивника, и кто знаетъ, до чего бы дошли эти прѣвнія о финалахъ, если бы Г. Корреспондентъ Сѣв. Пчелы не объявилъ, что онъ не намѣренъ ошвѣчать Г. У. У. — Это конечно есть лучшее средство прекрашить споры, ни мало незамашельные, но къ несчастію, большаа часть

нашихъ чинашелей почитаемъ побъжденными ивъхъ, копорые молчашъ: Г. соспрудникъ Московскаго Телеграфа зналъ это, и объявилъ поржественно, что никто не зашавилъ его переспашъ писать. Мнѣ кажется, что никто и не шребовалъ этого. Пишите, Г. У. У! Вы нашли Издашеля, копорый помѣщаетъ ваши опашья въ своемъ Журналѣ: найдутся и чинашели, копорые будутъ удивляться вашимъ прозведеніямъ. Такъ изопари водитса! ссылаюсь въ шомъ на Буало. . . .,

Спашья ваша напечатана подъ заглавіемъ аншикрипики; эшимъ словомъ до сихъ норъ означалось защищеніе или опроверженіе чьего нибудь мнѣнія. Посмотримъ, что заключаешъ въ себѣ ваша спашья. Вы начинаете шѣмъ, что небольшое замѣчаніе ваше къ спашью о концертахъ, сосшоявшее въ шомъ, „что Г. П., воюющій подъ крызышкомъ Сѣв. Пчелы, не имѣетъ свѣдѣній въ музыкѣ, весьма прогнѣвало его Г. П.“ Кто прогнѣвался, вы или Г. П., это мы узнаемъ изъ крашкаго изможенія всего дѣла. — Г. П. назвалъ забавною благодарностъ вашу, за выпущеніе финала въ представленіи Оперы: Донъ-Жуанъ; сы, Г. У. У., возражали ему Г. П., шѣмъ, что подобнаго сужденія не нашли въ Нѣмецкихъ книгахъ, коихъ заглавіе сы Г.

У. У. выписали изъ каталога, и прибавили къ тому, что письмо его, Г. П., о Московскихъ концерсахъ наполнено ошибками, которыхъ бросающа въ глаза *вамъ*, Г. У. У., опышному любителю музыки. На сей грозный приговоръ опивчалъ онъ Г. П. съ въжливостію, ушверждая, что упомянушаго финала выпускашь не должно, понеже самъ Моцартъ призналъ его нужнымъ въ безсмертномъ швореніи своемъ. Доказывалъ же онъ Г. П. справедливостъ мнѣнія своего тѣмъ, что при сочиненіи Испаліанской Оперы, Поэль всегда бываешь въ зависимости у музыканша, изъ чего слѣдуешь, что Моцартъ не въ угодностъ Аббашу ди-Понше сочинилъ финалъ, а напросивъ того его Аббаша ди-Понше принудилъ вывести на сцену всѣхъ дѣйствующихъ лицъ Оперы, ради вышереченнаго финала. — Пошомъ, прося васъ указать, какія ошибки вы, Г. У. У., нашли въ письмѣ о концерсахъ, онъ Г. П. не приминулъ, при сей вѣрной оказіи, замѣшивъ въ спашѣ вашей диковинки, которыхъ, въ числѣ шести, съ исправностію имъ выписаны.

Изъ всего вышеозначеннаго явствуетъ, что Корреспонденцъ Свѣ. Пчелы не гнѣвался, а защищала свое мнѣніе: въ опившъ его не нашель я ни одной обвешшалай ошибки, о которыхъ вы упоминаете, ни одного вы-

раженія, прошивнаго въжливости, ни одного признака желанія блиспаць знаніями, копорыхъ онъ не имѣеть, словомъ ничего шакого, что бы показывало раздражительность избличеннаго самонадьянія, и вамъ, Г. У. У. слѣдовало бы также поспунишь, или, за недоспапкомъ доказательствъ, молчаць. Но спашное ли дѣло! „Довольно, кажешся, говорище вы, доказаль я Г. П., что его замѣчанія о финаль Донъ-Жуана еспь грубая ошибка.“ А намъ *кажется*, что это самое *вамъ* доказаль Г. П. — Попомъ, въ слѣдствіе прошенія Г. П. о указаніи ошибокъ его въ нисемъ, помѣщенномъ въ 46 Но Сѣверной Пчелы, вы выписываеше слова изъ спашья, напечатанной въ 64 Но. — Такъ и бышь! разсмопримъ ваши показанія, оставляя безъ вниманія два первыя, копорыя — ничего не доказывающъ. — Вы называеше неудачнымъ защищеніе спашья о концерпахъ, попому, что Г. П. „не желая въришь ни здравому „смыслу, ни вкусу, ни сужденіямъ людей, на „копорыхъ можно положишь, и коихъ со- „чиненія вы предспавили въ доказательство, „просишь васъ заглянуть въ теорію *Ита- „ліанской Оперы, и тамъ увидѣть, что фи- „налы въ ней необходимы, и что Моцартъ „зналь, для чего написалъ сей финаль.*“ —

Ошвѣчаю на сіе во-первыхъ шѣмъ, что Г. П. не на иномъ чемъ, какъ на *здравомъ смыслѣ*, утверждаетъ, что должно вѣрить болѣе вкусу безсмертнаго Моцарта, нежели вкусу сочинителя музыки къ какой нибудь Ташарской, или Киргизской пѣснѣ; слѣдовательно ваша ссылка на *здравый смыслъ* не-удачна, такъ какъ и желаніе выдашь себя за знатка; — во-вторыхъ: вы сами же говорите, что въ упомянутыхъ вами сочиненіяхъ *ничего не сказано о финалѣ Донъ-Жуана*, слѣдовательно и вѣрить не чему; въ-третьихъ: выпусшивши окончательную фразу сужденія о необходимости финала въ *Оперѣ*, вы старались только затмить смыслъ; въ четвертыхъ: если Г. П. сказалъ, что *Моцартъ зналъ, для чего написалъ сей финалъ* (чего и нѣтъ въ его спашѣ) то вы, опровергая его сужденія, должны были доказать, что *Моцартъ самъ не зналъ, для чего написалъ сей финалъ*. Не сомнѣваюсь я, что вы готовы все доказывать, но никогда не повѣрю, чтобы вамъ удалось изобличить Моцарта въ незнаніи того, что онъ дѣлалъ, и вы очень хорошо сдѣлали, что, вмѣсто всякихъ нелѣпыхъ полковъ о семъ предметѣ, ограничиваетесь забавнымъ вопросомъ: чѣмъ же хоръ духовъ не финалъ? Конечно Опера могла бы окончиться хоромъ духовъ, если

бы Моцартъ не сочинилъ другаго, финала, въ подтвержденіе этого мнѣнія, стоило только прибавить вамъ Русскую пословицу: на безрыбѣ и ракъ рыба. —

Г. П. ошкровенно признался, что онъ незнапокъ въ музыкѣ, а вы, Г. У. У., вмѣсто этого, чтобы послѣдовать его примѣру и признашья, что и ваши свѣдѣнія очень ограничены, вы приводите шупъ совсѣмъ не дспаша слова Молчалина и Чацкаго:

„Не сочинитель я — и по всему замѣтно.“

По моему мнѣнію, второе полуснишіе приличіе было бы поставитъ подъ собственнымъ вашимъ объявленіемъ о томъ, къ числу какихъ Сочинителей вы принадлежите. Но теперь дѣло не объ этомъ, а посмотримъ, по какому праву вы себя выдаете за знапока и за опытнаго любителя музыки.

Г. П. назвалъ речитативомъ сцену Командора съ Донъ-Жуаномъ, шакъ какъ и всѣ ее называютъ. А вы, вѣроятно, для доказательства своихъ глубокихъ знаній, шорженственно утверждаете, что *мѣрная музыка никогда не называется речитативомъ*. —

Теперь и я поздравляю васъ съ находкою! И шакъ, по вашему опредѣленію, въ цѣлой Веспалкѣ нѣтъ ни одного речитатива? Прекрасно! Вотъ неоспоримый признакъ, что вы знапокъ и опытный любитель музыки!

Попросите же и вы въ свою очередь кого нибудь изъ вашихъ пріятелей, располковавъ вамъ, что выраженія: *мърная музыка* и *речитативъ* значать одно и то же, и въ другой разъ не пишете на-обумъ о музыкѣ, о которой, какъ и о всякомъ искусствѣ, нельзя судить безъ предварительнаго, особеннаго занятія и знанія.

Вы увѣряете, Г. У. У., что между вашимъ замѣчаніемъ о Моцартѣ и Россини „и „224 страницю 4 части Писемъ Русскаго „пущешественника, нѣтъ ничего сходнаго „кроме сходства Глюкка и Пичини съ Моцартомъ и Россини.“ Извините, есть еще другое сходство: ваше сравненіе Моцарта съ Россини и сужденія Кавалера Св. Лудовика о Глюккѣ и Пичини суть не иное что, какъ наборы *пустыхъ словъ, ничего недоказывающихъ.* Вотъ, почему Г. П. просилъ своихъ чипателей *заглянуть въ Телеграфъ и прочитатъ указанную страницу.* За симъ слѣдуютъ насмѣшки, на счетъ склонности Г. П. къ Матемастикѣ. Я согласенъ съ вами, что эта Наука пріучаетъ къ основательности, и потому совѣтую вамъ ею заняться: тогда вы не будете увѣрять о возможности доказать, что начальная буква чьего нибудь имени равняется нулю. Другое дѣло, если бы неизвѣстное количество УУ, являю-

щееся подъ вашими спашьями, означало степень вашихъ знаній, тогда, посредствомъ уравненія, легко бы можно было опредѣлить, чему равняешь У: ручаюсь вамъ, что искомое будетъ съ оприцашельнымъ знакомъ.

Симъ оканчиваю я мои возраженія, прося васъ замѣшить, что я по возможности избѣгалъ *обветшалыхъ шутокъ*, неучивыхъ выраженій, смѣлыхъ сужденій о предметахъ, извѣстныхъ мнѣ по наслыжкѣ, словомъ, всего того, что характеризируетъ ваши спашья. Въ заключеніе, совѣтую вамъ *не торопиться* писать, и не вѣришь Г. Издашелю Московскаго Телеграфа (подъ знаменами коего вы рашеборшвуеш), въ помъ, что сподшшь только захошшь, чтобы умѣнь судишь обо всемъ, ничего не зная основашельно. *Man kann nicht immer das, was man will!*

Теперь ожидаю я грознаго спвѣша, въ кошоромъ будешь сполько же основашельныхъ сужденій, сколько въ разбираемой мною спашья; но будыше увѣрены, что я не спану вспупашъ съ вами въ дальніе споры. Я подысываю подъ сею спашьею мое имя, и имѣю полное право просишь васъ спдвашъ тоже, если вы вздумаете мнѣ спвѣчашъ.

Василій Ушаковъ.

Москва.

Браткій отвѣтъ защитникамъ Лечебника, изданнаго Княземъ Енгальчевымъ, и указаніе нѣкоторыхъ ошибокъ, находящихся въ сей книгѣ.

Напрасно нѣкоторые жалуются на недоспашокъ энциклопедическихъ свѣдѣній нашихъ Словесниковъ. Мы знаемъ все, исключая многоаго. Въ № 68 *Сѣверной Пчелы*, совѣщавали публикѣ осперегаться вообще книгъ медицинскихъ, издаваемыхъ не-врачами, и сказали, что въ Лечебникѣ Князя Енгальчева находишься много промаховъ. На это появились опроверженія и защита въ XII книжкѣ *Благонамѣреннаго* и въ 62 книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*. Жаль только, что Гг. защитники Лечебника не представили доказательствъ, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія. Но какое до этого дѣло? довольно того, что одинъ изъ нихъ *рекомендуетъ* эту книгу *добрымъ и небогатымъ*, помещикамъ!

Между тѣмъ одинъ опытный Медикъ, несогласный съ симъ мнѣніемъ, утверждаетъ, что книга сія не можетъ принести никакой пользы, кощорую обѣщаютъ ей защитники. Желая предохранить *добрыхъ и небо-*

затыхъ помѣщиковъ ошъ пагубныхъ ошибокъ при леченіи различныхъ болѣзней *безъ совѣта врачей*, по книгѣ Князя Енгальчева, я просилъ сего почтеннаго Медика сдѣлать подробный разборъ Лечебника: сей ученый мужъ объявилъ мнѣ рѣшительно, что эта книга, въ цѣломъ своемъ составѣ, не есть медицинское сочиненіе, наполнена ошибками, и можеть причинить много вреда, (если читатели ея не будутъ совѣтоваться съ Медиками), но что на совершенное ея опроверженіе пребудетъ много времени, для него драгоцѣннаго. Между тѣмъ, чшобы убѣдить меня въ истинѣ своихъ словъ, онъ взялъ наугадъ одну часть сего сочиненія и, перепроверивъ лишны наудачу, велѣлъ мнѣ писать. Вотъ что мы нашли въ *третьемъ* изданіи: четвертое находится въ печати (*).

(*) Въ заглавіи первой части четвертаго изданія сказано, что оно *исправлено* и дополнено. Между тѣмъ первыя при изданія сего Лечебника съ ошибками находяща уже въ рукахъ публики! Всякому извѣстно, какія слѣдствія влекутъ за собою ошибки при леченіи болѣзней; посему мы рѣшились напечатать здѣсь замѣчанія почтеннаго и опытнаго Медика, желая, чшобы оными воспользовались издатели и читатели Домашняго Лечебника.

Намъ попалась подъ руку часть *третья*. Развертываемъ на угадь. На стр. 115 находится совѣтъ Врачамъ, который привелъ насъ въ оцѣпенѣніе: „Врачь долженъ давать больному ту пищу, къ которой онъ имѣетъ охоту, ибо больной самъ знаетъ, что ему полезно, и что вредно.“ — И такъ, прощай дѣша! Сами Врачи, находясь въ болѣзненномъ состояніи, не смѣютъ руководствоваться собственными познаніями, и призываютъ для совѣта другихъ Врачей; а по приведеннымъ здѣсь словамъ Лечебника Князя Енгалычева, больной долженъ повелѣвать по своему инстинкту. Прекрасно: и такъ въ оспрыхъ болѣзняхъ, если больному захочется горячительнаго, то не должно ему отказывать? Зачѣмъ же къ больнымъ приспавляютъ блуждающихъ? Зачѣмъ предписываютъ имъ дѣшную? — Что скажете на это, Гг. защитники? —

На стр. 385 написано слѣдующее: „Взять Испанскихъ мухъ въ порошокъ . . . 18 гранъ
 опию . . . 36 гранъ
 канфары 36 гранъ
 сахарнаго сироу, сколько попребно будетъ для сдѣланія 36 пилюль, и (въ извѣстныхъ случаяхъ) принимаешь по одной или двѣ пилюли на ночь, ложась спать.“

Всѣ новѣйшія Фармакологіи (*) подтверждаютъ, что принятіе внутрь Испанскихъ мухъ сопровождается всегда худыми послѣдствіями. Сверхъ того, общая безопасность, кажешся, пребуешь, чтобы шаковые матеріалы, какъ Испанскія мухи и опій, были всегда въ рукахъ Врачей, и не принимались внутрь по предписаніямъ людей, незнающихъ Медицины (**). Вообще эшопъ рецептовъ есть самый вредный, и никогда, ни въ какомъ случаѣ не можешь быть написанъ Врачемъ.

При описаніи болѣзней, Авторъ сѣдовалъ одной эмпириі. Онъ не предлагаетъ ни опредѣленія болѣзней, ни признаковъ, ни причинъ, и прямо приступаетъ къ леченію. Сколько вреда можешь произойти отъ эшого, трудно исчислишь. Напримѣръ, нѣкошорья кодошья въ желудкѣ, по деревнямъ ис-

(*) См. Pharmacop. Castrensis Ruthen. pars. 1 pag. 100.

(**) Къ счастью больныхъ, лекарства отпускаются изъ Россійскихъ аптекъ не иначе, какъ по предписаніямъ Врачей, получившихъ законныя свидѣтельства на медицинскую практику. Сіе благодѣтельное распоряженіе мудраго Правительства должно часто обращать чинашелей Лечебниковъ къ совѣшамъ Врачей.

дѣляюща рюмкою настойки, а при воспа-
леніи желудка, рюмка водки можетъ прекра-
тить жизнь человѣка. Вообще въ хрониче-
скихъ и острыхъ болѣзняхъ, невозможно и
даже вредно приступать къ леченію, не по-
нимая признаковъ болѣзней. — Но примѣръ
лучше объяснятъ.

На стр. 487 и 488. вотъ, какимъ обра-
зомъ Авторъ описываетъ горячку:

„Горячка.“

„Въ началъ сей болѣзни, если *нужно* (!)
надобно дать рвотное. Потомъ давай пишь,
три раза въ день, теплый наспой изъ мясы
Англійской и мауна по одной чашкѣ. При
томъ давай по 15 капель уксусной нафты
(aether aceticum) (!) (ticus), чрезъ два часа
въ полрюмкѣ воды. Если жажда велика, то
пей по немногу, но чаще декоктъ овсяный
или ячменный, или взять корня мауна въ
порошкѣ (Radix valeriana) (?) (пае), 3 драхмы,
налий одну бушылку горячей воды, накрой
сосудъ, и когда просынешь, то процѣдишь,
чтобы осѣлась полная бушылка сего на-
споя; къ сему прибавишь одну или 2 драх-
мы нафты купоросной (aether sulphuric), смѣ-
шай и давай по столовой ложкѣ чрезъ 15
минуть.“

Изъ всего этого видно, что почтенный
Авторъ вовсе не учился Медицинѣ, и не

имѣешь понятія объ оспрыхъ болѣзняхъ. Не упомянувъ прежде о признакахъ, по коимъ можно давать рвошное въ горячкахъ, онъ подвергаетъ жизнь больныхъ большой опасности, ибо часто рвошное весьма вредно. Также не изяснивъ припадковъ и явленій, по коимъ можно распознавать свойство всякой горячки, можно ли лечить ее надлежащимъ образомъ? По крайней мѣрѣ, надлежало бы означить главное свойство горячки, ибо какія слѣдствія произойдутъ отъ употребленія мауна, уксусной и купоросной нафты въ человѣкѣ, котораго всѣ шѣлесныя опшравленія болѣзненно возвышены? Безъ сомнѣнїя, такое соспоянїе шѣла возвысится, и болѣзнь приметъ самое дурное направленіе.

На спр. 489 написано слѣдующее:

„Перепончатая жаба, или крупъ, нерѣдко происходитъ отъ осприженія волосъ на головѣ.“

Вѣроятно Авторъ полагаетъ это главною причиною сей опасной болѣзни, когда не упомянулъ о другихъ, и прямо приступилъ къ леченію. Если бы это похоже было на правду, то всѣмъ надлежало бы носить длинные волосы, и запретить спричься. Парикмахеры были бы очень благодарны почтенному Автору, ибо тогда снова вошли бы въ моду косы и плешки. Но, по несчастію,

сіе опредѣленіе произошло отъ того, что Авшоръ не понялъ того, что списываль. Болѣзнь сія бываетъ слѣдствіемъ простуды, или всякаго неумѣстнаго обнаженія головы, а не одного сприженія. Это можно видѣть въ Therapia Specialis Richteri pars I pag. 427. —

На стр. 510. „Въ упорныхъ лишаехъ должно принимашь слѣдующее лекарство.“

„Взяшь сулемы 2 грана, развеспи въ 8 споловыхъ ложкахъ Французской водки, и прибавишь :

„опію 4 грана
канфары 8 грань
сахару 30 грань.

смѣшашь, и давашь поушру и ввечеру, сперва по десертной, а пономъ по споловой ложкѣ.“ и проч.

Нельзя не удивляшья совѣшу, употребляшья такіа героическіа лекарства! Не говорю уже о слѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ ошибки въ вѣсѣ, но любопытствую знашь, найдется ли человекъ, который бы захотѣлъ принимашь внутрь сильнѣйшее изъ медицинскихъ средствъ, единственно для того, чтобы избавишься отъ лишаевъ? Кто захочетъ сдѣлаться на всю жизнь слабымъ, вялымъ и получишь расположеніе къ смертельнымъ болѣзнямъ ради лишая? Удивительно! Можно ли такимъ образомъ предпи-

сывать лекарство безъ различія сложенія и шемпераменша больнаго? Какой Врачъ согласится давать сулему людямъ слабымъ, чувствительнымъ, чахопнымъ, склоннымъ къ кровопеченіямъ, спраждающимъ скорбушомъ, Англійскою болъзнію, испощеніемъ? Но какое дѣло до этого нашему Авшору! Какого бы сложенія человекъ ни былъ, если онъ имѣетъ упорные лишай — пусть пьетъ сулему: на здоровье! Гг. защитники Лечебника! что вы на это скажете? —

Весьма спрашно, что въ разсмаприваемомъ Лечебникѣ, Сочинитель, выписывая изъ нѣкошорыхъ медицинскихъ книгъ рецепшы безъ дальнаго разбора и примѣненія лекарства къ лѣшамъ и сложенію больныхъ, сверхъ того слишкомъ перековеркалъ эти рецепшы. Для примѣра выписываю одинъ на стр. 585.

Rp. gummi ammoniac
 gummi assa faetid
 Pulv. radix valeriana
 ——— summit arnica
 saponis venet, ââ ʒij.
 Antimon. tartaris gr. xvij
 syrup. — q. s.
 M. f. pilul. ponc: gr. ij quarum sumat-
 ter quotidie No. XV.

Напрошивъ того, рецепшь сей долженъ бытъ написанъ слѣдующимъ образомъ:

Rp. Gummi ammoniaci,
 Gummi assae foetidae,
 Pulveris radice valerianae,
 ——— Florum arnicae,
 Saponis veneti aa ʒii
 Tartari antimonalis gr. xviii
 Syrupi simplicis q. s.
 M. f. pilulae pondere gr. jj, quarum su-
 mat aeger ter quotidiae N. XV.

Если Авпоръ, выписывая чужіе рецепты, дѣ-
 лаемъ такіа ошибки, какую же степень до-
 вѣренности можно имѣть къ его собствен-
 нымъ? Вообще выписки его изъ медицинскихъ
 сочиненій весьма неудачны; напримѣръ, со-
 кращая изъ книги почтеннаго Доктора Виш-
 ша о геморое, нашъ Авпоръ отбросилъ са-
 мое нужное, а оспавилъ почти излишнее
 опъ стр. 442 до 474. —

Почтенный Медикъ, разсмашривавшій со-
 мною Лечебникъ Князя Енгальчева, упоми-
 ся, неискусными компиляціями, копорыя
 намъ выдаюшь за медицинскую книгу. Онъ
 закрылъ третью часть, и хотѣлъ кончить,
 но, по сильной моей просьбѣ, раскрылъ на
 удачу часть I, я шамъ на стр. 24 мы увидѣли:

„Постничесиво наиболее вредно моло-
 дымъ людямъ и спарикамъ.“ — Не говоря
 уже о томъ, что посты установлены Цер-
 ковию (а усшановленія Церкви всегда спаси-

жельны), безвредность оныхъ доказываеяса и самымъ опытомъ: простой Русскій народъ, который постигся почти половину года, гораздо здоровѣе и сильнѣе людей, воспитанныхъ и питающихся непрерывно мясами, шруфлями и соусами. — Часть I, стр. 264:

„Объ опухоли ногъ.“

„Опъ опухоли ногъ хорошо давашь каждое утро и вечеръ по 2 грана порошка изъ наперсточной шравы съ ячменнымъ взваромъ, однако посовѣтовавшись съ Врачемъ (*), употребляя сіе лекарство при недѣли.“

Эпюпъ ошривокъ удостовѣряешъ въ подной мѣрь, что Авшоръ не имѣешъ понятія ни о болѣзняхъ, ни о лекарствахъ. Наперсточная шрава (*digitalis purpurea*) есть превосходное средство въ водяныхъ болѣзняхъ, но въ опухоляхъ другаго рода, она не произведешъ желаемого дѣйствія, и обманешъ надежду больного. Часть I, стр. 269:

„О блѣдности въ лицѣ.“

„Опъ блѣдности въ лицѣ должно взять одну щепотку, или 1 золотникъ розмарина, налишь на оную 4 унціи или 8 столовыхъ

(*) Здѣсь почтенный Авшоръ домашняго Лечебника самъ признаешъ нужду прибѣгать къ совѣшамъ Врачей: симъ онъ подтверждаетъ наши замѣчанія.

ложекъ горячей воды, кошорую, наспоаявъ въ покрышомъ сосудѣ, давашъ по ложкѣ черезъ часъ.“ —

Какая блѣдность входилъ здѣсь въ составъ болѣзней — не понимаю. И какимъ образомъ розмаринъ, принимаемый внутрь, раскрасилъ щеки? — Это средство пребуешь изъясненія! —

Въ I часни на стр. 269, Авпоръ, написавъ въ заглавіи: „О проспудной горячкѣ,“ приспупаешь пошчасъ къ леченію, и, между прочими средспвами, предлагаешь слѣдующее:

„Разведи канфары 8 гранъ, въ 4 чайныхъ ложкахъ гофманскихъ капель, положи въ настпой мауннаго корня, смѣшай, и давай черезъ два часа по споловой ложкѣ.“

Не знаю, какой системѣ слѣдуешь Авпоръ, когда, не дѣлая никакого различія между горячками, вездѣ лечилъ ихъ почти одними *возбуждающими* средспвами. Канфара дается только въ горячкахъ, сопряженныхъ съ спраданиемъ нервной системы или съ большою слабостью, и мягкимъ, малымъ, слабымъ и неровнымъ пульсомъ и проч. Чшо жъ сдѣлается тогда, когда пѣло будешь находишься въ прошивномъ сосшояніи, чшо даже въ-рояшнѣ въ проспудныхъ горячкахъ? тогда маунный настпой, гофманскія капли и канфара произведущъ вредное дѣйствіе и, можешь

бышь, даже убьюшь больного.—Часть I стр. 298:

„О болѣзни ракѣ (сарцинома).

„Ошъ рака на губѣ — возьми свѣжаго сливочнаго масла и шравы пысячелишника, вари на огнѣ, и сдѣлай изъ шого мазь, въ кошорую обмочи перо и мазь рану, кошорая въ скорости заживеть.“ —

Сомнѣваемся въ дѣйствительности эшого средства: между шѣмъ благодаримъ Авшора, что онъ при эшомъ случаѣ совѣдуетъ, хотя бесполезное, но приняомъ и безвредное лекарство, и что онъ не прибѣгнулъ снова къ сулемѣ, опиуму и ш. п.“

Далѣе я не могъ убѣдить почтеннаго Медика, продолжая свои замѣчания, но надѣюсь, что и эшихъ будетъ довольно, дабы удословѣришь всѣхъ благомыслящихъ чинашелей въ шомъ, что сужденіе, напечатанное въ No. 68 Сѣверной Пчелы, справедливо, и что книга Князя Енгалычева наполнена *промахами* и ошибками. — Не говорю уже о несообразности въ медицинскихъ выраженіяхъ: эшо превосходитъ всякое вѣроятіе (*). Послѣ

(*). Напр. Часть II стр. 52: „Анисовое масло укрѣплешъ голову, предохраняешъ ошъ шяжкихъ сновидѣній (?), гонишь камень изъ почекъ и пузыря, и очидаешъ машку ошъ вѣшровъ.“ *Сог.*

этого можно ли имѣть довѣренность къ Гг. Журналистамъ, когда они берутся защищать подобныя сочиненія? — Спрашивается, всего то, что Г. Измайловъ говоритъ въ защиту Лечебника Князя Енгальчева на стр. Зоо Благонамѣреннаго въ No XXII: „Не только по нашему (по моему), но и по мнѣнію многихъ почтенныхъ Врачей (???) , въ Лечебникѣ Князя Енгальчева особенно важны два предмета: 1) какъ предохранять себя отъ болѣзней и 2) какія домашнія (!) и, такъ сказать, ничего *нестоющія* (!) лекарства можно употреблять въ извѣстныхъ случаяхъ съ *вѣрною пользою* (!), вмѣсто дорогихъ иноспиранныхъ медикаментовъ, которыхъ иногда въ глуши и найти невозможно. Это не бездѣлица.“

Мнѣ кажется, что почтенный Издатель *Благонамѣреннаго* не читалъ этой книги, а произнесъ свое сужденіе, смотря на заглавіе: *Домашній лечебникъ* и проч. Въ проливномъ случаѣ, сулемы, опиума, мауна, Испанскихъ мухъ, уксусной и купоросной кислоты и подобныхъ ядовитыхъ средствъ не называлъ бы *домашними*, ничего *нестоющими* лекарствами, которыхъ можно употреблять съ *вѣрною пользою*. Отдавая на судъ свѣдущихъ людей сдѣланныя моимъ знакомцемъ, почтеннымъ и опытнымъ Медикомъ,

замѣчанія на прешье изданіе Лечебника Князя Енгальчева, я заключаю сію статью увѣреніемъ, что я впрочемъ уважаю благонамѣреннаго Автора сей книги, хотя не имѣю чести знать его лично, истинно люблю А. Ф. Смирдина, которъ печатаетъ четвертое *исправленное* и дополненное изданіе оной, и не имѣю другой цѣли, кришикуя сію книгу, кромѣ пользы общей и желанія, чтобы вкравшіяся въ прежнія изданія ошибки были исправлены въ новомъ, котораго напечатана еще одна первая часть, и чтобы чинашеля Домашнихъ Лечебниковъ вообще болѣе пользовались совѣтами искусныхъ Врачей. Безприспирасные чинашеля, безъ сомнѣнія, будутъ мнѣ благодарны за это, а все мое стремленіе, все мои труды блоняются единственно къ пріобрѣщенію ихъ уваженія и благосклонности: этого довольно!

Фаддей Булгаринъ.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

О ПРИЧИНАХЪ НЕУСПѢХОВЪ ИСПАНСКОЙ АРМІИ ВЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ.

Одинъ изъ офицеровъ Перуанской арміи Роялистовъ, прибывшихъ въ Бордо, подалъ слѣдующее объявленіе о происходившихъ

въ Перу событіяхъ. Недоспашокъ въ согла-
сіи между Начальниками Королевской Перу-
анской арміи былъ единспвенною, испинною
причиною всѣхъ воспослѣдовавшихъ шамъ не-
удачъ. Лазерна, предвидя пабубныя слѣд-
спвіа раздоровъ, шщепно прилагалъ всевоз-
можное спараніе къ примиренію поссоривших-
ся, но шѣмъ увеличивалъ только число со-
перниковъ. Армія раздѣлилась на два корпуса:
первымъ, сѣвременною арміею, начальспвовалъ
Каншеракъ; а вшорымъ, южною арміею, Валь-
дезъ. Каждая соспавилась изъ опдѣлений, пре-
даннѣйшихъ своему начальнику, и дѣйспвова-
ла независимо опъ другой. Между шѣмъ,
Каншеракъ, почувспвовалъ себя обиженнымъ
при награжденіи Вальдеза, и въ крапкихъ, но
почшительныхъ выраженіяхъ негодованія, по-
спребовалъ равнаго опличія. Сѣверная армія,
расположилась въ Гванкалзъ (провинціи Тармы)
въ распояніи 21 Нѣмецкой мили опъ Лимы;
южная же спояла въ Ареквипъ, а Лазерна,
Вице-Король, пребывалъ въ сполицѣ Кузко.
Въ сей позиціи были наши войска; когда
Оланеша, наблюдавшій въ Пошози съ 2500
человѣками войска за Буэносъ - Айресомъ,
подавъ, подъ предлогомъ ревностной привер-
женности къ Королю, примѣръ непослуша-
нія, объявивъ, что онъ не признаешъ шо-
гдашняго образа правленія. Въ сіе время об-

спояшельства чрезвычайно благопріятствовали Роялистамъ. Королевская армія снова овладѣла крѣпостію Калао; обилащели Лимы воспали на Колумбійцевъ; Боливаръ опспунилъ до Трухилло, и часъ его войска была взяша въ плѣнь. — Сѣверной арміи надлежало насшупашъ на Трухилло, чшобы выпѣснись непріятеля за Ріо-Санто, но армія Вальдеза, принужденная наблюдать за ослушникомъ Оланешою, не могла содѣйствовашъ въ семь движеніи: Каншеракъ, едва прибывъ въ Лиму, началъ опспупашъ къ Гуанкахо, и подалъ Боливару время и способъ подкрѣпиться новыми силами. Силь опспупленіемъ учинилъ Каншеракъ главную ошибку, ибо онъ могъ однимъ войскомъ своимъ, въ 7000 опборныхъ человекъ, разбить Болизара. Въ сихъ запруднишельныхъ обспояшельствахъ, Лазерна пошребовалъ опъ Оланешы объясненія его поспупковъ, и чшобы лишись его всякаго предлога къ несогласію, опмѣнилъ онъ произвольно шогдашнее правленіе, не получа на шо Высочайшаго повелѣнія. Оланеша, опшавлялъ безъ вниманія всѣ предложенія Вице-Короля. Вальдезъ приблизился къ Пошози, въ намѣреніи свидѣться съ Оланешою; они сошлись въ Тарапъ, и сговорились въ разныхъ условіяхъ, кошорыхъ однако же Оланеша не сдержалъ, и пошому былъ встрѣ-

ченъ Вальдезомъ въ боевомъ порядкѣ. — Сей послѣдній въ то время находился въ разстояніи 220 Нѣмецкихъ миль отъ Гуаахако. Между тѣмъ Боливаръ началъ подвигаться впередъ, и разбилъ при Юнинѣ конницу Каншерака; пѣхота же сего Генерала отступила на 75 миль въ Кузко, поперявъ на пути 2000 человекъ. Лазерна въ нѣсколько дней снова образовалъ свою армію, принудилъ непріятеля остановиться въ 13 миляхъ отъ Кузко, и предписалъ Вальдезу, оставивъ Оланешу, прийти въ столицу. Вальдезъ исполнилъ сіе приказаніе, и подоспѣлъ во-время, одержавъ прежде побѣду въ кровопролитномъ сраженіи съ Оланешою. Повелѣніе выступить какъ можно скорѣе, принудило Вальдеза оставить переходимыя его войскомъ области на производъ Оланешы; сіи послѣдніе переходы стоили ему много людей. Лазерна, довѣрившій болѣе Вальдезу, нежели Каншераку, не могъ, не оскорбляя приличія, подчинить Генераль-Майору Вальдезу, Генераль-Лейтенанта Каншерака, и рѣшился принять лично команду надъ арміею, ввѣривъ передовыя отряды первому, а прочія войска послѣдному изъ сихъ Генераловъ. При выступленіи изъ Кузко, въ армію, состоявшей изъ 10,500 человекъ и снабженной всѣми потребными запасами, было 12 пушекъ. Колумбійцы отступали въ раз-

ныхъ направленіяхъ; Королевская армія по-
двигалась медленно впередъ едва проходимымъ
пушемъ, и вскорѣ стала перлѣтъ недоспа-
шокъ въ съѣстныхъ припасахъ; солдаты на-
чали бѣгать и изъяслять другіе примѣры
негодванія. Начальники сѣверной арміи от-
личались предъ прочими неповиновеніемъ, не
переставая осуждать распоряженія Вице-
Короля. Но пѣть не менѣе, армія достигла
до Машары, гдѣ Колумбійцы, числомъ 6000
чел., построились, имѣя у себя двѣ пушки.
Наша армія поразила ихъ, взяла 500 чело-
вѣкъ въ плѣнъ, одну пушку и весь обозъ Ге-
неральнаго Шшаба. Побѣда была бы совер-
шенная, если бы наступившая вскорѣ ночь не
воспрепятствовала Кантераку, подославъ
въ пособіе двухъ баталіоновъ, коихъ пре-
бовалъ Главнокомандующій. Колумбійцы сно-
ва собрались и направились на Шапей (близъ
Лимы). Лазерна, желая избѣгнуть рѣшитель-
наго сраженія, кошорое, въ шогданнихъ об-
стоятельствахъ, казалось ему слишкомъ оп-
важнымъ, оснановился, по причинѣ дождли-
ваго времени года, въ Гуаманхъ. Послѣ сра-
женія при Машарѣ, Колумбійцы ждали об-
рапиться въ долину Хауху, но, поелику, ихъ
аріергардъ нашель препяпстввіа со спороны
возмутившихся жшселей, шо они избрали
швердую позицію въ Аякухо, ожидая нападе-

нія Испанцевъ. Испанская армія долженствовала бы, вооружась первѣнѣе, оставивъ ихъ въ семь положеніи, но, къ несчастію, военный Совѣтъ, собравшійся 8 Декабря н. ст. 1824, опредѣлялъ на слѣдующій день вступити въ сраженіе, которое съ самаго начала было неблагопріятно для Испанцевъ, ибо мѣспоположеніе не дозволяло имъ спастись въ надлежащій спрой; въ одно мгновеніе непріятель овладѣлъ нашею артиллеріею. Лошадь подъ Вице-Королемъ, опдѣлившимся опъ своего Шшаба, упала въ одной мѣстинѣ; его ранили, и взяли въ плѣнь. Генералы, свѣдавъ о семь случаѣ, опсправились въ Колумбійскій лагерь, и заключили извѣспную поспыдную капишуляцію. Ни одинъ изъ нихъ не пощился собрать въ реширадѣ разсѣявшихся солдатавъ, предпочитая Начальству Оланешы крайнюю гибель. Однако же Испанскія военныя силы въ Перу состояшъ еще изъ слѣдующихъ опрядовъ: 800 чел. подъ начальствомъ Миранды, въ Апуримакѣ, 1000 чел. въ Кузко, 400 въ Пуно; 1500 чел. въ Ареквибѣ; 2500 чел. подъ командою Оланешы; 1400 чел. подъ предводителствомъ Агвилеры въ Большой долинѣ; 2 или 3 эскадрона на берегахъ; 2000 въ Каллао, всего 10,000 человекъ. Сверхъ сего находился еще въ Кузко превосходный артиллерійскій паркъ.

Начальствовавший въ Кузко Генераль поспушилъ весьма неблагооразумно, признавъ капишуляцію; онъ опсправилъ войско проспивъ Генерала Миранды, копорый проспивился сдачъ. Генераль Марошо, удалившійся безъ причины изъ арміи, былъ Комендантомъ въ Пуно; едва свѣдавъ о случившемся, сълъ онъ на корабль: никто не помышлялъ о замѣщеніи его. Главное начальство въ Кузко ввѣрилъ Генералу Піо Триспану, копорый весьма удобно могъ послать на подкрѣпленіе Оланеты отъ 1500 до 2000 чел. войска, расположеннаго въ провинціяхъ, 700 карабиновъ и 1500 сабель, привезенныхъ на фрегатѣ, Герцогъ Бордосскій; но онъ помышлялъ только о спасеніи своихъ капишаловъ, и привѣтствоваль Колумбійскихъ депушатовъ, какъ пріятелей. Генералу Вальдезу ни въ чемъ нельзя сдѣлать упрека. Оланета, ревностный Роялистъ, приверженецъ Пеццуэлы, пишася уже въ продолженіе 9 лѣтъ вражду къ Лазернѣ. Съ пособіемъ войскъ Триспановыхъ, онъ могъ бы еще держася въ Верхнемъ Перу; нынѣ же, когда всѣ провинціи до рѣки Дезагвадеро перешли во власъ Колумбійцевъ, положеніе его сдѣдалось весьма опаснымъ.

(Изъ No 159 *Berlinische Nachrichten* сего 1825 г.)

Б. В.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1 8 2 5.

44. *Славянская Грамматика, заимствованная преимущественно изъ Грамматики Г. Добровскаго, Старшимъ Учителемъ Санктпетербургской Гимназій Иваномъ Пеннскимъ. С. П. б. 1825 въ шип. Деп. Народн. Просв., въ 8, XXI и 219 стр.*

(С м . Н о 81 С ѡ в . П ч .)

45. *Земледѣльчѣская Химія, съ предварительнымъ изложеніемъ къ сей части и ко всей Наукѣ Сельскаго Хозяйства приготовительныхъ свѣдѣній изъ Естественныхъ Наукъ, съ показаніемъ разныхъ способовъ землеудобренія и съ начертаніемъ правилъ паханія. Составлена Михаиломъ Павловымъ, Надворнымъ Совѣтникомъ, при И. М. У. Минералогіи и Сельскаго Домоводства Профессоромъ П. О., Медицины Докторомъ, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства Школы Директоромъ и разныхъ Ученыхъ Обществъ Членомъ. М. 1825, въ шип. С. Селивановскаго, въ 8, въ первой части 456 стр.*

(С м . N N o 83 и 84 С ѡ в . П ч .)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТ

1825. № XV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

О Т Р Ы В О К Ъ

ИЗЪ РАСКАЗОВЪ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Соч. Вашингтона Ирвинга.

(О к о н ч а н і е .)

Похожденія моего дѣда, или храбрый драгунъ.

Дѣдъ мой былъ храбрый драгунъ; въ
ѣ повѣрите вы мнѣ на слово, потому
к, какъ видите, эшимъ ремесломъ зани-
пся искони все наше племя. Всѣ мои
ки были драгуны, и всѣ умерли на полѣ
еснѣи — исключая до сихъ поръ меня; одна-
ко жъ надѣюсь, что мои потомки будущъ въ
соспояннн сказашъ по же и обо мнѣ, хотя
нимало не хочу шѣмъ хваспашься. — И
шакъ дѣдъ мой, какъ я уже сказалъ, былъ
храбрый драгунъ, и служилъ въ Нидерландахъ.
Въ самомъ дѣлѣ былъ онъ въ шой арміи, ко-
порая, по словамъ дяди Тобія, шакъ ужасно

умѣла клясться и браниться. Онъ и самъ не успуналъ никому въ этомъ ремеслѣ, былъ пошъ самый, о, комъ помните, говоритъ капралъ Тримъ (*), что онъ ученіе о жизненномъ жарѣ и жизненной влагѣ, или другими словами, искусство, какимъ образомъ испареніямъ гнилой воды прошиводѣйствовашъ водкою, доказывалъ на собственной своей особѣ. Но какъ бы ни было, это не принадлежитъ собственно къ моей исторіи, и я упомянулъ о томъ мимоходомъ, желая только показашъ вамъ, что дѣдъ мой былъ парень не промахъ. Онъ зналъ службу, или какъ самъ обыкновенно говаривалъ, зналъ чорша; а это, право, не мало сказано.

И такъ, милоспивые государи, дѣдъ мой былъ опять на возвращномъ маршѣ въ Англію, и хотѣлъ сѣсть на корабль въ Осу^{Ваз-}ндъ — это проклятое гнѣздо! Предстаю^{а-} себя, что я, за штурмомъ и прошиви^{е-}въшромъ, долженъ былъ цѣлыхъ три дня^{и-} сидѣть шамъ одинъ одинѣхонецъ — ни веселаго поварища, ни пригоженькой дѣвочки, съ кѣмъ бы можно было укоротить время. Да бишь, я хотѣлъ вамъ сказашъ, что дѣдъ мой былъ на обратномъ маршѣ въ Англію, или бишь въ Оспендъ — впрочемъ все ра-

(*) Въ Триспрамѣ Шанди.

вно, по или другое. И такъ однимъ вечеромъ, какъ уже начинало смеркаться, дѣдъ мой, весель какъ и всегда, вѣзжалъ въ Брюгге. — Ну, господа, про Брюгге вамъ нѣчего рассказывать: вы вѣрно всё его знаете; старомодный Фламандскій городъ, гдѣ въ прежнія времена, какъ Мингеры играли еще важную ролю, была большая порговля. Теперь онъ такъ же великъ и обширенъ; жалъ шолько, что пусть, какъ въ наше время кончелекъ Ирландца. И такъ тогда, какъ вѣзжалъ въ него дѣдъ, была шамъ ярманка. Весь Брюгге набитъ людьми; въ каналахъ кучи Нидерландскихъ боповъ, по улицамъ кучи Нидерландскихъ купцевъ, такъ, что нѣгдѣ было спунить ногою: вездѣ попадались шюки съ шоварами, и мужики въ своихъ широкихъ исподницахъ, и бабы въ полдюжинѣ плашьевъ, одно сверхъ другаго.

Дѣдъ мой весело вѣхалъ на своемъ рыжакѣ, поигрывалъ хлыспикомъ, посматривалъ кругомъ себя и на шолпы людей по улицамъ, и на спарые дома съ ихъ курьозными крышками, и на аистовы гнѣзда на прубахъ; кланялся Брюггскимъ дѣвушкамъ, которыя глядѣли въ окошки, подшучивалъ на право и на лѣво надъ женщинами, которыя были на улицѣ—и всё онѣ отъ души смѣялись. Я сказалъ уже, что дѣдъ мой былъ

веселаго нрава, и хошя не зналъ ни слова по памошнему, но имѣлъ особый даръ дѣлать себя понятнымъ всѣмъ женщинамъ.

И шакъ, милосшивые государи, въ Брюггъ была ярманка, городъ полонъ, всѣ шрак-тиры и корчмы набишы бипкомъ, и дѣдъ мой напрасно перезжалъ ошъ одного дома къ другому — нигдѣ не было мѣсша. Наконецъ подѣвхаль онъ къ одному спарому шинку, кошорый каждую минушу гошовъ былъ обрушишся, и въ кошоромъ бы давно не осшалось ни одной крысы, если бы шолько онъ въ другомъ какомъ домѣ могли найши себя пристанище. Эшо была шочно шакая Вавилонская башня, какія видимъ мы на Фламандскихъ каршинахъ, съ высокою крышею до облаковъ и шполькими же шпажами, одинъ на другомъ, какъ предшавляемые лже-пророкомъ Магомешомъ семь небесъ. Давнымъ давно домъ эшопъ развалился бы, и если что по сю пору спасало его ошъ совершеннаго разрушенія, шо эшо безъ сомнѣнія аистово гнѣздо на печной шрубѣ, кошорое въ Нидерландахъ всегда приношишь счастье дому. Въ самомъ дѣлѣ, въ шу минушу, какъ подѣвхаль мой дѣдъ, двое шакихъ долгоногихъ покровишелей, какъ пара привидѣній, прогуливались по кровлѣ. И повѣрили ли, эши молодцы по сю пору еще со-

хранили домъ на ногахъ : если вы когда поѣдете черезъ Брюгге, то найдете его точно въ томъ же положеніи ; только нынче сдѣлана изъ него пивоварня , гдѣ дѣлають крѣпкое Фламандское пиво — по крайней мѣрѣ такъ было въ то время , когда я проѣзжалъ черезъ Брюгге послѣ сраженія при Ваперлоо.

Дѣдъ мой , подѣвжая къ шинку , смотрѣлъ на него очень приспально. Можешь быть онъ и не обратилъ бы на него такого вниманія , если бы надъ дверьми не было написано большими буквами :

Neer verkoopt man goeden Drank.

А сколько понималъ дѣдъ мой по Голландски, чтобы догадаться , что эта надпись обѣщаетъ хорошее пойло. „Вошь квартира для меня!“ сказалъ онъ , и остановилъ у двери своего рыжака.

Внезапное шумное появленіе драгуна было важнымъ событіемъ для сарага шинка , обыкновенно посѣщаемого только мирными сынами торговли. Богатый Антверпенскій мѣщанинъ , дородный , крѣпкій мужичина , въ шляпѣ съ широкими полями , кошорый , послѣ аисповъ , былъ главнымъ покровителемъ этого пищевой заведенія , сидѣлъ по одну сторону двери и курилъ изъ длинной , новой шрубки ; маленькій , жирный винокуръ изъ Шидама сидѣлъ , также съ шрубкою во рту ,

по другую сторону; красноносый хозяинъ стоялъ по срединѣ двери, чопорная хозяйка въ кружевномъ чепчикѣ съ нимъ рядомъ; а хозяйская дочка, плоская, здоровая дѣвка, съ длинными, золотыми серьгами въ ушахъ, подѣлъ у окошка.

„Гмъ!“ пробормотала богатый Антверпенскій мѣщанинъ, кинувъ косый взглядъ на пріѣзжаго.

„Duysel!“ сказалъ въ полголоса маленькій, шолешенькій винокуръ изъ Шидама.

Хозяинъ, не хуже какого нибудь шаможеннаго досмопрщика, съ перваго взгляда замѣнилъ, что новопривзжій совсѣмъ не по вкусу спарыхъ его госпей, и правду скажутъ, ему и самому не очень понравился смѣлый взглядъ моего дѣдушки. А пошому онъ покачалъ головою. „Ни одного уголка въ цѣломъ домѣ. Все занято!“

„Все занято!“ повторила хозяйка.

„Все занято!“ пропищала дочка.

Антверпенскій мѣщанинъ и Шидамскій винокуръ продолжали пускаишь дымъ изъ своихъ шрубокъ, искоса поглядывали на непріятеля, но не говорили ни слова.

Дѣдъ мой, какъ я сказала, былъ парень не промахъ: онъ него не такъ-то легко было опдѣлаться. Онъ опустилъ уздечку на гриву своего рыжака, гордо поднялъ голо-

ву вверхъ, поднерся одною рукою подъ бокъ и прокричалъ громовымъ голосомъ: „чоршь меня возьми; а я непременно хочу здѣсь переночевать!“ — Говоря это, дѣдушка, чтобы придать словамъ своимъ еще болѣе выразительности, ударилъ себя крѣпко по бедрѣ, и этою ударъ ошозвался въ сердцѣ хозяйки.

За исполненіемъ дѣло не спало: дѣдъ соскочилъ съ рыжака, и мимо изумленныхъ Мингеровъ, вошелъ въ шинокъ.

Можетъ быть, вы бывали когда нибудь въ общей комнатѣ стараго Нидерландскаго шракипера; если нѣтъ, то представьте себѣ довольно порядочный покой съ кирпичнымъ поломъ и большимъ каминомъ, изъ гладкихъ изразцовъ; надъ нимъ далеко выдавшійся выступъ съ цѣлымъ легиономъ разбитыхъ чайниковъ и глиняныхъ кружекъ, успавленныхъ рядкомъ для парада; прибавьте къ тому съ полдюжины большихъ Дельфтскихъ блюдь, развѣшанныхъ, вмѣсто картинъ, по стѣнамъ, и въ одномъ углу маленькую загородку, за кошорою сидитъ плошная дѣвка въ красномъ казико чепчикѣ, съ желтыми серьгами въ ушахъ.

Дѣдъ мой щелкнулъ пальцами, какъ осморъвался кругомъ въ комнатѣ. „Клянусь

честью, какъ нельзя лучше!“ воскликнулъ онъ: „вошь домъ, какого я искалъ!“

Гарнизонъ хоплъ, кажется, принимашь мѣры къ дальнѣйшему сопроивленію; но дѣдъ мой былъ старый солдакъ, и къ тому же Ирландецъ: мудрено было скоро выжшъ его, въ особенносши, когда находился онъ уже внутрн крѣпосши. Сей часъ принялся онъ за все своимъ манеромъ: улыбнулся хозяину, обошелся какъ нельзя ласковѣе съ хозяйкою, пожалъ руку дочкѣ, попрепалъ за подбородокъ дѣвку — и всѣ единогласно признались, что спрахъ было бы грѣшно и спыдно заспавишь шакого храбраго драгуна ночевашь на улицѣ. Послѣ шого дѣдъ вошелъ въ переговоры съ хозяйкою, и дѣло было слажено: ему назначили одну шарую свѣшелку, въ кошорую ужъ нѣсколько лѣшъ никто не входилъ.

„Иные думашь, что шамъ водяшся домовые“ — шепнула ему хозяйская дочь: — „но шакой храбрый драгунъ какъ вы, вѣрно не боишся духовъ.“

— „Духовъ? Плевашь на нихъ!“ опвѣчалъ дѣдушка, и ущипнулъ ее за щеку. — „Если жъ имъ угодно будешь ко мнѣ пожаловашь, милосши просимъ: я самъ въ свое время былъ въ Красномъ морѣ, и умѣю масперски съ ними ладить. За меня не бойся, душенька!“

Тутъ шепнулъ онъ ей что-то на ушко, что она по неволѣ засмѣялась и ударила его легонько по щекѣ. Однимъ словомъ, никто въ свѣтѣ не умѣлъ шакъ ладишь съ женщинами, какъ мой дѣдушка.

Прошло немного времени, и онъ, по своему обычаю, былъ уже полнымъ хозяиномъ въ домѣ. Вездѣ распоряжался самъ: заглядывалъ въ кухню, какъ гоповишся ужинъ, въ конюшню, естъ ли кормъ у лошадей; коротче, у него было дѣло со всѣми, и съ каждымъ нашель онъ о чемъ поговорить. Съ Нидерландцемъ онъ курилъ, съ Голландцемъ пилъ, хозяина шрепаль по плечу, съ дочерью и дѣвкой шушиць — ну вѣрно, съ шѣхъ поръ, какъ споишь эпошь шракширь, въ немъ еще не было шакого весельчака. Хозяинъ сморпѣлъ на него съ удивленіемъ, дочка опшврачивала голову и смѣялась, какъ онъ подходилъ къ ней, а когда, прогуливаясь по комнашѣ, бренчалъ онъ шпорами и спучалъ ляжелымъ своимъ палашемъ, по всѣ женщины въ домѣ заглядывались на него, и шепшали между собою: „по-шо молодець!“

За ужиномъ дѣдъ мой командовалъ цѣлымъ споломъ, совершенно какъ дома; заботился о каждомъ, но не забывалъ и себя; говорилъ со всѣми, не смонря на шо, понималъ ли ихъ или нѣшъ; и съ богатымъ Аншвер-

кежскимъ мѣщаниномъ, который во всю жизнь, никого еще не удостоивалъ своею довѣренностью, сдѣлался закадычнымъ другомъ. Коротче, цѣлый домъ оборотилъ онъ вверхъ дномъ, и поднялъ въ немъ такой шумъ, что спѣшны прещали. Всѣ за столомъ были веселы; только сначала маленькій, полстенькій Шидамскій винокуръ сидѣлъ долго, молча, совершенно упомленный; за то послѣ, какъ началъ, то ужъ не было умолку. Онъ особенно полюбилъ дѣда, подсѣлъ къ нему поближе, и вдвоемъ начали они пить, курить, рассказывать другъ другу разныя исторіи, пѣть Голландскія и Ирландскія пѣсни, не понимая другъ друга ни крошки, до тѣхъ поръ, пока маленькій Голландецъ отъ своей собственной водки такъ опуманился, что его на силу на вельку могли уложить въ ностель.

Дѣда тоже отвели въ назначенную для него спальню. Ему надобно было взобраться на самый верхъ по широкой, деревянной лѣстницѣ, пройши длинныя корридоры, гдѣ развѣшены были почернѣвшія картины съ изображеніемъ рыбъ, плодовъ, дичины, огромныхъ кухонь и важныхъ бургомиспровъ — какъ и теперь еще видны такія картины надъ старомодными Нидерландскими шракцирами

яко наконецъ добрель онъ до своей комна-
ны.

Эшо была совершенно старинная свѣ-
шелка, набитая всякаго рода хламомъ. Она
служила какъ бы кладовою для всего домаш-
няго скарба, пришедшаго уже въ ветхость
или устарѣваго; шуда снесена была всякая
инвалидная мебель, негодная больше къ упо-
требленію, и тамъ предана, кажется, на
вѣчное забвеніе, или, лучше сказать, эшо
былъ сборъ всякой старой мебели, гдѣ вся-
кой сорня и всякая земля имѣла своего пред-
ставителя. Не было пары спульевъ, схо-
жихъ между собою. Тутъ можно было най-
ти высокія спинки и низенькія спинки, ко-
жаныя подушки и шерстяныя подушки, со-
ломой переплетенные стулья и ничѣмъ не
переплетенные, деревянныя спюлы и разби-
тые ираморныя съ преузорочно выпеченны-
ми ножками, копорыя держали въ лапахъ
шары, какъ бы сей часъ готовились играть
въ кегли.

Дѣдъ мой, вошедши, ошвѣсилъ разнока-
либерному и разноцвѣтному собранію учпи-
вый поклонъ, раздѣся, поставилъ свѣчу
свою въ каминъ и попросилъ извиненія, что
обезпокоилъ шѣмъ старые заржавѣлые щип-
цы, копорыя въ почемкахъ въ одномъ углу
камина, казалось, увидались около угольной

лопаты, и шептали ей на ухо разный роман-
шическій вздоръ.

Всѣ прочіе госпи были уже въ это вре-
мя въ глубокомъ снѣ; надобно отдашь
честь, что Мингеры маспера спашь. Слу-
жанки и рабошницы, одна за другою, зѣвая,
ошправлялись въ свои каморки, и ни одна
женская головка не прилегла въ эту ночь на
подушку, не помысливъ о храбромъ драгунѣ.

Наконецъ и дѣдъ мой легъ въ свою по-
спель, и покрылся однимъ изъ пуховиковъ,
подъ копорыми паряшъ людей въ Нидерлан-
дахъ. Такимъ образомъ лежалъ онъ, какъ сар-
дель между двумя слоями хлѣба и масла. У
него и безъ того была горячая кровь, а это
паренье еще пуще взволновало ее. Не долго
лежалъ онъ шакъ, и уже ему казалось, что
легіонъ мурашекъ ползаетъ у него по кожѣ,
и кровь его кипѣла, какъ въ сильной горячкѣ.
Но онъ лежалъ спокойно, пока все въ домѣ
ушихло, и шолько слышно было изъ разныхъ
комнатъ храпѣнье Мингеровъ, копорые пе-
рекликались другъ съ другомъ на различныхъ
ладахъ и шакшахъ, какъ лягушки въ боло-
тѣ. И чѣмъ спокойнѣе спановилось въ домѣ,
тѣмъ безпокойнѣе спановился мой дѣдушка.
Ему дѣлалось часъ ошъ часу жарче и жарче,
пока наконецъ пришло совершенно не въ
мочь. „Чоршъ возьми! Здѣсь никакъ нельзя

оставаться долѣе!“ вскричалъ онъ, вскочилъ съ постели и бросился вонъ изъ дому.

„Эпо зачѣмъ?“ прервалъ вопрошатель.

— „Ну, разумѣется, чшобы нѣсколько освѣжиться, — или можешь бышь поискать себѣ ночлега попокойнѣ, или можешь бышь — впрочемъ онъ никогда не рассказывалъ мнѣ этого подробнѣе, такъ и мы не станемъ терять время въ пустыхъ догадкахъ.

Пробывъ нѣсколько времени внѣ своей комнаты, дѣдъ возвращался шуда уже совершенно проспывшимъ, какъ подходя къ двери, слышалъ внушри спранный шумъ. Ему казалось, какъ будто бы кто нибудь, спрадая одышкою, пробовалъ напѣватьъпѣсню. Теперь пришло ему въ голову, что въ этой комнатѣ, какъ сказала хозяйская дочь, водяся домовые. Но какъ онъ духамъ не вѣрилъ, шо опворилъ легонько дверь и вошелъ безспрашно.

Ну, господа, что онъ шумъ увидѣлъ, такъ признаюсь, хошь бы кого напугало. Представъте себѣ: у каминаго огня сидѣлъ какой-то блѣдный, щедушный мужчинка въ длинной фланелевой фуфайкѣ и изодранномъ бѣломъ колнакѣ съ кисточкою вверху, подъ рукой у него былъ раздувальнй мѣхъ, на кошоромъ онъ, какъ на волюнкѣ, наигрывалъ шу удушливую музыку, кошорая сначала такъ поразила моего дѣда. Играя, кривлялся

онъ и коверкался, какъ бы въ судорогахъ; голова его переваливалась то на ту, то на другую сторону; за нею качался колпакъ и пошрякивалась кисточка.

Дядь все еще считалъ это весьма неучливою навязчивостію со стороны маленькаго мужинки, и шолько что хотѣлъ спросить незванаго гостя, кто далъ ему право располагаться съ своимъ духовымъ инструментомъ въ чужой комнатѣ, какъ вдругъ новый предметъ поразилъ его. На противоположномъ концѣ комнаты, спояли старыя кресла, съ высокою спинкою, кривыми ножками, обитыя кожей, а по краямъ, почно какъ сапоги у нынѣшнихъ франзовъ, маленькими мѣдными гвоздиками — вдругъ пришли они въ движеніе: сперва протянули одну ногу, потомъ кривую ручку, и напоследокъ со всею пріятностію и ловкостію подскочили къ маленькому спульчику, обитому испершимся шшофомъ, съ дырою вмѣсто подушки, и какъ нельзя прелестнѣе начали съ нимъ танцовать менуэтъ по комнатѣ.

Музыкантъ игралъ крѣпче и крѣпче, и припомъ качалъ головою и колпакомъ часъ отъ часу больше и больше. Мало по малу охота прыгать сообщилась и всѣмъ прочимъ мебели. Нѣсколько спульевъ вспали въ рядъ парами и пустились опхваивать кон-

Ирландецъ; одни креслы о трехъ ногахъ танцовали экосезъ, хотя недоспашокъ четвертой ноги и очень женировали ихъ; а влюбленные каминные щипцы подхватили угольную лопатку подъ мышки, и пошли кружиться въ вальсъ по комнатамъ. Однимъ словомъ все, что только было въ свѣпелкѣ, пришло въ движеніе и пируэтировало на право и на лѣво, вкось и впрямь, сломя голову; только одна пламенная вѣшалка стояла прижавшись въ уголку, и какъ смиренная вдовушка присядая подъ музыку, при каждомъ тактѣ дѣлала книксенъ, не пускаясь въ танцы съ прочими, отъ того ли, что не шакъ-шо была легка на подъемъ, или можеть быть и отъ того, что не нашлось для нее кавалера.

Дядь мой, считая, что вѣрно недоспашеть ей послѣдняго, сей часъ бросился какъ наступоцій Ирландецъ, всегда готовый услужить прекрасному полу и всегда готовый поплясать, закричалъ музыканшу, чтобы она заиграла Ирландскій національный танецъ, подскочилъ къ вѣшалкѣ, схватилъ ее за обѣ развилки, и только что хотѣлъ начать, какъ — брръ, брръ — все пошло къ чоршу. Стулья, столы, щипцы и лопаты спали опять спокойно на прежнихъ мѣстахъ своихъ, какъ ни въ чемъ не бывали, а музыканша пропала въ каменную шрубѣ,

ославя въ поспѣшности и раздувальнѣй мѣхъ. Дѣдъ очутился посерединѣ комнаты на полу, въшалка кашалась передъ нимъ взадъ и впередъ, а ея опломанные ручки осшались у него въ рукахъ.

„Ну, и все это видѣлъ онъ во снѣ!“ прервалъ вопрошатель.

— „Во снѣ!“ — возразилъ Ирландецъ: — „Ничего въ свѣшѣ не было шакъ на яву, какъ это. Ну, желалъ бы я посмопръшѣ на молодца, которѣй бы сказалъ моему дѣду, что онъ видѣлъ это во снѣ.“

Впрочемъ, господа, какъ не безызвѣстно, что плашная въшалка, мебель довольно увѣсисная, а дѣдъ мой былъ паренъ не изъ самыхъ легкихъ, шо вы можете себѣ предспа-вишь, каковъ долженъ бышъ шумъ, когда оба они покапились на полъ. Къ тому же спарья хоромы пошли шакимъ ходенемъ, какъ бы земля подъ ними перевернулась. Весь гарнизонъ взбѣленился. Хозяинъ, которѣй спалъ въ низу, бросился на верхъ со свѣчою, что-бы посмопръшѣ, что шамъ за тревога; однако жъ, какъ онъ ни шоропился, дочка его прибѣжала шуда еще раньше. За нимъ явилась хозяйка, а слѣдомъ за ней и всѣ прочія женщины въ домѣ, накинувъ на себя поскорѣ что шолько попалось въ руки: всѣмъ

хотѣлось знать, что за кушеръму спростъ домовые въ комнашѣ храбраго драгуна.

Дѣдъ мой рассказалъ имъ видѣнное, и опломаннныя ручки плашняой вѣшалки подтверждали истину его сказа. Пропивъ шакихъ очевидныхъ доказательствъ нельзя было спорить, въ особенностяхи съ человекомъ, каковъ былъ мой дѣдушка, пошому что всякое слово гошовъ онъ былъ доказать палашемъ или палкой. Хозяйка почесала себя замышлокъ — правда, нѣтъ, она этого не сдѣлала; только очень нахмурила брови и, кажется, была вовсе недовольна случившимся; а хозяйская дочка подтвердила возможность шакого приключенія, припомя, что въ послѣдній разъ жилъ въ этой комнашѣ одинъ фигляръ, копорый и умеръ въ шанцовальномъ припадкѣ (*), а пошому, вѣроятно, заразилъ шѣмъ же и всѣ мебели.

Эшимъ объяснилось все дѣло; прочія дѣвки также подтвердили слова хозяйской дочери: и онѣ давно уже замѣчали, что въ этой комнашѣ несмирно, и должны непременно водиться домовые; въ пошь гошовой были онѣ

(*) Въ древнія времена извѣстна была болѣзнь, копорую Нѣмцы называютъ St. Veits-Tanz: одержимые ею получали сильныя конвульсии, и отъ шогокакъ бы безпрестанно плясали. Пер.

каешься своею честнѣю: можно ли же было сомнѣваться?”

„И дѣдушка вашъ опять легъ спать въ этой комнашкѣ?“ спросилъ извѣстнѣйшій гость.

— „Гдѣ! этого я не могу уже вамъ сказать. — Гдѣ провелъ онъ послѣднюю часть ночи, это была тайна, которой онъ никогда не открывалъ.“

„Не былъ ли онъ дунашникъ? Не замѣчали ли въ немъ этого и прежде?“ спросилъ многоученный спарикъ.

— „Никогда не слыхалъ.“ —

Послѣ этой сумасбродной Ирландской исторіи всѣ замолчали. Наконецъ спарикъ съ раскраснѣннымъ лицомъ замѣтилъ, что всѣ, до сихъ поръ рассказанные, случаи имѣли болѣе комическое направленіе: „я же“ — продолжалъ онъ — „вспомнилъ шеперь одно приключеніе, которое слышалъ въ бытность свою въ Парижѣ, и котораго справедливости могу засвидѣтельствовать: оно весьма серьезно, и не менѣе удивительно.“

„Приключенія Нѣмецкаго студента.

Въ смутныя времена Французской революціи, молодой Нѣмецкій студентъ, въ бурную ночь, возвращался домой по одной изъ древнѣйшихъ улицъ Парижа. Молнія сверкала и сильныя удары грома раздавались въ

узкихъ улицахъ, между высокими домами. — Но напередъ долженъ я рассказать вамъ что нибудь и о самомъ студентѣ.

Готтеридъ Вольгангъ былъ молодой человѣкъ изъ хорошаго дома. Нѣсколько времени посѣщалъ онъ Гейтшингенскій Университетъ; но какъ и безъ того былъ меланхолическаго, удобовоспалимаго характера, то скоро пошерялся въ опьяченныхъ, умозрительныхъ наукахъ, которыми не одного уже Нѣмецкаго студента сбивали съ настоящаго пути. Онъ такъ предался фантастическимъ изслѣдованіямъ о духовныхъ явленіяхъ, что наконецъ, какъ Сведенборгъ, сошворилъ вокругъ себя свой собственный, идеальный міръ. Такимъ образомъ; Богъ знаетъ ошъ чего, вообразилось ему, что онъ родился подъ вліяніемъ неблагопріятствующихъ созвздій, и что одинъ злой геній или духъ снаишся оуничашть и погубить его. Мысль эта до такой ещелени укоренилась въ немъ, что вышла сама неприяшная послѣдствія на его меланхолическій темпераментъ. Онъ сдѣлался мраченъ и робокъ. Друзья его замѣтивши наконецъ снѣдающую его болѣзнь, и по общему совѣщаніи признали, что лучшимъ средствомъ для его исцѣленія будетъ перемѣна мѣста. Въ семъ намѣреніи отправили его въ

*

блестящій и шумный Парижъ , окончить шамь свое образованіе.

Вольфгангъ прибылъ шуда въ самомъ началъ революціи. Сперва увлекся онъ энтузіасмическимъ духомъ народнаго сумасшешвія, и сдѣлался ревностнымъ приверженцемъ политическихъ и философическихъ теорій шогдашняго времени. Но скоро послѣдовавшія за шѣмъ кровавыя сцены привели его въ претпешъ : онъ вознегодовалъ на общество и свѣшъ, и ошдалился онъ него еще болѣе прежняго. Заключась въ уединенной комнашкѣ въ Лашинскомъ кваршалѣ — частши города, гдѣ жили спуденшы — недалеко отъ монастырскихъ спѣнь Сорбонны , предался онъ снова своимъ любимымъ умозрѣніямъ. Часно проводилъ онъ часы свои и въ большихъ Парижскихъ библіотекахъ, въ эпихъ кашакомбахъ умершихъ Писателей, и искалъ шамь; въ громадахъ успарѣвшихъ и запыленныхъ швореній, пици для уполенія изнуриваго его голода.

Хотя Вольфгангъ живъ шихо и уединенно; но былъ пламеннаго характера, кошорый шолько нѣкошорое время дѣйствовалъ единшвенно на его воображеніе. Будучи слишкомъ робокъ и незнакомъ съ свѣшомъ , не имѣлъ онъ почти никакаго обращенія съ женщинами; при всемъ шомъ былъ спрасшный

почишатель женской красоты: въ своей уединенной комнашкѣ, часто предавался онъ мечпаніямъ о лицахъ, копорыя видѣлъ, и его воображеніе рисовало ему прелестныя идеалы, далеко превосходящіе существенность.

Между тѣмъ, какъ духъ его находился въ такомъ необыкновенномъ, раздраженномъ состояніи, увидѣлъ онъ сонъ, копорый имѣлъ чрезвычайное дѣйствіе. Ему привидѣлось женское лице необыкновенной красоты. Впечатлѣніе, какое оно произвело надъ нимъ, было такъ сильно, что онъ безпрестанно мечталъ объ немъ. Днемъ предсавлялось оно его мыслямъ; ночью олицетворялось въ мечшахъ его; короче, онъ спрасно влюбился въ эптошъ призракъ его воображенія. И эпто продолжалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ мысль о томъ сдѣлалась одною изъ тѣхъ постоянныхъ идей, копорыя совершенно наполняютъ собою всѣ внутреннія способности людей, склонныхъ къ меланхоліи, и копорыя часто походятъ на сумасшествіе.

Таково было погдашнее расположеніе Готфрида Вольфганга. И, какъ я сказала, возвращался онъ въ одну бурную ночь домой, по темнымъ улицамъ Марэ, древнѣйшей части Парижа. Сильные громовые удары съ шрескомъ разсыпались около высокихъ домовъ узкихъ улицъ. Такъ добрался онъ до

Гревской площади, гдѣ въ то время совершались публичныя казни. Часныя молніи свисали въ зубцахъ епарой рапуши, и освѣщали открытое мѣсто передъ лею. Проходя черезъ него, и увидя себя вблизи гильотины, Вольгангъ зашрепетадь. Въ то время это страшное орудіе смерти спускало всегда въ гошовности, и съ поносною его безпреставно лилась кровь людей добродѣтельныхъ и благородныхъ. Еще въ тоиць день нѣсколько жершвъ пали подъ роковою его синалю, и теперь, посреди спокойнаго, уснаеннаго города, ожидало оно новой для себя пиши.

Сердце Вольганга содрогнулось; онъ хотѣлъ только ошадернушься отъ этого ужаснаго орудія убійства, какъ вдругъ у подножія его, увидѣлъ что-то похожее на человека; казалось, что-то спускало на колѣняхъ на самой нижней ступени, ведущей къ кровавому помоску. Молнія, блеснувъ нѣсколько разъ одна за другою, еще явственнѣе ошадчила предметы. Это была женщина въ черномъ наашѣ. Она сидѣла на послѣдней ступени, скланивъ голову впередъ и закрывъ лице своею одеждою: ея длинныя, распущенныя волосы висѣли по плечамъ, и сильный дождь капалъ по нимъ ручьемъ на землю. Вольгангъ остановился. Это живое подобіе печали лило въ себя что-то необыкновенное.

Казалось, что женщина принадлежала не къ низшему классу народа. Конечно, онъ зналъ, что въ это время часто мѣнялись судьбы людей, и не одна прелестная, привыкшая покоиться на мягкомъ пуху, скидалась тогда безъ приспанища. Можешь быть несчастная, иль видная, была бѣдная сирота, которую ужасная сѣкира оставила сиротою въ мирѣ, и которая съ расщербаннымъ сердцемъ пришла оплакивать свои дочери на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ все, что имѣла она драгоценнаго въ свѣтѣ, было похищено у нея убійствомъ.

Онъ приблизился къ ней, и произнесъ нѣсколько утѣшительныхъ словъ. Несчастливая подняла голову, и бросила на него дикій взглядъ. Но какъ изобразить его изумленіе, когда онъ, при блескѣ молній, узналъ то самое лице, которое безпрестанно являлось ему въ мечтахъ его! Оно было блѣдно и исполнено отчаянія; но при всемъ томъ дерзновенно прелестно.

Сильныя чувствованія овладѣли душею Вольганга. Сначала сномъ онъ въ нерѣшительности, потомъ осмѣлился замѣтить ей, что она шла поздно ночью, въ ужасную бурю, скипаеиця одна, и вызвался проводить ея къ роднымъ. — Она значительнo указала на гильошину.

„На земль у меня нѣшь родныхъ!“ — оп-
вѣчала она.

— „По крайней мѣрѣ у васъ есть при-
станище?“

„Есть — въ могилѣ!“

Эти слова пошрясли сердце Вольфганга.

— „Если я, иносстранецъ“ — продолжалъ
онъ: — „могу сдѣлать вамъ предложеніе, не
оскорбляя васъ, по прошу счищать мое жи-
лище вѣрнымъ для васъ убѣжищемъ, меня
искреннимъ вашимъ другомъ. Я самъ совер-
шенно чуждъ здѣсь, не имѣю ни родныхъ, ни
знакомыхъ, и ежели жизнь моя можешь быти
для васъ полезна, располагайте мною: охо-
пно жертвую ею, чшобы избавить васъ отъ
скорби или нужды.“

Слова сіи были произнесены молодымъ
человѣкомъ съ такою шоржесшвенностью и
искренностью, что не могли не произвешти
желаемаго дѣйствія. Къ шому же его ино-
сшранный выговоръ склонялъ много въ его
пользу: онъ удосшовѣрялъ, чшо Вольфгангъ
не былъ изъ числа обыкновенныхъ Париж-
скихъ жишелей. И кшо не знаешь, чшо ж-
штинный энлузіазмъ владѣешь краснорѣчьемъ,
легко ошсшправляющимъ всѣ сомнѣнія? — Без-
пріюшная незнакомка. безъ опасенія ввѣрила
себя покровительству Нѣмца.

Онъ повелъ свою соупшницу черезъ Понъ-нефъ, мимо площади, на кошорой спояла прежде спашуя Генриха IV, низвергнушая чернью. Буря нѣсколькo ушихла, и громъ раздавался только въ опдаленности. Упомленный Парижъ наслаждался покоемъ. Эшошъ огромный вулканы челоуѣческихъ спрасшей предася на нѣсколькo часовъ усыпленію, чшобы къ началу слѣдующаго дня собрашь новыя силы. Молодой челоуѣкъ провель прелеспную незнакомку по древнимъ улицамъ такъ называемой Лапинской земли, мимо мрачныхъ спѣнь Сорбонны, къ большому дому, гдѣ было его жилище. Спаярая приврашница, опворившая ему двери, опшолбенѣла опъ изумленія, увидѣвъ — чего еще никогда не бывало — чшо задумчивый нелюдимъ, Вольфгангъ, пришелъ домой съ женщиною.

Войдя въ свою комнашу, Вольфгангъ въ первый еще разъ покраснѣлъ, увидѣвъ недосташокъ и бѣдность своей мебели. У него была одна только горница — старомодная зала — украшенная шяжекою рѣзбою и спранно убранная опшашками преждебывшей пышноспи: эшо было въ Люксанбургскомъ кварталѣ, принадлежавшемъ нѣкогда дворянспву. Книги и шешради, обыкновенные аппарашы спуденша, были разбросаны повсюду; кровашь его спояла въ нишѣ.

Когда принесли свѣчу и Вольгангъ могъ лучше разсмотрѣть незнакомку, онъ еще болѣе удивился ея красою. Лице ея было блѣдно, но имѣло очаровательную пріятность, которую еще болѣе возвышали густые, черные, какъ смола, волосы, въ безпорядкѣ раскиданные по плечамъ. Въ ея большихъ, огненныхъ глазахъ видно было какое-то особое выраженіе: они имѣли въ себѣ даже нѣчто дикое. Станъ ея — сколько дозволяло видѣть черное ея платье — былъ совершенно правиленъ. Все ея существо поражало душу, хотя она была одѣта какъ нѣдѣля проще. Одно, что только можно было принасть на ней за родъ украшенія, была широкая, черная лента вокругъ шеи съ бриллиантовымъ замкомъ. — Теперь только Вольгангъ началъ думать о томъ, чѣмъ ему дѣлать съ этимъ безпомощнымъ существомъ, такъ безусловно предавшимся его покровительству. Онъ хотѣлъ было оснавить ей свою команду, и искать для себя другаго мѣста; но ея предельно такъ оказали его, такъ очаровали всѣ его мысли и чувствованія, что онъ не могъ разсѣяться съ нею. Ея обращеніе было также очень странно, и почти непостижимо. Она не говорила уже болѣе о гдѣшнихъ. Горесть ея уменьшилась. Внимательность Вольганга приобрѣла ему

ей доверчивость, а пощона и сердце. Очевидно была она такая же мечтательница, какъ и онъ; а подобные характеры скоро понимаютъ другъ друга.

Увлеченный восторгомъ Вольгангъ признался ей въ своей спрасци. Онъ рассказалъ ей исторію необыкновеннаго сна своего, и открылъ, что гораздо прежде, нежели увидать ее, она уже владела его сердцемъ. Его рѣсказъ произвелъ надъ нею глубокое впечатлѣніе, и она равнымъ образомъ призналась, что чувствовала къ нему такое же непонятное влеченіе. Тогдашнее время отличалось смѣлыми правилами и смѣлымъ приведеніемъ ихъ въ исполненіе. Старинныя предразсудки и укоренившееся суевѣріе (или лучше сказать, утвержденныя пѣками мѣня, которыя буйнымъ мечтателямъ Французской революціи казались предразсудками и суевѣріемъ) исчезли. Надъ всѣмъ властвовала такъ называемая богиня разума. Такимъ образомъ наравнѣ съ нѣмъ, что ослабленный народъ починалъ вздоромъ прежняго времени, опкинуты были самыя обряды и обычаи, наблюдавшіеся при бракахъ, какъ изаинніа цѣпи для людей назвышенныхъ. Гражданскіе договоры вошли въ моду, и Вольгангъ, какъ ревностный теоретикъ, былъ также зара-

женъ либеральными понятіями погданнiаго несчастнаго времени.

„Зачѣмъ намъ разлучашься?“ сказала онъ: „сердца наши соединены. Въ глазахъ разума и чести мы уже нераздѣльны. Къ чему еще низкіе обряды, чшобы совокупить возвышенныя души?“

Незнакомка слушала его съ внушренимъ движеніемъ. Она, какъ видно, была уже напншана правилами той же школы своеволія и развраща.

„У себя нншь ни семейства, ни прнспанища“ — продолжалъ онъ: „пусть же буду я для себя всѣмъ, или лучше, пусть будемъ мы всѣмъ одинъ для другаго. Если нуженъ къ щому еще какой нибудь обрядъ, мы его выполнимъ. Вошь въ щомъ рука моя. Ощдаюсь щебъ навѣки.“

— „На вѣки?“ — спросила незнакомка шоржешвенно.

„На вѣки!“ повщорилъ Вольфгангъ.

Незнакомка схватила прощянущую къ ней руку, прощепшала: „если щакъ, я щвоя!“ и упала на грудь юноши.

На слѣдующее ущро Вольфгангъ оставилъ невѣщпу свою еще спящую, и ушелъ со двора очень рано, чшобы, при настоящей перемѣнѣ своего положенія, прнскать для себя удобнѣйщую кварщиру. — Возвращащся

домой, нашелъ онъ прекрасную гостью въ постель: голова ея свѣсилась; на ней лежала рука ея. Онъ началъ говорить; нѣвъ опвѣша. Вольфгангъ подошелъ ближе, чибѣ пережвнншь споль безпокойное для нея положеніе, взялъ ея руку — она была холодна, какъ ледъ, пульсъ не бился, лице покрыто смертною блѣдностію — короче — вто былъ бездушный трупъ.

Внѣ себя ошъ ужаса, Вольфгангъ взволновалъ цѣлый домъ. Всеобщее смященіе. Послали за полицією. Одинъ изъ ея чиновниковъ вошелъ въ комнапу, и опскочилъ назадъ, увидѣвъ мершвое шѣло.

„Боже мой!“ воскликнулъ онъ: „какимъ образомъ зашла сюда эта женщина?“

— „Развѣ вы ее знаете?“ — спросилъ Вольфгангъ.

„Знаю ли я ее?“ опвѣчалъ полицейскій чиновникъ. „Эту дѣвушку вчера гильопинировали!“

Онъ подошелъ ближе, снялъ черную лешу съ шеи трупна — и — голова покашилась по комнашѣ.

Вольфгангъ пришелъ въ бѣшенство. „Злой духъ, злой духъ овладѣлъ мною!“ вскричалъ онъ: „я пропалъ, пропалъ на вѣки!“

Сшарались успокоить его, однако жъ лщещно. Ужасная мысль, чшо злой духъ

ожидая снова эпоху шурпъ, въ намѣреніи заманишь его во-власть свою, не оставляя Вольфганга никогда. — Бѣшенство его увеличилось, и онъ умеръ въ домѣ сумасшедшихъ.“ —

Здѣсь старикъ съ околдованной головой кончилъ расказъ свой.

„И все это дѣйствительно случилось!“ спросилъ нашъ знакомецъ.

— „Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія!“ — отвѣчалъ первый. — „Я получалъ эту исторію изъ вѣрныхъ рукъ. Самъ студентъ мнѣ ее расказывалъ. Я видѣлъ его въ домѣ сумасшедшихъ въ Парижѣ.“

С. В-нѣ.

МУФТА СТАРУШКИ.

Историческій анекдотъ ().*

Лудовикъ Карль Французскій, послѣдній Дофинъ (**), съ прелестнымъ личикомъ соединялъ самыя привлекательныя свойства: пріятность обращенія и тихость нрава. Звукъ его голоса проникалъ въ глубину души: очаровательный взоръ его внушалъ чувства уваженія и почтенія. Коль скоро онъ обращалъ на кого прекрасные свои глаза, въ которыхъ, казалось, ошвѣчивались лазурь и благость небесъ, — того онъ безвозвратно покорялъ себѣ. Невозможно было насытиться

(*) Изъ новыхъ Повѣстей Буамъ, написанныхъ имъ по желанію Герцогини Беррійской, и недавно изданныхъ въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: *Contes, offerts aux Enfants de France* (Повѣсти, поднесенныя дѣтямъ Е. В. Герцогини Беррійской). Одинъ благонамѣренный книгопродавецъ хотѣлъ издать Русскій переводъ сихъ Повѣстей, съ Французскимъ подлинникомъ и 16 хорошо выгравированными картинками. Здѣсь предлагается сія Повѣсть, для образца занимательнаго содержанія прочихъ. Книга сія уже переводилась, и скоро посунуть въ печать.

(*) Сынъ Короля Лудовика XVI. *Прим. Русс. Пер.*

ся удивленіемъ и воздержашься ошь любви къ сему Королевскому дитяти, на кошорое, можно сказашь, природа съ удовольствіемъ излила всь дары свои.

Королева Марія Аншуанеша, его родительница, безпрестанно спаралась придашь своимъ наспавленіями еще болѣе цѣны симъ дарамъ природы; ибо пріяшность, красота и блескъ рожденія — ничшо безъ качествъ душевныхъ. Лудовикъ Карль съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, опличался умилвною привѣшливостію, а болѣе всего почшеніемъ своимъ къ дамамъ. И молодья и спарья, и непригожя и красавицы, и проспаго званія и знашной породы — всь имѣли право на его привѣшшвія, и на милую его учшивость.

Ему едва исполнилось чешыре года, какъ начали приучашь его къ шѣлеснымъ занятіямъ, дабы чрезъ шо развернушь природную его силу. Съ самага насшупленія весны, проводилъ онъ часъ ушра на шеррасѣ Версальскаго загороднаго дворца, прошивъ комнашь, въ кошорыхъ жилъ, и безпрестанно накладывалъ и кашалъ въ маленькой шелѣжкѣ груду песку, перевозя ее шакимъ образомъ на двадцашь пашь шаговъ разспоянія; какъ же скоро онъ оканчивалъ сію укрѣпляющую здорověе работу, шо получалъ ошь Королевы, своей родительницы, обшцанную награду.

То былъ: иногда дорогая игрушка, которую онъ сильно желалъ имѣть, иногда пара маленькихъ бѣлыхъ кроликовъ, которыхъ онъ чрезвычайно любилъ; иногда же нѣсколько золотыхъ монетъ, кои онъ съ удовольствіемъ раздавалъ старымъ инвалиднымъ солдатамъ, которыхъ часто останавливались смотрѣвъ на него, облокотясь на сѣвчашую желѣзную рѣшетку, какою была окружена терраса.

Ничто не могло быть такъ любопытно и занимательно для наблюдателя нравовъ, какъ видъ младенца - Наслѣдника Престола, съ лопашкою въ рукъ, исправлявшаго ремесло простого поденщика, узнающаго по себѣ всѣ шруды и упомленіе, которыхъ шерпящъ сія бѣдные работники, равно какъ шу благосклонность и уваженіе, коими къ нимъ обязаны люди высокой породы. Всѣмъ казалось, что видящъ Генриха IV въ дѣтствѣ, исправляющаго полевая работы на горахъ Беарискихъ. Въ одинъ день Лудовикъ Карль, окончивъ заданную ему работу, опдыхалъ въ маленькой палаткѣ, которую раскинулъ для него среди террасы, и скромно сядя на своей телѣжкѣ, спирадъ плашкою потъ, текшій по его лицу. Нѣкоторая пожилая дама, коей наружность показывала честное, но недоспашочное состояніе, оперлихъ на

перегородку, вмѣстѣ со многими другими, удивлялась Вѣнценосному дышати, кошорое, извѣдывая силы свои, гошовилось бышь челоуѣкомъ. Она вынула изъ кармана маленькую серебряную шабакерку самаго шариннаго покроя, и нюхая шабакъ по старой своей привычкѣ, уронила за перегородку большую муфшу изъ алаго бархашу, какія назывались тогда *Пети-Жераръ*. Муфша была вешха и поношена: молишвенникъ, кошорый, часто клала въ нее добрая шарушка, когда ходила молишья въ церковь, мѣстами протеръ въ ней желшую апласную подкладку. Пошоря конечно была бы не велика; но *старые* люди сильно бываютъ привязаны къ *старымъ* своимъ вещамъ. Вошь наша шарушка и начала досшавать свою муфшу, упавшую на песокъ; но напрасно нагибалась она черезъ перегородку, пропягивала длинную, сухую свою руку: она почти на фушь не доходила до муфшы. Юный Дофинъ примѣшилъ ея усилія и замѣшашельство; вмигъ онъ покинулъ свои игрушки, засшупъ, лопашку и любезную свою шельжку, вмигъ подхвашилъ запачканную муфшу, бережно опрхнулъ съ нее пылъ и подалъ шарушкѣ, сказавъ: „зачѣмъ вы меня не позвали, сударыня? „напрасно вы сполько шрудились.“— „Какъ, „Ваше Высочество!“ ошвѣчала она съ удивле-

ніемъ, съ изумленіемъ и низкимъ поклономъ: „можноли, чшобъ вы сами. . . Вы были „шолько милосшивы!...“ — „Вѣдь вы дама!“ сказалъ ей Лудовикъ Карль. Съ сими словами онъ подошелъ какъ можно ближе, и хошѣлъ ей подашь муфшочку съ шакимъ восхищительнымъ проспосердечіемъ, чшо добрая спарушка не думала уже о своей муфшѣ: ее занимало шолько сіе ангельское личико, сія удивительная вѣжливосшь въ шпольнѣжныхъ лѣшахъ. Наконецъ она взяла спарую свою муфшочку, и дала себѣ слово во всю жизнь сохранишь ее. О, какъ бы она была счастлива, если бѣ могла поцѣловашъ прекрасную ручку, ее подававшую! Полные слезѣ глаза ея надолго ошановились на Дофинѣ, и слѣдовали еще за нимъ съ выраженіемъ благодарности, когда онъ пошелъ въ комнашы. Сей занимательный случай, пересказанный мнѣ одною изъ моихъ родшвенницъ, кошорая по счастью была пришомъ лично, казался самымъ простымъ Лудовику Карлу, и скоро вылетѣлъ изъ его памяти, какъ запахъ цвѣшка, разносимый зефиромъ. Но онъ былъ замѣченъ Марією Аншунешою, кошорая чашто съ своего балкона наблюдала, чшобы сынъ ея не упомился сверхъ силъ своихъ. Она почувшвовала все неизьяснимое удовольшвіе матери - наспавницы, видящей свои

*

добротытели укореняющимися въ сердцахъ дѣшей ея. Лудовикъ Карль являлъ себя достойнымъ крови, отъ которой произошелъ: онъ готовился быть добрымъ, привѣтливымъ, вѣжливымъ и благотворительнымъ; готовился быть человекомъ, сострадательнымъ къ бѣдствіямъ себя подобныхъ. О! какая сладостная надежда для Королевы, для мапери! какая лестная награда за ея нѣжныя попеченія! Она не хотѣла первая похвалить своего сына за то, что онъ сдѣлалъ; а онъ, видя въ этомъ дѣлѣ просто исполненіе своего долга, самъ позабылъ сказать о томъ Королевы; и сія милая скромность еще болѣе сдѣлала его достойнымъ ожидавшей его награды.

На другой день поутру, Лудовикъ Карль, проснувшись, увидѣлъ на одномъ изъ мебели своей комнаты, муфточку изъ алаго бархату, подбитую желтымъ атласомъ, и совершенно сходную съ муфтою старой дамы. Онъ поспѣшно вскочилъ съ постели, и засунувъ руку въ муфточку, нашелъ въ ней конфекционную коробочку черепаховую, оправленную въ золотъ и наполненную шоколадными лепешечками, которыя онъ очень любилъ; кромѣ того, прекрасную куклу, гаера, которая отворяла ротъ, поводила глазами, и посредствомъ пружины, дѣлала самыя смѣшныя шлодвиженія, самыя забавныя прыжки. На

слѣдующій день молодому Принцу показалося, что муфта, которую онъ положилъ на столъ подлѣ своей кровати, какъ будто двигалась. Онъ протянулъ къ ней руку, и выпанилъ изъ подъ нее маленькаго бѣлаго крелюка съ розовыми глазами и съ серебрянымъ ожерельемъ, на кошоромъ было написано: „я принадлежу Дофиню.“ Чрезъ несколько дней, онъ нашелъ въ шой же муфточкѣ очень ручную бѣлку, кошорая, съ быспрошною молніею, вскакивала къ нему на руки, на плеча и на голову, и вдругъ почномъ прыпалась къ нему подъ распегнутый камзольчикъ. Спустия еще короткое время, и все чрезъ посредство шой же муфточки, получилъ онъ маленькаго попугая, который очень ясно выговаривалъ: „Лудовикъ Карль уважаетъ дамь. . . . Благослови его, Боже!“ Пуслъ, двухъ чижиковъ, изъ которыхъ одинъ поминушно твердилъ: „Цѣлуй, цѣлуй, милый Дофинь!“ а пуще всего скворца, кошорый наевипывалъ любимую Французскую пѣсню о Генрихъ IV.

О, какъ элпощь счастливыи тааисманъ сдѣлался дорокъ юному Принцу! сколько разъ онъ самъ себя благодарилъ за то, что подиялъ муфту шарунки! ибо онъ не сомнѣвался, чтообы все имъ полученное, не было приношеніемъ благодарности. И въ самомъ

дѣлъ, нѣсколько мѣсяцевъ сряду, всякое его желаніе было въ скороспѣ исполняемо; и когда, взявъ на руки удивительную муфту, онъ, смѣясь, говорилъ ей: „Милая муфточка! мнѣ „бы хотѣлось игрушекъ и конфектовъ, чшобъ „раздавать дѣтямъ, кошорыя мнѣ встрѣтятся!... Милая муфточка! мнѣ бы надобно бы- „до нѣсколько серебряныхъ денегъ, чшобъ „одѣвать бѣдныхъ людей, кошорые ко мнѣ „подходятъ!“ — шо на другое жъ упрое желанія его были исполнены. Тотчасъ онъ прибѣгалъ въ объятія достойной своей родительницы, изъясняя ей свою радость, и спрашивалъ: „какой благошворный духъ до- „спавлялъ ему такимъ образомъ въ муф- „точкѣ все, чего бъ онъ ни пожелалъ?“ — „Эшо „очень легко понять;“ цѣлуя его опвѣчала Королева: „Сшарая дама повсюду рассказала „швой вѣжливый съ нею посшупокъ; и всѣ „женщины, всякаго званія и возраста, сш- „раются наперерывъ тебѣ доказывать свою „благодарность и удовольствіе. Помни, сынъ „мой, чшо учшивость болѣе всего доста- „вляетъ намъ друзей, и чшо нѣтъ шакого „сшасшя, кошораго бъ не получалъ себѣ въ „награду юный Принцъ, услужливый къ да- „мамъ, и посшавляющій себѣ за долгъ ихъ „защищать и всѣмъ имъ оказывать почше-

„ніе.... Не забывай никогда мушты спаруш-
„киной!“

II.

К Р И Т И К А

РАЗБОРЪ ПОЭМЫ КНЯЗЯ ШИХМАТОВА: ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

У насъ естѣ Поэшь съ дарованіемъ не-
обыкновеннымъ, который (не упоминаю уже
о другихъ его, иштинно прекрасныхъ шрудахъ)
подарилъ насъ двумя лирическими Эпопеями,
изъ коихъ одна должна назваться *единствен-*
ною по сю пору на языкѣ Русскомъ; а другая,
менѣ совершенна, однако же изобилуетъ ве-
ликими красошами. Пятнадцать уже лѣтъ,
какъ лунная изъ нихъ напечатана, но поны-
нѣ никто не вздумалъ ошдашь ей должную
справедливосшь, между шѣмъ, какъ во всѣхъ
періодическихъ изданіяхъ гремяшь похвалы
посредшвеннымъ и дурнымъ переводчи-
камъ и подражателямъ иносшранныхъ про-
изведеній. Не сомнѣваюсь, послѣ всего здѣсь
мною ушверждаемаго, всякій ошчизнолюби-
вый чинашель съ нешерпѣніемъ спросишь
меня: „кто пошь, о комъ говоришь? дай

средство взвѣснить, оцѣнить свои обвиненія — и, если они справедливы, вѣрь, что съ охотой отрекусь отъ предубѣжденій, кошорыя можешь быть, самъ имѣлъ прошивъ него: какъ не порадовашься, если узнаю человека съ дарованіемъ?" И такъ безъ дальнихъ предисловіій, объявлю, что говорю о Князь Сергѣ Александровичѣ Шихматовѣ, написавшемъ Поэму: Петръ Великій. — Если бы имѣя я началъ выставляяшь одинъ красота Автора, коего лучшую Поэму хочу разобрать здѣсь; безъ сомнѣнія, могла бы мой разборъ названъ одностороннимъ, но напрасно бы обвинили меня въ пристрастіи: ибо, умалчивая о недостаткахъ, не говорю, чтобы ихъ не было, а предоставляю зоркимъ глазамъ другихъ Критиковъ найти ихъ: но Кн. Шихматовъ Лицатель, коего творенія могушь выдерживать строгую критику: посему буду говорить, какъ о достоинствахъ, такъ и о недостаткахъ его.

Князь Шихматовъ воспѣваетъ всю жизнь Преобразователя Россіи, съ возшествія на Престолъ до самой кончины Его. Защитники правилъ Французской Поэтики осудятъ самое таковое предпріятіе — „ибо,“ скажутъ они — „Гомеръ передалъ намъ одинъ только годъ войны Троиской; Виргилій,

Тассъ, Камонсъ, Вольтеръ, даже Мильтонъ и Клопштокъ ограничились почти шѣмъ же временемъ! Эпопея должна имѣть свое единство; каждая должна славить не болѣе одного великаго *міроваго* событія.“ — Но Шекспиръ въ своей драматической Эпопее, превосходящей всѣ произведенія Гомеровыхъ подражателей и едва ли уступающей Илиадѣ, въ швореніи, начинающемся съ Ричарда II и заключающемся смертію Ричарда III, обнялъ цѣлыхъ два вѣка; но Фердоуси въ своей Книгѣ царствъ (Ша-Наме) представляешь намъ тысячелѣтія, — и единство, не смотря на то, ими сохранено! Шекспиръ воскрешаетъ предъ нашими двяцями взорами грозную борьбу домовъ Ленкеспра и Йорка, пресупленія враждующихъ и вѣковую казнь ихъ, кровавое ихъ искупленіе ужаснымъ Глосперомъ, испребителемъ и побѣжденныхъ и побѣдителей; наконецъ, съ его паденіемъ, умилоспиваніе Эмменды, бичевавшей Англію и примиреніе *розъ алой и бѣлой* (*), сочелавшихся въ особѣ Генриха VII, котораго не участвовалъ въ злодѣянствѣхъ кровныхъ своихъ. Подобнымъ обра-

(*) Йоркскій домъ выбралъ себѣ гербомъ *бѣлую*, а Ленкесперской *алую* розу. Генрихъ VII происходилъ отъ обоихъ домовъ.

зомъ, но по огромнѣйшему еще предначертанію, Фердоуси поешъ роковую брань Ирана и Турана (*) и конечное сліяніе ихъ въ племени Русмидовъ. Посему, прошивославляя примѣрамъ примѣры, генію и послѣдовавшимъ оному шааншамъ другихъ самоспопешельныхъ геніевъ, видимъ, что правило, ограничивающее временное поприще Эпопеи годомъ, столь же произвольно, сколь произвольно и поверхностно другое извѣстное правило, опредѣляющее прагическому событію, для развитія и совершенія, не болѣе однихъ сушокъ. Изъ сего сѣдуешь, что и Князь Шихматовъ, славя преобразование Россіи, для коей нужна, необходима была *вся* жизнь Петра Великаго, въ своей Поэмѣ соблюлъ эпическое единство, но только въ высшемъ, не школьномъ значеніи сего слова. — Мы бы желали оправдать его и въ опскупленіи опъ обыкновеннаго (*рассказнаго*) способа изложенія избраннаго имъ происшествія: но въ эпичомъ встрѣчаемъ болѣе шрудносшей. — Онъ употребилъ способъ эпико-лирической, копорый можешъ бытъ двоякій: во 1^{хъ}, присвоенный Испанскимъ Романсомъ, Англійскою Балладою и нѣкопорыми Поэмами Байрона, способъ, принимающій время минувшее за на-

(*) Персіянь и Турокъ.

стоящее, и говорящій о событіяхъ въ отношеніи къ *чувствамъ* Поэша, присуществующаго душою при ихъ поспешномъ появленіи, поражаемаго ими, такъ скажемъ, въ то самое мгновеніе, когда вѣщаетъ объ нихъ; во 2^{мъ}, вспрѣчающійся намъ въ Греческихъ гимнахъ, въ коихъ время минувшее остаешся минувшимъ, а событія и съ ними чувства Поэша, излагающся во славу главнаго лица, для возбужденія къ нему въ внимающемъ народѣ благодарности, удивленія, благоговѣнія. Оба сіи способа представляють большія невыгоды въ повѣствованіяхъ сложныхъ и продолжительныхъ: въ 1^{мъ} случаѣ Поэтъ самъ, сердцемъ и воображеніемъ, соображаетъ, содѣйствуетъ своему герою и пѣмъ лишаешся спокойствія, безспрастія, которое пребудешся для яснаго изложенія подробностей; во 2^{мъ}, онъ сверхъ того, долженъ предположитъ необыкновенную, *неустоящую* силу души и участія въ своихъ слушателяхъ: но кто обыкновенный читатель выдержитъ гимнъ въ чешыре тысячъ стиховъ? — Поэма же Князя Шихматова не что иное. Онъ свое лирико-эпическое швореніе создалъ по образцу не Иліады Гомеровою, а похвальныхъ Одъ Ломоносова.

Между пѣмъ, если примемъ въ разсужденіе, что уже и сія попышка, проложитъ но-

вую дорогу въ области Поэзіи, доказываешь смѣлую, мощную душу; что, можешь быть, во всей Россійской Словесности нѣтъ произведенія, которое бы представляло столько *отдѣльныхъ* красотъ, что всѣ лучшія Оды Ломоносова, большая часть превосходныхъ Одь Державина, всѣ Трагедіи Озерова, лучшія лирическія, элегическія, эпико-лирическія созданія Жуковскаго, наконецъ всѣ (по сию пору) Поэмы Пушкина прекрасны, подобно Поэмѣ Шихматова, только по частямъ, по подробностямъ, по стихамъ и строфамъ, а почти всегда ошибочны по изобрѣженію и въ цѣломъ не выдержаны: — если, говорю, примемъ въ разсужденіе, что, не смотря на таковыя недостатки, общіе всѣмъ почти лучшимъ произведеніямъ Русской Поэтической Словесности, упомянутыя творенія у насъ по справедливости пользуются доброю славою: нельзя не согласиться, что несправедливо бы было Поэмѣ Князя Шихматова отказать въ равномъ съ ними вниманіи.

И такъ намъ остается единственно доказать, что Петръ Великій, лирическое твореніе нашего Поэта, дѣйствительно изобилуетъ первостепенными красотами, если и не изобрѣженія, по крайней мѣрѣ слога, но не того, что у насъ нѣкоторая извѣ-

стная школа обыкновенно называется сло-
гомъ. Сія школа ограничиваетъ область сло-
га одними словами и грамматическими обо-
родами; хорошимъ же слогомъ честнѣе она
всякій составленный изъ небольшого коли-
чества извѣстныхъ ея послѣдовательныхъ
словъ и оборотовъ *новѣйшихъ*, не рѣдко да-
же прошивныхъ духу того языка, которыми
писали Ломоносовъ, Косцовъ, Державинъ;
честнѣе его хорошимъ, какъ бы впрочемъ
онъ ни былъ вялъ и безсиленъ. Мы напрошивъ,
въ Поэзіи слогъ назовемъ тогда только хоро-
шимъ, когда онъ будетъ ознаменованъ истин-
нымъ вдохновеніемъ, и по сему самому мощенъ,
живописенъ, разительенъ; а въ краснорѣчїи,
когда будетъ истинно увлекающенъ; что
же касается до словъ, употребляемыхъ Пи-
сателями, мы не станемъ различать, новыя
ли они или древнія, гражданскія ли или цер-
ковныя, но въ точности ли выражаютъ
мысль Автора и употреблены ли ксташи:
въ сихъ послѣднихъ двухъ достоинствахъ, а
не въ другомъ чемъ, полагаемъ мы грамма-
тическую чистоту всякаго слога. Не упо-
требляешь въ Одѣ, въ Поэмѣ, въ высокой ли-
рической или даже описательной Поэзіи Сла-
вянскихъ выраженій, считаемъ споль же
страннымъ, какъ употребляешь оныя въ Ко-
медїи, въ легкомъ посланїи, въ пѣсняхъ или

въ прозаической по содержанію и духу повѣ-
спи, хотя бы она и была въ стихахъ и да-
же писана лирическими спрѳами. Если же
кпо изъ нашихъ судей Парнасскихъ подвер-
гнешь опалѣ неизвѣстное ему слово, упо-
требленное Писателемъ, пріобрѣтшимъ дол-
говременными трудами и изысканіями глу-
бокія познанія въ языкѣ опщественномъ;
мы со всею возможною скромностію и въж-
ливостію посовѣтуемъ сему опважному за-
конодателью, сперва поучись Русской
грамотѣ, а потомъ уже судись, рясись,
разсуждай, какъ и о чемъ угодно (*). Но
возвратимся къ нашему Поэпу.

Жизнь Петра всѣмъ Русскимъ извѣстна,
или по крайней мѣрѣ должна быть всѣмъ из-
вѣстна: Князь Шихмашовъ строго слѣдовалъ
въ своемъ пѣснопѣніи хронологическому по-

(*) Въ наше время, замѣтимъ мимоходомъ, въ
наше время, когда намъ безпрестанно приво-
дятъ въ примѣръ и образецъ Нѣмцевъ, мудроно,
что никто изъ Русскихъ ихъ послѣдователей
не обратилъ вниманія на ходъ ихъ Словесности.
Она была безсильна, вяла, водяна, безвкусна подѣ
перомъ Писателей, чуждавшихся обвещшалаго
слога Опица, Люпера, Миннезенгеровъ, а возму-
жала, приняла образъ самобытный, открылилась,
когда Гердеръ, Гете, Шиллеръ, Тикъ снова вос-
кресли языкъ праѣдовъ своихъ.

рядку оной; но на нѣкошорыхъ частяхъ, болѣе поѣшическихъ, оспанавливался долѣе. Таковы, безъ сомнѣнія, борьбы Петра съ внушрѣнными и внѣшними злодѣями Россіи; Поэшь въ изображеніи ихъ блестяшь всею возможною живоспію огня, вдохновенія, ужаса. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Въ первой пѣсни Спрѣлецкѣй бунтѣ:

Средь мира возшумѣлъ громъ рашный,
 По спогнамъ вопль и спонъ и брѣкъ:
 Кипишь мяшежь — и скопъ разврашный
 Въ чершоги Царскіе прониць.
 Спрѣльгы, снѣдаясь злобы ядомъ,
 Ругаюшь свяшосшь олшарей;
 По храминамъ своихъ Царей,
 Какъ волки алчны рыцушь спадомъ;
 Ошь буйшва наглыя шолпы,
 Невинны предъ людьми и Богомъ,
 По смершь недвижны въ долгъ спрогомъ,
 Падушь ошечешва шолпы.

.

Злодѣи, хищноспью влекомы,
 Москву разбоемъ полняшь вдругъ;
 Разграбивъ шоржища и дома,
 Терзаюшь вѣрныхъ Царшву слугъ:
 Гордяшся плескомъ низкой лешпи,
 Хвалою шашей и винопѣцъ;
 Играюшь копія убійцъ
 Живыми жершвами ихъ месши.
 Прельщенна блестями вѣнца

Душа снмъ полчищамъ желзнымъ ,
 Софія, обомъ зришь безслезнымъ
 Вѣды Россіянъ безъ конца.

Трикрапы ноцъ завѣсой черной
 Скрывала зрѣлица злодѣйствъ ;
 Но не смирялся бунтъ злосердной,
 И спрахъ выпалъ среди семействъ.
 Проливъ собрашій кровь рѣкою,
 Умаливъ градъ своей алчбой,
 Губишели, хвалясь собой,
 Склонились наконецъ къ покою.
 Умолкла злоба во врагахъ ,
 Достигнувъ силы безпредельной.
 Такъ океанъ, по бурѣ зальной,
 Недвижимъ дремлетъ въ берегахъ.

Женъ надменной, хищной, льспивой,
 Вѣтряюшь власиъ свою Спрѣльцы ;
 Составивъ праздникъ печесливой,
 Рабы Царямъ даюшь вѣнцы ;
 И руки, полны крови чистой ,
 Какъ бы ругаясь Божествомъ ,
 Подъемаюшь къ небу съ шоржествомъ :
 Согреждаюшь сполтъ кремнишой,
 Безсмертннй подвиговъ ихъ видъ ;
 Сшрадалъцевъ избіенныхъ ими,
 Злословящъ кляпвами своими,
 И рѣжушь на мѣди свой спыдъ.

Здѣсь, для незанимающихся чтеніемъ
 древнихъ книгъ, замѣнимъ, что слово *скопъ*
 може, что *скопище*, но короче, сильнѣе и
 выразительнѣе; а *зльный*, отъ слова: *зло*,
 очень, може что, великій. Распространяшся

же о достоинствахъ сего опрывка не считаемъ нужнымъ: онъ довольно краснорѣчиво говоритъ самъ за себя безприспрасшному чинашелю; а приспрасшнаго не убѣждаетъ никакія доказательства. Замѣшимъ только чешыре сшиха, на кошорыхъ опдыхаель воображеніе, пораженное грозною карпиною междоусобіа :

Умолкла злоба во врагахъ,
Доспигнувъ силы безпредѣльной;
Такъ океанъ, по буръ зѣльной,
Недвижимъ дремлеть въ берегахъ.

Далѣе, въ 1 же пѣсни, походъ на Азовъ :

На брань сыны полнощи сильны
Несутся дружно, какъ валы.

Спѣшаютъ по манію Петрову,
Какъ быстрые орлы легки,
Несутъ спасеніе Азову
Ошь шяжкой варваровъ руки.
Спремяшся, Вѣрою согрѣши,
Поправъ луну, возвышишь Крещъ;
Весь мракъ съ весеннихъ оныхъ мѣсць,
Разрушивъ шаршара навѣшы,
Разгнашь Божешвеннымъ лучемъ :
Агарянь гордыхъ, дерзновенныхъ,
Коваршвомъ, злобой вдохновенныхъ,
Карашъ перуномъ и мечемъ. —

Предъ ними Петръ, и вождь и воинъ,
Первѣйшій въ бѣдшвахъ и шрудахъ,
Сердцами обладашь достоинъ,
Лешилъ — и силой на водахъ,

Еще младенческой, незрѣлой,
 Разишь пропивныхъ крѣпкій флосъ,
 Надежду града и оплошь;
 И въ лаврахъ сей победы смѣлой,
 Для Россовъ первой искони,
 Течешь на шьмы враговъ сліянныхъ,
 Презоршвомъ (*), звѣршвомъ обуянныхъ,
 На спрѣлы, осшрїя, огни. —

Невѣрны, не спертѣвъ удара
 Россійскихъ мшипельныхъ десницъ,
 Спрашилища Земнаго шара,
 Подобно шаду робкихъ пшицъ
 Тѣсняшя, скопяще несчетно,
 Укрышя въ швердосши оградъ,
 Но шамъ напрасно ждушъ ошрадъ;
 Ошъ Россовъ застѣняшя шщешно!
 Пронзаешъ праведный ихъ гнѣвъ
 Ошъ скалъ сложенныя громады,
 Какъ пламя, попадаешъ грады . . .

.
 Онъ рекъ — взвились бранны громы,
 Рыкаюшъ въ дебряхъ и въ горахъ,
 Твердыши, капища и дома
 Ошъ молній сыплюшя во прахъ:
 Дымишя пеплъ на мѣшъ зданій,
 По спогнамъ спрахъ и огонь и мгла,
 На градъ погибель налегла,
 Трясешя онъ ошъ основаній,
 И распадается вокругъ;
 Межъ пламенныхъ его обломковъ,

(*) *Презорство* шже, что пренебреженіе къ кому, над-
 менность.

Снѣдая въ праощцахъ попомковъ,
Гнѣздишся гладь

Разяшь — и спѣны разгромленны
Повергнися къ Его ногамъ.

Противники, склоняя выи,
Покоршвомъ ищущъ шишины;

Рога надменные луны

Понибли предъ орломъ Россіи:

Въ ея Азовъ пошекли

Часы блаженства и побоя;

Се первый шагъ ПЕТРА героя ,

Предвѣшникъ сильного земли!

Въ 3 и 4 пѣснѣ , брань со Швеціею ;

Поэшь олицетворяешь войну :

Грядешь исчадіе подземной

И страхъ шворенія всего !

Чело скрываешь въ шучь шемной

И буря шесшвіе его ,

Одежда — мглы и мраки ноци;

Дыханье — яда полный дымъ ;

.

.

И свѣшь спезямъ его, пожары ,

.

И вся земля, спавъ мѣшпомъ лобнымъ ,

Взываетъ съ шрепешомъ: „война!“

Мы выпустили нѣкоторыя излишества изъ сего изображенія; но, не смотря на шо, оно конечно не чеша нашимъ моднымъ оли-

цешвореніямъ, нерѣдко поражающимъ насъ
волшебною помощію одной прописной бук-
вы !!.....

Ошъ дѣбихъ спранъ, зимъ подвласныхъ,
Плодоносящихъ камни, льды,
Пріяшсшвамъ жизни непрічасныхъ,
На Россовъ двинулись бѣды.
Вандалы, Гошны кровоядны,

.
Воскресли въ правнукахъ своихъ;
Такъ съ воплемъ снаи врановъ хищныхъ

.
Лешашъ ошъ скаль своихъ безпищныхъ
На поле сышное бишвы.

Ошдавая на жершву кришикъ обласшное
Смоленское удареніе *битва* вмѣсто *битва*,
замѣшимъ превосходное сравненіе непріаше-
лей Россіи съ вранами.

Но.

Уже свѣшаешъ день Самсоновъ,
День спрашный сѣвернымъ Царямъ,
День скорби, ужасовъ и шпоновъ!
Лешся ушро по горамъ
Лучемъ мерцающимъ, багровымъ.
Содрогнулись и швердь и долъ,
Предчувшвиемъ грядущихъ золь,
И смершныхъ жребіемъ суровымъ.
На грозы скорыя бишвы,
На двухъ вошпелей полночи,
Европа ушверждаешъ очи,
И всѣ вѣнчаннныя главы.

Съ двухъ шранъ, какъ шучи громомешны,
 Какъ двѣ желѣзныя спѣны,
 Тѣсняшя шпрои неисчешны! —

И Петръ, усшавивъ Россовъ къ бою,
 Да видришь швердосшь въ ихъ сердца,
 Къ спощамъ всещедраго Творца,
 Прицалъ съ шеплѣйшею мольбою,

Молишва Царя Героя исполнена превосходныхъ стиховъ и высокоаго вдохновенія; съ шрудомъ ошказываемъ себѣ въ наслажденіи выписашъ ее; но мы приведемъ еще другую Его молишву, и сверхъ шого испинно боимся переписаниъ боольшую часть всей Повмы. Пошомъ Петръ:

Всю рашъ, ошъ края и до края,
 Бодрись присущшвиемъ Своимъ,
 И взоромъ храбрыхъ озаряя,
 По сердцу ихъ вѣщашъ имъ:
 Друзья, сподвижники Петровы,
 Россіи кровные сыны,
 Щишы ея прошивъ войны,
 Перуны на враговъ громовы!
 Приспѣлъ судьбы Россіи часъ;
 Она, шрепещущая пѣвна,
 Прибѣгла подъ сіи знамена,
 И ждешъ спасенія ошъ васъ.

Враги надменные гордыней
 Терзашъ Россію пришекли,

Ругашся нашею святыней
Взяшь память нашу ошъ земли.

.
.
.
.
.

За цѣлосць Вѣры и ошчизны
Пойдемъ, сразимся — съ нами Богъ !

На семь превосходномъ спихъ, по нашему
мнѣнью, Позшу должно было осшановишься;
въ помъ, что сѣдуешъ конечно много пре-
краснаго, напрымѣрь :

Ошцы взывають къ вамъ о месши,
И мучениковъ сихъ мольбы,
Сихъ жершвъ посшудныя измѣны,
Какъ швердыя, высоки спшны,
Предъ нами сшанушь въ часъ борьбы!

Или:

Не разъ уже сии *колоссы* (Шведы)
Предъ вами падали во прахъ?
Падушъ и днесъ: вы шѣ же Россы!

.

Или:

Здѣсь ляжемъ мы косьми,
И освяшимъ свои могилы !

Но и въ Поззи необходима умѣренность,
необходимо умѣнне ограничить себя, пожер-
швовашъ цѣлому подробносшями даже прекра-
сными, осшановишься во время. Князь Ших-
машовъ не всегда обладаетъ симъ искусствомъ;

однако же, да не подумаютъ нѣкоторые наши Спихошворители, что ихъ скудость предпочитаю такому излишеству: излишество — хотя порокъ, но порокъ, если позволено сказать, прекрасный; исправишь его легко — однимъ почеркомъ пера; а чѣмъ исправишь совершенную, неисцѣльную бѣдность воображенія, чувствъ и мыслей? ? —

Петръ умоляетъ :

Но сонмы рашоборны

Еще, еще вперяютъ слухъ!

И —
 . . . Опчизны рокъ суровый

Возникъ предъ мысленный ихъ взоръ: —

Явились Вышняго жилища

Добычи вражескихъ огней,

Или ешюлица коней,

Или сыновъ своихъ кладбища,

Гдѣ жершвъ шамисшвенныхъ жрецы

Легашъ кровавы, сами жершвы;

Поля, дубравы, холмы мершвы,

На нивахъ шерны и волчцы. —

Клубящійся волнами пламень,

Свѣдающъ Россю жизнь и шрудъ,

Младенцы ринушы о камень

И дѣвы преданы на шудъ;

И Гошы, гордые успѣхомъ,

Смошря на слезный, страшный видъ,

Своихъ ругашельшвъ и обидъ,

Казалось, разливались смѣхомъ.

Сей видъ, безшрешныхъ пошрясь,

И жаромъ храбросши спокрашной
 Возжегъ ихъ грудь на подвигъ рашной.

.

Третія пѣснь пригшвила насъ къ зрѣли-
 шу, если не величайшаго, по крайней мѣрѣ
 блистательнѣйшаго подвига Петра, къ зрѣ-
 лицу Полшавской бишвы; Поэтъ гошовиш-
 ся къ выпреннему полешу; — онъ воскли-
 цаешъ :

Гдѣ, гдѣ возьму я гласы громны,
 Воспѣшь Полшавскаго Петра ?

Наше нешерпѣнне доведено до высочай-
 шей спепенн — и великолѣпная, превосход-
 ная чешвершая пѣснь вполнѣ удовлешво-
 ряешъ напряженному ожиданію нашему: она
 лучшая во всей Поэмѣ, лучшее, что Князь
 Шихмашовъ когда-либо создалъ; и, если бы
 все его швореніе было равною съ нею до-
 споинспва, онъ, скажемъ смѣло, оставилъ
 бы позади себя Ломоносова, занялъ бы ме-
 жду нами мѣсто не нисшее завоеваннаго въ
 другомъ родѣ Державинымъ, величайшимъ по-
 нынѣ Русскимъ Поэтомъ; но и шеперь она
 даешъ ему право на спепень очень близкую,
 къ занимаемой ими! Пущъ прочтешъ вся-
 кій испинный Русскій, любящій опечештво
 и славу опечештва, хошя сію чешвершую
 пѣснь съ начала до конца, и разсудишъ насъ
 съ шѣми, на кошорыхъ душою негодуемъ за

ихъ ослѣпленіе, за упорство, съ коимъ отказывающъ одному изъ могущественнѣйшихъ нашихъ Поэтовъ въ удивленіи, въ справедливости, — кто бы повѣрилъ? — въ самомъ чтеніи !! Не выпишу изъ ней ни одного опривка: я бы долженъ былъ переписать ее съ перваго до послѣдняго стиха; не говорю также, чтобы въ ней не было пятеиъ: но можно ли вспомнить о пятеиъ сихъ; можно ли, читая сію четвершую пѣснь, не увлечься неослабнымъ, съ спрофы на спрофу возрастающимъ воспоргомъ Поэма? — Признаюсь и охотно признаюсь, — я не въ силахъ выскивать грубый звукъ, — обвешшало слово, непочное выраженіе, слабый стихъ тамъ, гдѣ вижу и слышу Поэма и Поэма истиннаго; и пусть, если угодно, смѣются надо мною насмѣшники: эпа невозможность служишь мнѣ порукою, что и во мнѣ какая-то искра огня поэтического:

Μένει τὸ θεῖον δούλια παρὸν φρενὶ !

Кн. Шихмашовъ умѣлъ придашь каждой своей бшшвѣ нѣчто новое: и шакъ его воображеніе не шолько сильно, оно не лишено и богашства, качесшва довольно рѣдкаго даже между Поэтами съ дарованіемъ ! Впрочемъ онъ достоинъ похвалы не въ однихъ изображеніяхъ ужасовъ войны: въ описаніяхъ природы онъ свѣшель, силенъ, новъ и шочень.

Привесень примѣры онымъ предоспав-
ляемъ себѣ въ слѣдующей книжкѣ Сына Опе-
чешва.

В. Кюхельбекеръ.

(Продолженіе будетъ.)

III.

ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА:

О ДУХЪ ПОЭЗИИ XIX ВѢКА.

(Изъ *Revue Encyclopédique*.)

Между шѣмъ, какъ успѣхи Наукъ и от-
крытія въ промышленности вперяюшъ въ
человѣка споль высокую мысль о его могу-
щесствѣ, и открываюшъ ему безграничное
поприще, кажешся, совершенно другая судьба
ожидаетъ свободныя Искусства: какъ будшо,
достигая до извѣстной степени совершен-
ства, они обречены на неизбѣжный упадокъ.
Неужели и мы пересступили сію роковую
границу? Вошъ вопросъ, шеперь намъ пред-
лежащій. Спрашивается: могушъ ли появишь-
ся еще гении въ Искусствахъ, общаетъ ли
нашъ вѣкъ высокіе таланты въ Поэзіи, въ
Живописи, въ Музыкѣ и ш. д. ?

Не даромъ сказано, что Поэзія устранилась глубокаго просвѣщенія. Эта безыскренность въ нравахъ, эти условныя формы, спускающія наши общества, эти шѣсныя приличія, подавляющія всякое живое ощущение, каждый порывъ души, губящія волю, и безъ того заперянную въ безчувственной шолпѣ — все это кажется несроднымъ съ Поэзіею. Чтобы почувствовать красоты Искусства, еще болѣе, чтобы ихъ произвести, надобно вдохновеніе, надобно энтузіазмъ: а кто больше врагъ энтузіазму, какъ не ложнопельный вкусъ, какъ не холодная расчелшлivosть нашего вѣка!

Спало бытъ, должно опчаться въ Поэзіи и въ Искусствахъ? Спало бытъ, должно оставишь ихъ безвозвратно, чтобы не снѣдать себя щещными усилиями надъ землею, опнынь бесплодною? Или неиспоцимо поле, опкрышое уму человѣческому, и въ Искусствахъ, какъ въ Наукахъ, въ области прекраснаго, равно какъ въ области истиннаго? И не почнѣ ли выразимся мы, сказавъ, что чувство прекраснаго не гибнетъ въ природѣ человѣка, что ни одна эпоха не лишена сего наслѣдства, и что наконецъ надобно только измѣнишь наружный характеръ и облечь его въ новыя виды? Сіи вопросы довольно занимательны для нашего шедереш-

няго и будущаго времени; они оправдывающъ изслѣдованія, кошорыми предполагаю я заняшь въ сей цѣли.

Дѣло состоишь не въ томъ, чшобы рѣшишь, появясь ли еще Поэмы — ихъ всегда будешь довольно, но въ томъ, будешь ли существовать духъ Поэзіи (особый поэтический гений), каковы его свойства, его отличія?

Никому не дано безчувствія при видѣ красоты вселенной. Въ насъ живетъ какое-то внутреннее побужденіе, спавящее насъ въ соотнесеніе съ зрѣлищами творенія. Природа говоритъ человѣку особымъ нарѣчіемъ — и онъ познаетъ въ ономъ шайное сродство со своими сердечными ощущеніями. Вездѣ лазурь небесъ была эмблемою числаго сердца, и волны бурнаго моря изображеніемъ души мятежной. Не заключаешь ли въ этой сокрытой связи нашего существа съ феноменами вселенной, какая-то природная Поэзія, кошорая доказываетъ и возснаноляетъ гармонію міра вещественнаго съ міромъ нравственнымъ? Сія-то способность отражаетъ, подобно вѣрному зеркалу, впечатлѣнія чувственного міра, и видѣшь въ нихъ символы спрасшей душевныхъ; находишь, для выраженія мыслей и чувствъ нашихъ, обороты самыя живые, карпины самыя прозрачныя —

есть *воображеніе*; оно цвѣвшишь и одушевляешь все, до чего ни коснешся, оно даетъ сущность понятіямъ самымъ опвлеченнымъ, чувствованіямъ самымъ шонкимъ.

Но Поэзія не вся въ картинахъ. Больше всего она живетъ спрасками и сильными движеніями; она должна говорить сердцу; иначе блистающая одежда ея оспанешся хладною и бездушною. Гомеръ не шолько показываешь глазамъ нашимъ златую цѣпь, связующую землю съ небомъ, и вѣсы, въ коихъ Юпистеръ взвѣшиваетъ судьбу народовъ — нѣтъ, онъ шрогаешь насъ и прощаніемъ Гекшора съ Андромахою, и мольбами шарца Приама. Испытываешь спраски, или по крайней мѣрѣ, предчувствовашъ ихъ, есть необходимое условіе для Поэша. Каждый спраскный человекъ имѣешь свои геніальныя мгновенія; почти каждому изъ насъ мелькнула эша молнія. Опдайшесь порыву, увлекающему вѣ вашу душу, и вы будете краснорѣчивы, вы будете истинно краснорѣчивы.

Но часшо случается, что способность описанія приходитъ гораздо послѣ впечатлѣнія. Если человекъ въ печеніе жизни, попеременно шо дѣятельной, шо созерцательной, опслуживъ игрушкою спрастей, все еще хранишь въ себѣ силу вызывашъ воспомина-

ніа, и снова оживляють ихъ — тогда грустныя впечатлѣнія перяютъ свою горечь, и тогда-то сія ощущенія обращаются въ Поэзію — какъ небесныя пары ниспадають росю.

Но, даръ облекають словомъ то, что ощущаемъ въ самихъ себѣ, очень рѣдокъ: немногому числу избранныхъ смертныхъ ниспослано находить выраженія, попрысающія душу. Впрочемъ, Поэзіа есть во всѣхъ людяхъ, способныхъ къ ощущеніямъ глубокимъ: недослаешь выраженія лишь непривычнымъ находить его. Поэтъ только развязываетъ тайное въ сердцѣ нашемъ чувствю; онъ сходитъ въ него искать собственныхъ нашихъ мыслей, дабы возвратитъ намъ ихъ живѣйшими и блистательнѣйшими. Онъ даетъ тѣло тому, что было въ насъ неясною, неопредѣленною мечтою.

Угадываетъ спроси, даже не ощущая спросей, есть достоиніе генія; зародитъ ихъ въ немъ самомъ. Высокое сочувствіе, открывающее одинокой душѣ тайны другихъ сердець, и эта плавность, переливающая наше бытіе въ бытіе другаго — суть первыя условія таланта. Творческій духъ выпадаетъ въ симпатической силѣ, которая угадываетъ чувствя, ощущительныя обыкновеннымъ людямъ только по опыту.

И такъ Поэтъ сотворенъ изъ дара чувствовашъ и искусства живописашъ : его владѣніе — сердце человѣка и вся природа. И такъ, изъясняется мнѣніе шѣхъ, кои различали два рода Поэзіи : одинъ созерцающій вѣшнюю природу, другой какъ опзывъ живыхъ ощущеній, пребующихъ разлишься вѣ. Мы видимъ въ наше время двѣ школы, копорыя въ свой чередъ занимали обѣ сіи половины поэпического свѣта.

Но неужели въ эпохѣ и вся Поэзія? Неужели пропустимъ мы одну изъ самыхъ важнѣйшихъ ея часшей? — Мы имѣемъ чудную способность заносишь за грань сущности, способность иногда религіозную, иногда суевѣрную, ибо она приемлешъ попеременно шешъ и другой видъ, эшу потребностъ вѣришь въ невидимый мѣръ, въ существа свержъеспешвенныя — чѣмъ мы объясняемъ худо знакомыя намъ явленія, эшу любовь къ чудесному, кошорая съ такою силою являешся въ молодости народовъ, какъ въ дѣшспивѣ людей, и кошорую просвѣщеніе возрасповъ образованности не всегда испребишь можешъ.

Одаренная властію творенія, она породила въ язычествѣ боговъ древней Миеологіи, олицетворила силы природы, одушевила звѣзды, и опдала источники и шѣнныше лѣса охранѣ добрыхъ геніевъ; она въ среднихъ

вѣкажъ, при владычествѣ суевѣрія, населила домовыми и феями башни и старые замки, приютивъ Феодализма, жилища Бароновъ, разсѣвавшихъ страхъ кругомъ себя; она же пустила по свѣшу всѣ зашѣйливыя выдумки, причуды и гаданья, споль крѣпко утвержденныхъ суевѣрїемъ въ повѣрьяхъ народныхъ.

И шакъ, если шѣсная связь сихъ шрехъ способностей объясняетъ намъ удивительныя явленїя поэпического паланша, то какїя свойства занимаетъ каждая изъ нихъ у разныхъ эпохъ времени, и въ особенности у вѣка изнеможенїя, опшичающаго дряхлѣющую Словесность нашу? Какїе роды соопвѣтствуютъ вкусу публики, и въ какихъ паланшахъ можешь еще надѣяться успѣховъ?

Съ перваго взгляда видно, что суевѣрная способность, соопвѣтственная потребности чудснаго, должна шерять прежде и болѣе друшхъ, должна первая успраниться ошъ успѣховъ просвѣщенїя. Чѣмъ менѣе человекъ просвѣщенъ, шѣмъ болѣе у ней власти; но по мѣрѣ, какъ познанїя наши спановяшся шочнѣе, сила сей неясной, сокровенной способности слабѣетъ. Все, что изслѣдовано, шеряетъ свою прелестъ, неразлучную съ самою его шемношою. Легкїя фантастическїя существа, населяющїя вселенную

исчезають при свѣшилникѣ Науки, какъ ночные призракы опъ лучей денницы.

Да и какого въроянiя, какого суеврiя ожидашь опъ вѣка, который все разобралъ, въ кошоромъ Химiя разложила вещества на ихъ шончайшiя начала, гдѣ ученые, снѣдаемые жаждою познанiй, взрываютъ идра земли, чшобы извлечь опшоль нужныя имъ измѣненiя ея сокровенносшей? Можешь ли ваше воображенiе увидѣшь Няду въ источникѣ, вертащемъ колесо мельницы, и кошорого объемъ измѣрять въ сполько-шо кубическихкихъ фушовъ? Какъ населить Дриадами и Сильванами рощи съ шѣрными проськами, и дерева, назначенныя для опшонки нашихъ залъ, или для досокъ сполярать?

Само воображенiе поражено испиномъ. Краски его блвднѣють, исчезаютъ; сравненiя, прискучившiя опъ частшаго упошребленiя, шеряють свою свѣжесшь, какъ денгг опъ оборота свой чекаль. Сношенiя чловѣка съ природою становятсѣ менѣ искренни, и съ каждымъ днемъ рѣдѣють. Удаленные опъ зрѣищъ вселенной, шѣснясь въ горизонтѣ городовъ, мы не вѣдаемъ, что такое величешвенносшь видовъ звѣзднато неба, моря, дебрей и селъ.

Чловѣкъ замѣняетъ сей вiзшнiй, шаверь чуждый для него мiръ, несобiями Искусства,

имъ соизобретенныхъ. Открытія Наукъ, изобрѣшенія Художествъ, выдумки промышленности поражаютъ совершенно новую семью, сравненій и иносказаній. Даже природныя сравненія возобновляются сравною хипротезисію. Весьма просто занимають сравненія наиболее изъ того, что къ намъ болѣе знакомо. А шакъ какъ въ наукѣ вѣкъ мы лучше всего знаемъ самихъ себя, то есть, свои чувства, свои страсти, свои мысли, то мы уже отъ себя обращаемъ къ природѣ, отъ сего-то, нѣмнѣшніе Поэты, чтобы *отнѣсти* старья приоброуаенія, обращаютъ ихъ частныя и сравниваютъ явленія физическаго міра съ ощущеніями душевными. Одна умная женщина, видя воды озера, обыкновенно свѣтлаго и тихаго, возмущенными бурей, говорила, что оно похоже на человека, измѣняющагося въ лицѣ отъ гнѣва. Англійскій Поэтъ приравниваетъ облака, повременно набѣгающія на луноу и снова ее открывающія, къ мечтамъ, смущающимъ сонъ преступника угрызеніями совѣсти и страхомъ.

Въ недавнемъ еще времени, люди, какъ видно ничего ненашедшіе въ самихъ себѣ, вздумали открытъ въ природѣ новый кладъ Поэзіи. Они схватились за предметныя наружныя, описали преточно ихъ примѣты и видъ — и вошь у насъ явилася родъ опи-

сателитный. Что сказать объ этомъ подобіи Поэзіи, объ этомъ безжизненномъ призракъ, гдѣ природа, сплошь подробно описанная, лишена лучшей своей прелести, которая идетъ опъ души? объ этомъ поддѣльномъ родѣ, исполненномъ еухосіи, гдѣ сочлишель на обдуманныхъ оспрошакъ палился въ Поэзіи, разрабошываетъ швореніе, вооружаетъ шолько даромъ литературнымъ, и раземашириваетъ цвѣшокъ, деревцо, пшичку, изъ одного удовольствія описашъ ихъ? Подобные Писатели могли бытъ въ ходу шолько въ эпоху нравственнаго безплодія и униженія. Можеть бытъ, мнѣ и доселѣ удивляюшся по старой памяти; но это вѣрно, что ихъ вовсе уже не читаюшъ.

За недоснашкомъ самовластія *воображенія и чудснаго*, все наки въ сердцѣ чедовѣческомъ ошашаетъ немощнымъ вкладъ страстей и чувствъ, причашныхъ его природѣ, неисчерпаемый источникъ красотъ, вѣчный предметъ пѣсеней поэшическихъ. Лукавъ Поэшъ не всегда вымысломъ, но и возвышенношціо чувшвованій и великошціо мыслей. Область нашихъ понашій и нашей нравственной природы дѣлаетъ тогда убашникомъ Поэзіи, Она вся шуда переносишся, открываетъ намъ невѣдомыя сокровища, и

*

богатую жилу, которую вѣки будутъ разра-
бывавать, и никогда не истощать.

Онъ сего-то происходить неопредѣлен-
ности и задумчивости, отличающія новую
школу.

Древніе, у коихъ жизнь совершенно пу-
бличная и веселая вѣра (*) увлекали чело-
вѣка вѣе его, имѣли Повзю, приуровненную
къ юности народовъ, которая не содержала
въ себѣ ничего глубокомысленнаго. Когда
Пиндаръ воспѣвалъ побѣднпелей на играхъ
Олимпійскихъ въ глазахъ всей Греціи, онъ
долженъ былъ прежде всего удовлетворить
чувства и воображенія, между тѣмъ какъ
усыпленный разумъ требовалъ только, что-
бы его несильно шлокали.

У нынѣшнихъ народовъ, отсутствовавіе пу-
бличной жизни, религія болѣе духовная и
душевная, бышіе, заключенное въ быту де-
лашлемъ, все что благоприятствуетъ въ че-
ловѣкѣ развитію познавательныхъ силъ, и
спремишся обратишъ его въ самого себя.
Разумъ выигрываетъ все, что потеряли
другія способности. Но искусство не имѣетъ
уже ничего сердечнаго: оно обязано всѣмъ
размышленію.

(*) Языческая вѣра, поддерживавшаяся чув-
ственностію и спрасшми.

Это стремление, свойственное устарѣвшимъ народамъ, у насъ приобрѣло еще болѣе силы особыми обстоятельствомъ. Въ наши дни, сильные перевороты опрокинули общество (*), открыли честолюбію всѣ дороги, сдѣлали воззваніе ко всѣмъ умамъ пылкимъ; попомъ вдругъ послѣ такого ужаснаго броженія, измѣнившаго столько существованій, и вперившаго всѣмъ потребностъ дѣятельности, люди видѣли себя двинутыми вспять и огражденными недвижимымъ поспѣновленіемъ новаго общественнаго порядка. Въ этомъ случаѣ обращеніе къ самому себѣ спало неизбежно. Въ этомъ случаѣ хотѣли опчеша ось жизни во всѣхъ ея обѣщахъ, во всѣхъ ея обманахъ. Кто же не замѣнитъ, какъ какое дѣйствіе должны произвестъ всѣ сіи чертѣны надъ Словесностію.

Что наиболее отличаетъ *мечтательную Поэзію*, принадлежащую эпохѣ нашей, что придаетъ ей совершенно особыя черты — такъ это ея *личность*, т. е. выраженіе личныхъ положеній и ощущеній Автора: если порой она и касается до другихъ предметовъ, то это съ соприкосновенной только къ нему стороны. Его твореніе есть ис-

(*) Это пишетъ Французъ, который долженъ живо чувствовать потрясенія, произведенныя въ его опечесствѣ несчастною революціею.

торія его сердца, его сомнѣній, его оправданій, его надеждъ. Слѣдственно теперь *Элемя* и *Философическія Посланія* могутъ бытъ обрабатываемы съ успѣхомъ.

(Окончаніе впрѣдъ.)

IV.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ДРУГІЯ НОВОСТИ.

*Первое изъ Писемъ къ Издателямъ изъ Москвы, отъ
Г. А. О. (*)*

„*Москва, Юля 6.* Въ нынѣшнемъ году издается въ нашей столицѣ десять періодическихкихъ изданій, а именно: 1. *Московскія Вѣ-*

(*) Просимъ извиненія у почтеннаго нашего Корреспондента, что его письма не были повѣнѣ помѣщены по мѣрѣ полученія оныхъ, и что нынѣ печатаюшя съ исключеніемъ всего, что ему угодно было сказать лестнаго на счетъ нашихъ трудовъ. Какъ ему неудобно подписываться поднаго своего имени, то похвалы могли бы показаться подозрительными, и во всякомъ

домости, начавшіяся въ 1756 году; выходящія два раза въ недѣлю, по Средамъ и Субботамъ, въ четвертку. Главный Редакторъ оныхъ Князь Шаликовъ. Газеты еи наполняются статьями, перепечатанными изъ *С. Петербургскихъ Сенатскихъ и Академическихъ Вѣдомостей, Русскаго Инвалида и Сѣверной Пчелы*, и сверхъ того разнаго рода объявленіями. Сія Газета издается уже 70 годъ, и уступаетъ въ старшинствѣ однимъ *С. Петербургскимъ Вѣдомостямъ*, изъ всѣхъ издаваемыхъ въ Россіи Журналовъ. — 2. *Историческій, Статистическій и Географическій Журналъ, или Современная Исторія Свѣта*, выходитъ еженедѣльно по одной книжкѣ съ 1790 года. Нынѣшній Издаватель сего Журнала, Г. Профессоръ Московскаго Университета Гавриловъ, наполняетъ книжки переводами изъ Гамбургскаго Политическаго Журнала, и статьями изъ *Сына Отечества, Сѣ-*

случаѣ онъ однако жъ неумѣстны въ собищенныя наши издаванія. Бываютъ случаи, что по неволѣ надобно говорить о своихъ прудахъ, когда васъ безъ основанія обвиняютъ. Но эти случаи, по счастью, рѣдки; къ тому же наша публика умѣетъ цѣнить каждого по достоинству: следовательно дѣла, а не слова должны служить оправданіемъ. *Изд.*

вернаго Артура, Русскаго Инвалида, Сѣверной Пчелы, С. Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостей, неизвѣстно по какому праву (*). Журналь сей, по причинѣ 36 лѣшняго существованія, заслуживаетъ вниманіе. 3. Вѣстникъ Европы, начатый въ 1802 году почтеннымъ Исторіографомъ нашимъ Н. М. Карамзинымъ, нынѣ издается М. Т. Каченовскимъ (**). 4. Правительствующаго Сената Московскихъ Департаментовъ Объявленія. 5. Собраніе состоявшихся Высочайшихъ Указоненій и проч. Сіи два изданія, печатаемыя въ Сенатской типографіи, выходятъ по Средамъ и Субботамъ въ четвершку. 6. Новый Магазинъ Естественной Исторіи, Физики и Химіи и сельдѣ-

(*) И намъ кажется, что Г. Издатель не имѣетъ на то никакого права. Напримѣръ, онъ почти цѣлкою перепечаталъ изданную мною книжку: *Воспоминанія объ Испаніи*, не удостоивъ ея критическаго разбора. Должно замѣнить, что изъ С. Петербургскихъ Журналовъ, кромѣ Русскаго Инвалида, ни одинъ не вмѣщаетъ въ себя перепечатокъ изъ другихъ Русскихъ Журналовъ.

Q. B.

(**) Пропускаемъ замѣчанія почтеннаго нашего Корреспондента, который оидаетъ преимуществу прежнему изданію, и недоволенъ нынѣшнимъ. Изд.

ній *Экономическихъ*, издается съ 1820 года: ежемѣсячно по одной книжкѣ Г. Профессоромъ Двигубскимъ. Сіе оплечное, полезное издание продолжается съ одинаковымъ пицаніемъ со стороны Издашеля уже шестой годъ. 7. *Русскій Вѣстникъ*, начашый въ 1808 году, конченный въ 1820, и возобновленный въ 1824 году С. Н. Глинкою. 8. *Земледѣльчскій Журналъ* выходитъ съ 1821 года, книжками въ каждую шреть года. Онъ издается *Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства*, и имѣеть много подписчиковъ: 1821 годъ онаго напечашавъ вторымъ писаніемъ. 9. *Дамскій Журналъ* возымѣлъ начало свое въ Мартѣ 1823 года. Хотя Издашеля онаго (Князь П. И. Шаликовъ) и объявлялъ въ объявленіи, послѣдовавъ примѣру многостранныхъ Издашелей модныхъ Журналовъ, но безпреспанно печашая отвергаемыя другими Журналистами хришки, сдѣлалъ свой Журналъ неслыханнымъ феноменомъ въ Словесности. Пошому-то и желаніе Издашеля, приохотить милыхъ нашихъ соотечественницъ къ Рускому слову, не имѣло успѣха, котораго и нельзя было ожидать отъ незанимашельныхъ, даже неумиленныхъ спашей. Благіе совѣщы да предохранятъ его отъ всего этого на будущее время! 10. *Московский Телеграфъ*, родился шодько въ нача-

дѣ нынѣшняго года, и успѣвъ уже поспорить съ старинными своими собратіями! Опчасти эпо можно приписать рѣшительнымъ приговорамъ Издашеля, Н. А. Полеваго, заслуживающаго впрочемъ благодарности за предпріятіе полезнаго изданія, которое часъ ошъ часу можешь улучшатъся. Известно, что спрацицы означаются для удобнѣйшаго пріискиванія спашей: пакъ почему въ иной книжкѣ Телеграфа бываетъ по при разныя означенія спрациць? Не лучше ли было бы не ошдѣлять ошъ книжекъ ни кришикъ, ни амшикришикъ, ни прибавленій. Модныя каршинки пакже нейдушъ къ ученому Журналу (*).

Съ 27 Іюня по 6 число Іюля, вышли у насъ между прочими новостями: 1) *Волшеб-*

(*) Въ эпомъ мы несогласны съ почтеннымъ Корреспондентомъ. *Во-первыхъ* мы не находимъ *умености* въ Московскомъ Телеграфѣ; *во-вторыхъ*, Издашель, прилагая каршинки, слѣдуетъ плану своего Журнала или программъ, которая зависшъ ошъ воли каждаго. Впрочемъ публика должна быть благодарна Г. Полевому за модныя каршинки, ибо Дамскій Журналь сообщаетъ моды гораздо позже, и каршинки его несравненно хуже. Не лучше ли было бы преимущественно заняшъ эпою часшью, и ошбросить полемику, которая не прилжна Дамскому Журналу? *Иде-*

ныя сказки, или приятное злнатиэ отъ ня-
 чего дьлатъ, соч. Перольпа, изъ кошорыхъ
 почерпнуты содержанія многихъ Оперъ и Ба-
 летовъ, представляемыхъ на Император-
 скихъ Театрахъ. Переведъ съ Французскаго
 Актера Императорскаго Московскаго Теа-
 тра Г. Барановъ. Съ каршиками. 2) Чет-
 вертое изданіе (*) книги: *Астрологъ дре-
 вній и новый, или Оракулъ гадательный*, 3
 части. 3) *Земледьльческая Химія*, соста-
 вленная М. Павловымъ (**). 4) *Карманный
 лекарственникъ*, пер. съ Франц. Г. Медвѣ-
 девымъ. 5. *О леченіи болъзней*. Сочиненіе
 И. Г. Шнейдера, переведъ съ Нѣмецкаго И.
 Зацциниъ и 6) *Отеческая строгость или
 Исторія Г. Вальмонта*, соч. Августа Ла-
 фоншена, 4 части.

Прошлага года, Г. де Кошелетъ полу-
 чилъ отъ Правительства на 10 лѣтъ при-
 виллегію, на изобрѣтенную имъ *ворсостри-
 гальную машину*. Недавно передалъ онъ сію
 привилегію Мануфактуръ - Совѣшнику Г.
 Гейшену, Директору учрежденной здѣсь *Учи-
 лищной суконной фабрики*, на кошорой мо-
 жно видѣть дѣйствіе сей полезной машины
 и, если угодно, заказать подобную же.

(*) Поздравляемъ! Изд.

(**) Разборъ прекрасной эпои книги помѣщенъ
 былъ въ NN 83 и 84 Сѣверной Пчелы. Изд.

Недавно получена здѣсь изъ Парижа новая книга: *Année Française ou Memorial des Sciences, des Arts et des Lettres etc., pour 1824.* Французскіе Издаатели не ограничились своимъ отечествомъ, но коснулись и нашей Россіи, которой удѣлили двѣ страницы (447 и 448). Неизвѣстно, откуда почерпаютъ они свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ, о которомъ говорятъ какъ бы по слуху. Такъ между прочимъ записали они напечатать въ своемъ книгѣ (между прочими недѣлюемыми о Россіи), что въ Москвѣ находишься *девять Литературныхъ Обществъ и десять типографій* (?) что въ С. Петербургѣ находишься *пять типографій и семь Литературныхъ Обществъ*. Не говоря уже о прочихъ невѣроятностяхъ, всѣмъ извѣстно, что въ Петербургѣ боѣе типографій, нежели въ Москвѣ. Пошомъ Издаатели, для показанія *успѣховъ Наукъ и Словесности въ Россіи*, объявляютъ, что въ городахъ: *Ревель, Дерптъ и Шарковъ* (Харьковъ) находятся типографіи, и что во всей Имперіи существуетъ *девять словолитень*. Нашли же иностранцы чему удивляться, и неужели такія вещи для нихъ рѣдкость и новость? Слѣдующее изъясненіе еще забавнѣе: „До 1817 года, напечатано было въ Россіи *только четыре тысячи книгъ*; въ 1820 году находилось въ Би-

биюшекъ С. Петербургской Академіи Наукъ около *трѣхъ тысячъ* Русскихъ книгъ, въ числѣ коихъ было *полтораста Романовъ*. Нынѣ число ученыхъ и литературныхъ произведеній простирается савшкомъ до *осьми тысячъ*. — Сими спроваками оканчивается статья объ успѣхахъ Наукъ и Словесности въ Россіи. Желательно было бы спросить, изъ какихъ источниковъ Издатели почерпнула свои неосновательныя извѣстія. Можно бытъ, мы получили бы отвѣтъ, если бы Французскій Петербургскій Журналъ удостоилъ помѣстить замѣчанія наши въ свои листы.

Письмо 14 Июля. Неизвѣстно мнѣ, по какой причинѣ вы доселѣ не напечатали статьи моихъ, посланныхъ для *Слѣ. Пч.* и *Сѣв. Арх.* (*), но надѣясь, что они найдутъ мѣсто въ вашихъ изданіяхъ, посылаю къ вамъ замѣчанія на статью, помѣщенную Княземъ Шалкко-

(*) Въ одномъ изъ писемъ почтенный Корреспондентъ объявляетъ намъ, что онъ въ скоромъ времени придетъ въ С. П. бургъ тогда мы лично объяснимъ ему причины, почему статья его: *О трудахъ Гг. Воейкова и Шалккова* не могла бытъ помѣщена въ нашихъ изданіяхъ. Благодаримъ его душевно за усердіе въ защитѣ праваго дѣла, но не можемъ воспользоваться его оспроумными замѣчаніями. *Изд.*

вытъ въ 15 номеръ Дамскаго Журнала на стр. 108—109 подъ заглавіемъ: *Ainsi va le monde*. Въ первомъ пунктѣ Кришкѣ вашъ выражается непонятно: во второмъ досадуешь, что Издатель *Отеч. Записокъ* опдасть справедливостъ *Съверной Пчелы*, а въ третьемъ и последнемъ пунктѣ взводишь на васъ неблизиды. Что сказать на все это? Напечатаны вѣсно ошѣва ошѣва мои, въ которыхъ Князь Шаликовъ увидишь себя умиченимъ въ перепечатаніи (въ праздніе годы) снашей изъ *Сына Отечества*, а въ нынѣшнемъ году изъ *Съверной Пчелы*, двухъ Журналовъ, которые сдѣлались предметомъ его негодованія: Каково вамъ это покажется, почтенные Издатели *Съверной Пчелы*? Князь Шаликовъ порицаъ ваши шруды, въ то самое время пользуешься вашими шрудами, и восклицаетъ: *Ainsi va le monde!* —

О перепечаткахъ изъ Съверной Пчелы () въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, (состоящихъ подъ главною редакціею Князя Шаликова), безъ показанія источниковъ.*

Изъ 45 номеровъ *Московскихъ Вѣдомостей*, нѣтъ ни одного, въ которомъ не бы-

(*) Просимъ извиненія у почтеннаго Корреспондента, что мы выписываемъ изъ его писемъ одни только доказательства. *Изд.*

до бы перепечатано нѣсколькихъ статей изъ *Сѣверной Пчелы*: укажемъ на главнѣйшія:

Въ №. 22 и 23, между прочими статьями, перепечатана цѣликомъ статья: о производствѣ дѣла Папавуана, изъ 29 и 30 №. *Сѣверной Пчелы*.

Въ 25, стр. 898 *Московскихъ Вѣдъ* перепечатано изъ № 32 *Сѣверной Пчелы*, безъ всякой перемѣны, извѣстіе объ открытіи въ Кіевѣ П. А. Мухановымъ неопечатанныхъ пѣсень сочиненій Ломоносова. Сіе извѣстіе напечатано въ *Сѣверной Пчелѣ* подъ заглавіемъ: *С. Петербургъ*, а поному Издавецъ и говоритъ, что П. А. Мухановъ пишетъ изъ Кіева къ одному изъ здѣшнихъ (п. е. О. Пешербургскихъ) Литераторовъ, объ опысканіи и проч. Редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* не перемѣнилъ слова *здѣшнихъ* и поставилъ извѣстіе изъ *Кіева*, следовательно выходитъ, что Г. Мухановъ писалъ изъ *Кіева*, къ одному изъ Кіевскихъ же Литераторовъ. Доказательно, съ какимъ вниманіемъ Князь Шаликовъ занимается редакціею *Московскихъ Вѣдомостей*!

№. 28 *Москов. Вѣдом.* стр. 989. На этой страницѣ перепечатана *Некрологическая статья* съ А. О. Дерябинъ, взятая изъ № 38 *Сѣверной Пчелы*, а ниже, на стр. 991—992, подъ заглавіемъ: *Некрологъ* — не-

репечашана также некрологическая снашья,
 О. В. Булгарина о *Михаилѣ Сергѣевичѣ
 Кайсаровѣ*, изъ 36 Но *Сѣверной Пчелы*.
 Объ источникахъ первой Князю Шалико-
 ву не вздумалось опшкрнить, за шо онъ увѣдо-
 жилъ публику, опкуда взлалъ вторую снашью,
 и присоединилъ къ этому похвалу *Сѣверной
 Пчелы* (*). Но и шущъ Князя Шаликовъ не
 умѣлъ выразишься правильно. Въ 12 стро-
 кахъ, помѣщенныхъ для похвалы *Сѣверной
 Пчелы*, сдѣлано пять ошибокъ, могущихъ
 служишь новымъ доказательствомъ оказан-
 ному прежде, что Переводчикъ *Славянской
 Картины*, Издашель *Московскихъ Вѣдомо-
 стей* и *Дамскаго Журнала* дѣйствительно
 не умѣешь правильно изъяснишься по Рус-
 ски. Волъ ошибки:

1. „*Сѣверная Пчела*, собирающа лучшіе
 цвѣтн.“

Не въ попадѣ, почтенный Редакторъ!
 Всякому извѣстно, что *Пчела* можеть со-
 бирашь медъ, въ цвѣтлахъ находящійся, а не

(*) Благодаримъ Князя Шаликова за похвалу
Сѣвер. Пчелы; и удивляемся за что, онъ сердншся
 на П. И. Свиньина, когда онъ ее хвалишь. Мы
 бы просили Князя Шаликова не хвалишь *Сѣвер-
 ной Пчелы* и не брать изъ нее ничего, или
 брать, но по крайней мѣрѣ не бранишь. *Изд.*

собирашь цвѣшны, какъ нѣжная пасшущка.

Пчела можешъ полько избираешъ цвѣшны.

2. „Сообщила съ особеннымъ чувствомъ (*) Некрологию о доспойнѣйшемъ членѣ обществва жителямъ С. Пешербурга.“
 Такъ ли пишушь по Русски? Русское ли это словосочинение? Если бѣ вы, Г. Редакторъ, повнимашельнѣе были къ оному вмѣсто вашихъ споровъ и крипикъ, то написали бы: Издашели С. Пч. сообщили жителямъ С. Пешербурга о доспойнѣйшемъ членѣ обществва. Далѣе....

3. „Мы съ своей спороны *тѣмъ болѣе* находимъ себя (**) обязанными помѣспити оную въ листахъ, издаваемыхъ *отъ того мѣста, въ стѣнахъ котораго* воспишывался покойный Михаилъ Сергѣевичъ Кайсаровъ, *увѣрены будучи* пшви сдѣлашъ удовольствіе многимъ, чшущимъ здѣсь въ столицѣ память сего рѣдкаго по многимъ отношеніямъ чловѣка.“

Можно ли сказашъ: въ листахъ, издаваемыхъ *отъ мѣста*? Листы (п. е. Вѣдомости или Журналы) издаюшся обществомъ, чловѣкомъ, а не мѣстомъ!

(*) Зачѣмъ здѣсь олицетвореніе Пчелы? чувствовали пошерю — Издашели, а не Пчела. *Изд.*

(**) Вмѣсто *находимся*. Какой милый галлицизмъ! *Изд.*

4. Мѣсто по собственному значенію не имѣешь *стѣнь*, следовательно нельзя сказать въ *стѣнахъ мѣста*. Бѣдный Русскій языкъ, что онъ долженъ перенять!

5. Къ довершенію невниманія къ опеченному языку, Г. Редакторъ въ одномъ періодѣ собралъ самые милые галлицизмы: „мы съ своей стороны, тѣмъ больше находимъ себя обязанными — увѣрены будучи.“ Каково? — Какъ жаль, что послѣдняя Жершва Музамъ сосноялась только на словахъ, а не на дѣлѣ. Теперь прикажете ли, Г. О. О. (см. Дамскій Журналъ 1825 No. 9 стр. 114) писать съ такими галлицизмами? Вы однако жъ это совѣщавали предъ глазами цѣлой Россіи!

Но я не хочу распространяться въ указываніи всѣхъ перепечатокъ: удивитесь. Напримѣръ съ 17, 20 и 24 Іюня перепечатано Княземъ Шаликовымъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* изъ 68, 69, 70 и 71 No *Сѣверной Пчелы* (безъ показанія источниковъ) *восемьдесятъ шесть извѣстій*. Думаете ли вы, Господа Издатели Сѣверной Пчелы, шрудясь надъ переводами иностранныхъ извѣстій, надъ выборомъ оныхъ, надъ сочиненіями, корректурами и проч., что вашъ соперникъ, кошорый не щадишь васъ въ Дамскомъ Журналѣ, что Князь Шаликовъ, съ неперенѣимъ ожи-

даешь почты и развернувъ *Съверную Пчелу*; опмѣнишь карандашемъ, что ему угодно, и безъ большого труда велишь писнушь въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, а самъ занимаешься между шѣмъ полемическими прошиву васъ спашьями (*)?

P. S. Въ 46 и 47 нумерахъ Московскихъ Вѣдомостей, перепечашано изъ 65, 66 и 67 Но *Съверной Пчелы* пятьдесятъ извѣспій, а изъ 68 Но *Съверной Пчелы*, даже большая спашья: *Русскіе войны у памятника Тюреня*. Но кто успѣешь пересчашать? въ каждомъ номерѣ появляешся новое заимспвованіе чужой собственности (**).

A. O.

(*) Это кажешся не ловко! Права собственности должны бышь уважаемы всѣми, а особенно Лишерапорами. И каково подписчикамъ, получающимъ и *Съверную Пчелу*, и *Московскія Вѣдомости*? Мы слыхали, что одинъ Журналистъ въ Германіи негодовалъ на другаго за то, что онъ нечашалъ однѣ и шѣ же каршинки изъ Французскихъ Журналовъ. Труды же болѣе значашъ не жели гошовыя каршинки. *Изд.*

(**) А мы просимъ очень серіозно пересчашать: въ прошивномъ случаѣ должны будемъ прибгнущъ къ покровишельспву законовъ. Такъ не издающъ Газетъ и Журналовъ: шрудишесь, переводишесь, сочиняйшесь, а ошъ насъ не беришесь! *Изд.*

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

О положеніи Европейскихъ Кабинетовъ, и
о внутреннемъ состояніи Франціи.

(Перекладъ статьи, помѣщенной въ Мониторъ.)

Французская революція, подвергнувшая снова изслѣдованію первыя основы гражданскаго общества, разразилась и должна была разразиться войною кровопролитнѣйшею изъ всѣхъ, пошрясавшихъ Свѣтъ съ самаго начала существованія Государствъ новѣйшихъ. Наконецъ Европа снова обрѣла спокойствіе. Но для сего были необходимы неслыханныя усилія Государей и спеченіе счастливыхъ обстоятельствъ. Однако же правила возжегшія Французскую революцію — еще не пошухли. Подъ самымъ даже скипетромъ Бонапарша и вопреки его сопрошивленію, всемірная почти борьба почерпала силы не столько въ жаждѣ къ завоеваніямъ одного человека, сколько въ сихъ правилахъ. Испина сего признана всею Европою, которая посему уже и не намѣрена подвергаться опасностямъ войны, коей конецъ рѣшили бы, можетъ бытъ, не однѣ побѣды и пораженія на полѣ бранномъ. Европа помнишь, чего

стоятъ оподченія народовъ, знаешь, что ей нуженъ продолжительный миръ, чтобы успокоить демократическое броженіе, которое, подобно сыпучему песку пустыни, подымается до высшихъ предѣловъ, и достигаетъ даже до самаго святилища власти. Личный образъ мыслей Государей подкрѣпляетъ систему, прошиводѣйствующую разрушительнымъ началамъ. Они видѣли ужасы войны не въ книгахъ, а на самомъ дѣлѣ. Къ счастью, они славою поднялись изъ бездны злополучія: въ сердцахъ ихъ нѣтъ желанія мести. Нынѣ, когда всякому Правителю довольно уже имъ совершеннаго для спяжанія благодарности своихъ подданныхъ и уваженія пощомковъ, не найдется изъ нихъ ни одного, который бы захошѣлъ инаго чего, который бы, для пагубнаго наслажденія лишать другихъ спокойствія, ошказался ошъ своего собственнаго: эпо чувство нынѣ равно преисполняетъ мужей Государственныхъ. Почти всѣ они являлись дѣйствующими въ минувшихъ буряхъ. Они съ шрудомъ избѣжали гибели; шоржествомъ же обязаны были крайнимъ опасностямъ своего ошечества. — Ошвѣшественность за подобныя событія ихъ и нынѣ еще объемлетъ содроганіемъ. — Ошпытность имъ говоришь, что при новомъ разраженіи спихій враждебныхъ въ Европѣ, воскресло бы все

прошлое со всеми его бѣдствіями. И такъ, при всемъ различіи положенія Державъ и при всѣхъ ошпѣвикахъ, знаменующихъ слова и мысли ихъ, ни одно Правительсство не чуждо общему направленію умовъ, покоряющему Европейскую политику сохраненію мира. Пошребуютъ ли доказательствъ? они предсавляются на каждомъ шагу. Ошпорженіе Съверной Америки ошъ Англій возжгло за пятьдесятъ лѣтъ передъ симъ сильную брань во всѣхъ частяхъ Свѣта. Нынѣ возспановленіе Южной Америки вызвало на бой только тѣхъ, кто не могъ не принять участія въ семь разрывѣ, ш. е. первобытное ошечество и поселенцевъ, ошъ него ошдѣлившихся. Каждая Держава, въ разсужденіи сихъ поселеній, приняла положеніе, предписываемое ей своими особенными выгодами, и ни въ единой не возникло къ другимъ подозрѣнія. — Нѣкоторые рѣшили, что польза ихъ шорговли уже нынѣ шребуешъ упвержденія сношеній съ обласями Америки, и вспунили въ оныя. — Другія, кажешся, еще не ошчаяваюшся въ примиреніи поселеній съ Испанскимъ полуостровомъ, и ошпорожноспъ ихъ споль же мало возмуцаешъ спокойствіе, сколь мало нарушило его рвеніе первыхъ. Франція, связанная сверхъ шого приличіемъ, соблюденіе коего досшойно всякаго уваженія, принадле-

жипь къ послѣднимъ ; но впрочемъ приняла всѣ мѣры, нужныя для обезопасенія своей торговли ; и по сию пору благоразумное сіе поведеніе было небезуспѣшно. И шакъ великая задача о независимости Америки разрѣшилася сама собою ; а между тѣмъ, каждая Держава мирно соблюдетъ пользу свою.

На востокъ Европы происшествія, быспро слѣдовавшія одно за другимъ, казалось, должны были зашруднить взаимныя отношенія Государствъ. — Трудно было повѣришь, чшобы ни одно не приняло участія въ смяшеніяхъ Греціи. — Но и шупь, ничшо не могло перевѣсипь необходимости мира, и Правительства занялись ими единшвенно для шого, чшобы условипься о средшвахъ къ ихъ ушущенію. При прежней полишической системѣ, заняшіе Франціею хоща одной Испанской крѣпости подняло бы всю Европу; нынѣ мы слышимъ, съ какою довѣренностію краснорѣчивый представитель Англійскаго Министерства выражаешся о пребываніи въ Испаніи цѣлой Французской арміи, и съ подобною довѣренностію, въ свою очередь мы въ Италіи взираемъ на Авспрію. Французская революція не перемѣнила лица земли, какъ желали шого нѣкоторые пылкіе умы ; — но война, послѣдовавшая за нею, совершенно переродила полишнику Правителей.

война сія, по грознымъ свойствамъ своимъ, не походитъ ни на какую другую, за шо и миръ, прекратившій ее, надежныѣ всѣхъ, кошорыми когда либо наслаждалася Европа.

Новыя явленія должны бытъ слѣдствіями шполь новаго положенія. Подъ вліаніемъ долговременнаго мира, каждое часпное лице, одушевляемое шо надеждою на пріобрѣтеніе, шо увѣренностію сберечь пріобрѣщенное, ревностно посвятитъ себя шрудамъ своего званія: общество же, опшвсюду извнѣ обезпеченное, всѣми средствами шанеть содѣйствовать распространенію внушренняго блага. Таковъ теперь удѣлъ Европы. Нынѣ всѣ Державы занимающа улашшою своихъ долговъ и уменьшеніемъ съ нихъ росшу, сповшшествованіемъ промышленности и опкрытіемъ новыхъ пушей для шорговли, наконецъ всѣ онѣ старающа ушвердиться на шепеняхъ, назначенныхъ имъ новою политическою системою. Сія перемѣна нигдѣ такъ не опущишельна, какъ во Франціи. Едва десятишь лѣтъ она пользуетса спокойшвіемъ; но при сравненія 1815 года съ 1820, нельзя не воскликнуть: „какое различіе!“ Не только ея попери вознаграждены; но они никогда еще не раждали болѣе произведеній мануфактурныхъ и земледѣльческихъ. Бытъ можеть, хлѣбопашество способно еще къ

большому улучшенію; но по сю пору никогда еще не прилагали большихъ попеченій въ различныхъ его отрасляхъ. Самыя жалобы помещиковъ доказываютъ усовершенствованіе сельскаго хозяйства: изобиліе произведеній затрудняетъ сбытъ ихъ. Промышленность каждый день пріобрѣтаетъ успѣхи, о коихъ наканунѣ никто бы не дерзнулъ помыслишь. Вездѣ старыя фабрики расширяются, и рядомъ съ ними возникаютъ новыя: являются многія весьма обширныя, имѣющія единственную цѣлю доставленіе орудій другимъ мастерствамъ. У насъ нѣтъ недостатка въ капиталлахъ, ибо одно изобиліе оныхъ можетъ поддержать подобное стремленіе. Не смотря на то, составилось общество, которое, имѣетъ цѣлю опровергать недостатки въ деньгахъ, могущій препятствовать совершенію новыхъ полезныхъ предпріятій, или же уронить существующія уже заведенія; оно берется, какъ скоро найдеть для себя не бесполезнымъ, помочь промышленности пятидесятью, даже сотнею милліоновъ, и сіе общество состоитъ не изъ предпріимчивыхъ умовъ, желающихъ получить возможную выгоду съ своихъ капиталовъ, а изъ людей уже извѣстныхъ, изъ богачей, довольствующихся умеренными процентами, радующихъ преимущественно объ

успѣхъ должниковъ своихъ. Другіе помышляющъ о томъ, какъ превратишь Парижъ въ морскую пристань. Сія мысль, нѣсколько разъ возобновлявшаяся въ царствованіе Людовика XIV и Людовика XV, была оставлена со многими другими въ числѣ ихъ желаній, коихъ исполненія ожидаютъ отъ неопредѣленнаго будущаго времени. Нынѣ Правительству сподобъ шолько выбрать любое изъ помянутыхъ обществъ, которыя всѣ гошвы освѣчаютъ капиталами въ успѣхъ сего огромнаго предпріятія. Соспавились еще другія компаніи для соединенія Сены и Рейна: если же всѣ сіи предположенія совершатся вмѣстѣ, столица Франціи, черезъ нѣсколько лѣтъ, будетъ шоржищемъ всего Свѣта.

Всѣ сіи предпріятія, изъ коихъ мы здѣсь привели шолько главнѣйшія, доказываютъ, какъ уже упомянуто, спеченіе капиталовъ. Оное должно было имѣть вліяніе на управленіе Государственное. Въ самомъ дѣлѣ, въ первой половинѣ текущаго года доходъ съ налоговъ 20 милліонами превзошелъ предположеннѣй въ бюджетѣ; нашлись принужденными ограничить выпускъ Королевскихъ облигацій, и особы, ввѣрившія свои деньги казнѣ, неимѣющей уже въ нихъ нужды, должны были подумать, какъ употребить ихъ иначе.

Сообщенія, ошкрывающіяся ежедневно съ Южною Америкою, придадутъ симъ оборотамъ новую силу: занявъ у насъ нѣкошорыя суммы, Америка возвратишь намъ ихъ спорицею. Извѣстно, что Испанцы знали, шакъ сказашъ, шолько поверхность рудниковъ драгоцѣнныхъ мешалловъ, коими природа одарила сіи спраны. Пустъ расчисляшь, что извлечешъ изъ нихъ смѣлый умъ другихъ народовъ, вооруженный средствами, орудіями, дѣяшельностью! Европъ снова предспоишь большое превращеніе въ цѣнѣ денегъ, шрудовъ и вещей; намъ суждено бышь свидѣшелями переворота, подобнаго шому, кошорый былъ произведенъ во всѣхъ денежныхъ сдѣлкахъ ошкрыпіемъ Новаго Свѣша. Если касашельно Франціи, присовокунишь еще увеличеніе ея богашества, слѣдствіе ея возрасташющей промышленности, шо легко усмошрѣшь, во сколько крапъ новая судьба ея превосходишь прежнюю. И что было бы при возобновленіи хоша и въ новыхъ ошношеніяхъ связи ея съ богашѣйшимъ изъ Аншильскихъ ошстрововъ, (Сень-Домингомъ)? Сииъ средшвомъ былъ приобрѣшенъ новый капиталъ, и присоединишь бы къ находящимся уже во Франціи; шорговля успремилась бы вновь пушемъ, на коемъ она нѣкогда приобрѣшала несмѣшныя выгоды! — Чшо ожидаешъ насъ;

когда Франціи, безъ всякаго препятствія, во всей Америкѣ будешь наслаждаться выгодами, копорыя ей предсавляютъ преимуществво ея произведеній, и сходство въ религіи, нравахъ и даже языкѣ, съ нѣкоторыми народами, тамъ обитающими?

VI. СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Ш А М А Н Ы (*).

(*Отрывокъ изъ Поэмы: Когинъ, или война Русскихъ съ Чукчамн.*)

Кругомъ огня они лежали;
 Въ ногахъ ихъ лыжи и пищали,
 Неконченная съшь и лубъ.
 Кошель дымился; но угрюмы,
 Исполнены шуманной думы,
 Къ кошлу не просширають рукъ.
 Несущя по шепи мяшели;
 Трещашъ ушесы; спонущъ ели:
 Надъ юршой вьюга, ревъ и сшукъ.
 Всъ въ бурю вслушались. Но вдругъ
 Лай слышенъ псовъ и бѣгъ оленей;
 Идушъ — въ дверяхъ мелькнули шѣни:
 Два шарца дивные вошли. —

(*) Посвящается Авшору Ермака.

Изъ бѣлой, пасмурной дали
 Ихъ быспрыя примчали сани:
 Стояшъ, коше и бубны въ длани;
 Сковаль власы суровой хладъ;
 Дикъ, спрашенъ вдохновенный взглядъ.
 Ихъ зря на прагъ буци дымной,
 Вспаль Кочинъ, мужъ госпеприимной,
 Могучій вишязь и Шаманъ,
 Надежда, слава Чукскихъ спранъ.
 „Ошцы, возсядыше!“ — восклицаетъ;
 Имъ лучшую подносишь снѣдь:
 „Се васъ разоспанный медвѣдь,
 „Въ покой къ огнищу призываетъ!“
 Но госпи видяшъ мухоморъ;
 Къ нему склонились и вкусили,
 И вдругъ, дрожащiе, вскочили:
 Горипъ, свербаешъ шускый взоръ!
 Подобны призракамъ полночи,
 Кошорыхъ изымаешъ адъ,
 Они вперяюшъ въ пламень очи,
 Сшопами шопчущъ и спучашъ;
 По персямъ, раменамъ, вкругъ шеи,
 Ремни, кремень, желѣзо, змѣи
 Бряцаюшъ, вьются и звучашъ.
 Успа безмолвныя опшверсны,
 Зѣницы кровью налишы;
 Среди ужасной нѣмошы
 По бубну прядаютъ ихъ персны.
 Власы, скрывая поллица,
 Падушъ, вздымающся и вѣюшъ.
 Трепещущъ мышцы, цѣпенѣюшъ;
 Въ слухъ бьются вѣщiя сердца.
 Средь дикой пляски мрачнымъ блескомъ

Косперъ объемлешъ вѣдуновъ ,
 То вспыхнешъ, шо поухнешъ съ прескомъ....
 Но слышьше, слышьше бурю словъ,
 Воспоргъ неисшовыхъ жрецовъ !

*(Слѣдуетъ предсказаніе о завоеваніяхъ Россіянъ и
 о приближеніи Павлуцаго, покорителя Чукскаго
 племени.)*

2.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПЕРСИДСКОЙ ПОВѢСТИ:
 ОРСАНЬ И ЛИЛА.

О п к с а н і е д в у х ъ н о ч е й .

О с е н н я я н о ч ь .

Примѣнно гаснушъ небеса ;
 Безъ облаговъ и безъ шумана ,
 Нисходишъ ночь; ея роса
 Осеребрила ликъ Ирана.
 Все дышишъ сладкой шеплошой ,
 Клонящей смершныхъ въ усыпленье.
 Сколь восхищисельно боренье
 Лучей съ ночью шемношой!
 По спящимъ рощамъ и долинамъ ,
 Съ прохладой разлилася шѣнь ;
 Еще не палъ упорный день :
 Подобно гордымъ исполинамъ ,
 Густые кедры на горахъ
 Еще горяшъ въ дневныхъ лучахъ,
 И какъ бы ловяшъ въ сосязань
 Горамъ незримое сіянье.
 Погасъ послѣдній лучъ злашой
 Съ небесъ упадшаго свѣшила ;

И ночь зависливою мглой
 Красы природы омрачила:
 Преобразившійся во мглѣ,
 Дворецъ несстройный и просшранной,
 Чернѣль, какъ шуча на скалѣ,
 Древами дикими вѣчанной.

Л ъ т н я я н о ч ь .

Повсюду миръ, незримо сны
 Подъ кровы Персовъ низлепающъ,
 На сводъ кристальный выступающъ
 Злашья спушницы луны;
 Прохладенъ воздухъ аромашной,
 И Ангелъ ночи благодашной
 Свѣшилникъ дня унесъ давно;
 Но небо все озарено
 Какъ бы мерцаниемъ разсвѣша.
 Мечешы, куполы блестящъ
 И верхъ ошважный минареша,
 И кровля Шаховыхъ палашъ:
 Все звѣзды яркя злашящъ.
 О сколь чудесно время лѣша!
 Въ счастливой Персїи оно,
 Какъ дѣшштво крошкое, ясно;
 Оно, какъ дѣшштво улешаешъ,
 И за собою осшавляешъ
 Восноминаніе одно.
 Ужъ полночь, дремлешъ глазъ дозора,
 Молчишъ дворецъ; повсюду сонъ;
 Лишь очи мушныя Манзора
 Крыломъ не осѣняешъ онъ.

П. Ободовскій.

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1 8 2 5.

45. *Разлитіе Кубры. Спихопвореніе Графа Хвоспова. С. П. б. 1825, въ шип. Воспит. Дома, въ 8, 12 стр.*
(См. No. 86 Сѣв. Пч.)
46. *О происхожденіи Руси. Историко-критическое разсужденіе М. Погодина. М. 1825, въ Унив. шип., въ 8, 176 стр.*
(См. No. 87 Сѣв. Пч.)
47. *Горный Журналъ или собраніе свѣдѣній о Горномъ и Соляномъ Дѣль, съ присовокупленіемъ новыхъ открытій по Наукамъ, къ сему предмету относящимся. Кн. I. С. П. б. 1825, въ Военной шипогр. Главнаго Штаба Е. И. В., въ 6. 8, XLIV и 140 стр. съ чешырья чершежами.*
(См. No. 90 Сѣв. Пч.)
48. *Ослѣпленный, Соч. Духовскаго. С. П. б. 1825, въ шип. состоящей при Особенной Канцеляріи М. В. Д., въ 8, 35 стр.*
(См. No. 92 Сѣв. Пч.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. № XVI.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СВАТОВСТВО НА ОБОРОТЪ.

Изъ Августа Лафонтена.

I.

Молодой Брейзахъ къ своему другу.

Въна.

Въ гарнизонѣ моемъ жилъ я ни въ явѣ, ни во снѣ. Я, копорому на роду написано быть опцемъ семейства, копорому болѣе къ лицу халашъ нежели, мундиръ, пошому чшо въ немъ сяду я, какъ въ кузовѣ; я, который каждаго мальчика въ рощѣ величаю: „сынъ мой!“ и механически лѣзу въ карманъ за конфешкою, чшобъ его полакомишь, — я долженъ опказаться опъ семейственнаго счастья, пока не получу рѣшмы; а до шѣхъ поръ, върояшисъ, и жизнь мнѣ опосынешь! Но судьба начинаеть уже, кажешся, повертывашся ко мнѣ, если еще не лицомъ, пакъ бокомъ; мой дядя взялся хлопашъ за меня

— мой дядя, веселый холоспякъ, который для меня гошовъ поспавишь послѣднюю копѣйку ребромъ — шакъ много онъ меня любишь. Изъ всей нашей фамилиа досшалось въ удѣль богашство одной только пешкѣ моей, у которой ествъ дочь; но онъ не поладили съ опцемъ моимъ за шо, чшо онъ осудилъ меня на солдашскую жизнь, а шупшь, какъ онъ думали, не выйдешъ изъ меня ничего пушнаго. Съ дядей моимъ не ладяшь онъ также, пощому, чшо у эного добраго челоувѣка вырываешся иногда брань, какъ у мапроса. Такииъ-шо образомъ не знали мы про нихъ ничего, кромѣ, чшо онъ живушь въ деревняхъ своихъ, чшо кузина моя диво красопы, но припомъ спрахъ какъ причудлива, и шакъ дааѣ.

Я написалъ разъ къ дядѣ, чшо мнѣ завидень даже и просшой солдашъ, когда онъ зимой споишь на своемъ поспѣ: все шаки принесешъ ему жена пообѣдашь, обнимешъ его, приведешъ съ собою пару дѣшей; счастливый мужъ и опецъ примешся шогда онашь безъ скуки за свою шажкую рабошу.

Вошь дядя, зная и понимая меня какъ жельзя лучше, опсправляешся къ пешкѣ, воздерживаешся на время опъ дурной привычки своей, рассказываетъ кузинѣ обо мнѣ, о моихъ высокиихъ досшопинспвахъ, о моемъ вы-

сокомъ поняши о супружествѣ, короче, об-
ворожаетъ обѣихъ женщинъ шакъ, что онѣ
соглашающа по крайней мѣрѣ принявъ ошъ
меня посѣщеніе; и это ужъ много значишь,
при недовѣрчивости ихъ къ мундирамъ.
„Чорпъ возьми“ пишешъ мнѣ дядя: „смазли-
вѣе кухни швоей не встрѣчалъ я ни одной
дѣвушки! Причуды ея невелики; надобень
шолько мужъ — не злодѣй, мужъ — каковъ
шы. Хопъ она и говоришь, что не посмо-
пришь на лѣша, но изъ нѣкошорыхъ рѣчей
я все долженъ былъ мошашъ себѣ на усь,
что мои сорокъ лѣшъ не пришались бы ей
впору. Пріѣзжай! шолько спрячь свой мун-
диръ, и привези побольше крошосни. У шеш-
ки швоей и кухни справная вещь на умъ:
будшо одни шолько серіозные (*) люди мо-
гушь бышь добродѣшельны. Будь же ошпо-
рожень! Я знаю, что шы, при всѣхъ добрыхъ
качешвахъ, повѣса, и гошовъ по крайней
мѣрѣ прохотошашъ свою жизнь, если не мо-
жешъ провесни ее какъ хошешся. Такъ

(*) Просимъ Гг. гонипелей иноспранныхъ
словъ, насшавленіямъ кошорыхъ ошшно слѣ-
дуешъ по возможности Переводчикъ, придумашъ
и ввесни въ упошребленіе слово, кошрое замѣ-
нило бы эту *серіозность*, совсѣмъ несвойшвен-
ную Русскому языку, но пока неизбѣжную. *Пер.*

прѣзжай же какъ можно скорѣе ко мнѣ въ Вѣну; мы вѣсепѣ явимся къ кузинѣ. Она, не смотря на свое смиренномудріе, рѣшилась выйти за мужа, какъ скоро найдетъ человека добродѣтельнаго; а мнѣ кажется, что ей въ эпохѣ грѣхотворномъ свѣсѣ никогда не удалось бы найти человека *порочнаго*, потому, что всякій будетъ мнѣсѣ въ виду, наградою добродѣтели, ее—богиню красоты, и приданое во сто тысячъ талеровъ. Не шути, племянникъ, какъ легко можешь она сдѣлаться добычею обманщика, когда причуды ея будутъ извѣсны! — Ояъ хотѣли мнѣ дашъ знать, когда можешь принять насъ. Прѣзжай поскорѣе, чтобы и шебъ готовила жена пообѣдать — не въ караулѣ, а въ прекрасной столовой. О паръ дѣшей предославаяю шебъ позаботишься. Я ошворилъ шебъ дверь супружеска; смотри же, чтобы у шебя не защелкнули ее передъ носомъ.“

Врядъ ли уже что и не сдѣлано, милый другъ мой; а все отъ моей же вины. Нынѣ еще и трехъ дней, какъ я въ Вѣнѣ, а дьяволъ разсавилъ мнѣ сѣши, изъ которыхъ не могу я выпущаться. — Но надобно рассказать шебъ все порядкомъ.

Мой командиръ, которому я высказалъ все, что на душѣ было, не соглашался отпустить меня, потому что мнѣ надобно

было вѣшать за ремонтъ. Я написалъ къ дядѣ, что по этой причинѣ не могу привѣстись ранѣе шестидесяти дней. Когда письмо уже было отправлено, командиръ, поразудивъ, что худо бышь помѣхою открывающагося счастья, позвалъ меня къ себѣ и отпустилъ меня на цѣлые полгода. Я отправился немедленно въ Вьну, и вся дорога была безъ приключеній, но къ концу впушался я въ нищенскую вшорію, которая повела меня прямо въ когти дьявола.

На послѣдней станціи къ Вьнѣ ждалъ я неперпѣливо лошадей, потому что всѣ были забраны какимъ-то Посланникомъ, вхавшимъ съ большою свитцою. Въ досадѣ расхаживалъ я взадъ и впередъ передъ почтовымъ домою, гдѣ и другіе проѣзжіе ждали также лошадей. Мнѣ хотѣлось отправиться по крайней мѣрѣ прежде другихъ, и потому безпрестанно говорилъ я, что мнѣо самыя важныя дѣла.

Наконецъ явился лошади, и меня хотѣли отправить перваго. Уже собирались закладывать. Въ это время подошелъ ко мнѣ мальчикъ и попросилъ милосшыни; я далъ и приласкалъ его. „Ахъ, добрый баринъ!“ сказалъ мнѣ сквозь слезы дитя: „если бъ вы знали, какъ несчастливъ мой родителли, и какъ благодарны они вамъ будутъ за ваше

милосливое подааніе!“ — Родители! это слово производишь надо мною волшебное дѣйствіе. „Кшо же твои родители?“ спросилъ я. — „Отецъ мой музыкантъ изъ Праги, куда мы теперь опять возвращаемся. Мы надѣялись, въ Линцѣ получить наслѣдство; но кажешся, батюшку обманули. Онъ не получилъ ничего, да и свои деньги испратилъ. Часно приходилось намъ сидѣть голодомъ, а теперь мать моя сдѣлалась больна. Вонъ тамъ лежитъ она — въ крестьянскомъ домѣ. Добрый хозяинъ посоветовалъ мнѣ просить подаанія у проезжихъ.“

Все это говорилъ мальчикъ жалоснымъ, сердце разрывающимъ голосомъ. Вдругъ закричалъ на него Почтмейстеръ: „Поди прочь, мальчикъ, не надоѣдай шумъ проезжимъ!“ Дитя прижалось ко мнѣ, я посмотрѣлъ сурово на Почтмейстера, и успокоилъ малютку. „Если бъ я не спѣшилъ“ — сказалъ я, и шумъ пришло мнѣ въ голову, что поспѣшность моя происходила совсѣмъ не отъ нужды, а просто отъ скуки. Мальчикъ схватилъ мою руку; я поднялъ его, поцѣловалъ, и рѣшился идти къ его родителямъ. „Пойдемъ, сказалъ я: хоть я и не богачъ, но соблюду вамъ отъ души, чѣмъ только могу.“

Въ родителяхъ малюшки нашель я людей несчастныхъ, но съ благородными правилами. Небольшая ошь мѣня помощь ушѣшила ихъ; машь вспала шопчасъ съ одра своего. попому, чшо и болѣзнь ея происходила больше ошь гореспи. Обнявшись, со слезами на глазахъ благодарили они Создателя. Эша сцена меня распрогала. „Счастливые люди!“ сказала я, подавая имъ руку: „при всей вашей бѣдности, я вамъ завидую. Да не оставишь васъ Богъ!“ Тутъ поспѣшилъ я къ почшовому дому, но лошади были взяшы другими; пришлось ждашь опяшь. Случившееся со мною приключеніе привело меня въ какую-шо недѣшельность; я рѣшила шупъ переночевашъ и велѣль ошвеспи себѣ комнашу. Споя у окна, увидѣль я опяшь шого же мальчика съ двумя дамами, кошорыя уговаривали его проводить ихъ въ хижину къ его родителямъ. Онъ однако ошказывался, говоря, чшо я даже слишкомъ надѣлил ихъ, и чшо онъ пришелъ шолько еще разъ поцѣловашъ изъ благодарности мою руку. Эшо мнѣ понравилосъ; но наконецъ онъ долженъ былъ уснупишь насшояніямъ двухъ дамъ и повелъ ихъ, а я легъ, и ошь усшалоспи скоро заснулъ. На другой день, въ самую минушу моего ошѣзда, пришло все семейство благодаришь меня. Мнѣ

показалось, что они всё уже одѣшны были по дорожному, а также и двѣ дамы собирались выѣхать; коляска ихъ была у подъѣзда.

Привѣхавши въ Вѣну, остановился я въ шпакширѣ, откуда посылаю осведомиться о дядѣ. Мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ изъ города, и возвратится не прежде, какъ черезъ недѣлю. До пріѣзда его, разувѣщся, надобно мнѣ было прожить на своей временной квартирѣ. На третій день, пошелъ я въ Аугарценъ (*). Тушъ, къ большому удивленію, увидѣлъ опять своего знакомаго мальчика, чишенько одѣнаго. Онъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ у меня руку и рассказалъ, что дамы взяли съ собою въ Вѣну и его, и его родственней, общая опсправивъ ихъ опсюда въ Прагу на свой счетъ, какъ скоро машь его хорошенько поправивъ въ своемъ здоровьѣ. Вдругъ мальчикъ мой наклонился и поднялъ съ земаи записку. Надписано было: „*Тому, въ комъ есть сострадательное сердце.*“ Я развернулъ и прочиталъ: „*Двѣ несчастныя просиятъ нашеднаго записку, ежели въ немъ есть мужество и состраданіе, пошрудивъ прійши въ Леопольдовскую улицу, No. ** во второй этажъ, и спросишь шамъ г-жу*

(*) Большой садъ, принадлежащій къ окрестностямъ Вѣны. *Пер.*

Сольденъ; если же не захочешь, оставишь записку на прежнемъ ея мѣстѣ.“

Я былъ въ нерѣшимости, взявъ или оставишь записку. „Чего шребуютъ?“ думалъ я: „Только мужества и состраданія. Въ обоихъ у меня нѣтъ недостатка.“ Я спряхалъ записку, далъ мальчику еще нѣсколько грошей, пожелалъ счастливаго пути его родителямъ, и отправился домой. Здѣсь осматрѣлъ я находку еще со всѣхъ сторонъ. Такая записка и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ непрерывно ходятъ люди! Спранію! думалъ я. Это могло бы привлечь къ г-жѣ Сольденъ толпу любопытныхъ. Какъ ни подозрительно это приключеніе, но я хочу испытать его.

Я пошелъ въ назначенный домъ, и былъ введенъ въ комнату г-жи Сольденъ. Тутъ неожиданное зрѣлище почти приковало меня къ мѣсту. У окна за пальцами сидѣла дѣвушка лѣтъ двадцати, весьма просто одѣтая, но такая красавица, какой я не видывалъ, и не въ силахъ описать. Она поклонилась мнѣ очень вѣжливо, и просила садиться. Вошла г-жа Сольденъ. Я, молча, вынулъ записку и подалъ ей. „Такъ вы,“ сказала она: „назначены судьбою бытъ нашимъ покровителемъ. Положеніе наше, государь мой, шакъ необыкновенно, и способъ, какимъ избрали мы себѣ мужественнаго (она сдѣлала удареніе на

эпомъ (словъ) и срспрадапельнаго друга, такъ спранень, что прежде всего я должна просить, чтобы вы не подумали объ насъ чего нибудь дурнаго.

Я съ своей стороны попросилъ расказаць мнѣ, чѣмъ могу служишь.

Она извинилась; что теперь не можешь еще сообщить мнѣ всего, за неполученіемъ нѣкоторыхъ бумагъ. „Намъ нуженъ,“ сказала она наконецъ: „только благородный, умный человекъ, который бы имѣлъ довольно мужества прошивушать нападающему на насъ сильному и знашному гонителю.“ Тутъ съ примѣшнымъ любопытствомъ, спросила она о моемъ имени и обстоятельствевахъ. Мнѣ показалося спранно, что не хощаешь мнѣ открытъ всего, а ошь меня перебуешь совершенной открытости. И пошому ошвъчалъ я, что за нѣсколько дней прѣхалъ сюда искашь себя мѣста въ какомъ нибудь Департаментѣ, короче, испытаешь здѣсь по службѣ свое счастье. Не желая сказаць и своего настоящаго имени, я выдалъ себя за Шшейнгаузена.

Спарушка начала уже спрашиваешь меня и о моемъ состояніи, но я сказалъ ей на ошрѣзь, что такіе распросы не могушь имѣшь ничего общаго съ нашимъ дѣломъ.

Во все продолженіе разговора, дѣвица Сольдень сидѣла покойно за пальцами. Какъ скоро начиналъ я ошвѣчать, она успрямляла на меня свои проицашельные, но кропкіе голубые глаза; при словахъ же машери, она оняшь опускала ихъ на свою работу. Наконецъ не доспало у меня перпѣнья опдѣлывашься ошъ спранныхъ распросовъ спарухи, и я сказалъ, смягчивъ однако ш онь свой: „Признаюсь вамъ, сударыня, что я очень удивленъ. Меня привело сюда состраданіе и желаніе бышь вамъ полезнымъ, а совсѣмъ не охоша рассказывашь вамъ свою родословную.“

Тушь въ первый разъ опворились розозья, успа дочери и пріапнымъ, шоненькимъ голоскомъ сказала она, обращясь ко мнѣ: „Я очень нѣсчастлива! Но какъ ошъ нашей шайны совершенно зависишь моя участь, шо не сердишесь на машушку, если она хочешь напередъ узнашь ближе человекъ, кошорому намѣрена ввѣришься.“

Эшими словами и милымъ, заманчивымъ голосомъ я былъ обезоруженъ; казалось мнѣ, что сердце мое гошво выпрыгнушь ошъ восхищенія предъ симъ Ангеломъ красоны и кропосши. Между шѣмъ машь вышла, и у насъ начался разговоръ, не совсѣмъ въ шонѣ обыкновеннаго. „Не понимаю“ сказалъ я: „какъ вамъ зашрудняшься найши себѣ зашупника.“

Всякій, кажешся мнѣ, съ радостію согласна-ся бы принялъ васъ подъ защиту.“

— „Государь мой!“ — сказала она скоро и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ: „вамъ должно бы осперечься ошъ лести.“ — Пасмурный видъ ея испугалъ меня. Я увѣряла, что никогда не льщу, и стала дѣшвитель-но осторожнѣе. При разставаннѣ освѣдоми-лись о моей кварширѣ, и просили приходилъ иногда и безъ зову.

Возвращаясь къ себѣ, пораздумался я обо всемъ случившемся. Мнѣ приходили въ голо-лову весьма невыгодныя мысли на счетъ ма-тери и дочери. Хотя послѣдняя предспа-влялась мнѣ, какъ сама невинность, но му-дрено ли, что въ столицѣ хотншь обо-льспншь прнѣзжаго молодого человека, копо-раго считающъ можешъ бытъ за богача. Мнѣ извѣстно было много анекдотовъ о разныхъ обманахъ въ большихъ городахъ. Но записка была не прямо ко мнѣ адресована, и могла попаспсь въ руки шарика, женщины, даже Полицеймейстера, пѣмъ болѣе, что въ аллеѣ, гдѣ встрѣшился я съ мальчикомъ, было мно-го людей. И такъ она точно была написана не ко мнѣ; безъ всякаго сомнѣнн. Что жъ даше?

Дѣвица Сольденъ была, можешъ бытъ, прекраснѣйшая изъ всехъ Внскихъ краса-

виць, сѣдовашельно ей не могло бытъ недоспашка въ уютникахъ, если только она кошѣла ихъ живъль. И при всемъ томъ. . . . Тушь оная представлялася мнѣ дѣвушка съ ея крошкыми, голубыми глазами, съ невинностию, говорящею изъ каждой чертмы лица ея. Я воображалъ себѣ живо ея каждое движеніе, — какъ сидѣла она за пѣльцами, какъ обращала ко мнѣ свои взоры, какъ начала говорить со мною... Вдругъ я вскочилъ и вскричалъ: „Пусть будетъ первый Миниспръ врагомъ ея: я желаю того, и докажу, что имѣю довольно мужества.“ Я пошелъ, чтобы пошъ же часъ сказашъ ей это, прошелъ раза два взадъ и впередъ мимо ея дома, и — у меня не доспало мужества даже войши въ него.

Тушь вспало на умъ, что я неравнодушенъ къ этой дѣвущкѣ, и я спыдился, что меня, Философа, могли шакъ скоро обольстившъ прелестныя глазки, розовыя губки, нѣжная шейка и милый голосокъ. Тотчасъ пошелъ я домой, и задалъ себѣ задачу изъ высшей Аналитики. Задача разрѣшена была счастливо, и я поздравилъ себя, какъ успѣвшаго въ испытаніи. Ложась въ постель, думалъ я, что погружусь въ Лешу; но вышло совсѣмъ прошивное: черезъ двѣ или три минушы, почувствовалъ, что не смотря на

рѣшеніе задачи, я точно влюбленъ по уши: ничто другое не вертѣлось у меня на умѣ, кромѣ того, что желалъ бы я сдѣлать для дѣвушки.

На другой день спалъ я опять такъ благоразуменъ, что гошовъ былъ снова поздравить себя. Однако по перопливости, съ какою одѣвался, замѣпилъ, что не вполне могу наслаждаться своимъ пріумфомъ. Я помедлил; наконецъ пошелъ совсѣмъ въ противоположную сторону отъ Леопольдовской улицы, но вдругъ повернулъ къ ней, и всходя на лѣстницу къ г-жѣ Солденъ, держалъ себя такъ гордо, какъ бы увѣнчанный, всходилъ, на ступени Капишолін.

Передъ дверью, съ сильнымъ препешаніемъ сердца, говорилъ я въ самомъ себѣ: „Если я не такъ холоденъ, какъ ледъ, то гошовъ откажется отъ всякаго права на имя Философа. Я посмучался, отворилъ, и сдѣлалъ большую сумятицу. Дѣвица Солденъ въ это время одѣвалась, и я увидѣлъ ея бѣлыя плеча, прежде, чѣмъ успѣла она накинуть на нихъ плашокъ.

„Такъ рано, сударь?“ сказала мать. — „Рано?“ — повторилъ я, изумясь; вынулъ свои часы и — спалъ, какъ бы осмѣянный цѣлымъ свѣтомъ. Еще и шестипи часовъ не было. Не вѣря глазамъ, я проширалъ ихъ; но съ

большимъ стыдомъ почувствовалъ въ душѣ, что она чужда Философіи и предана любви.

Опъ этого стыда простыло мое усердіе. Я проямлялъ что-то сквозь зубы, какъ будто бы обвиненный передъ судомъ свѣша въ своемъ дурачествѣ, и уже намѣревался сказать обвѣимъ дамамъ, что вовсе опказываюсь опъ ихъ дѣла; но въ то самое мгновеніе, когда шакія мысли спали бродить въ головѣ моей, нѣжная рука дочери явилась у меня передъ глазами, поднося чашку чаю. Весь дрожа, взялъ я чашку, и шупъ завязался разговоръ о прекрасномъ упрѣ и о прогулкѣ, кошорую мамъ съ дочерью намѣрены были сдѣлать, при чемъ я шопчасъ вызвался быть проводникомъ.

Какъ скоро прекрасная дѣвушка одѣлась въ боковой комнашѣ, мы пошли. Я не былъ холоденъ, какъ ледъ; напрошивъ пылалъ, какъ пламя; и не смощря на это, мнѣ казалось, что я все еще имѣю право называться себя Философомъ. „Пусть другой“ думалъ я: „былъ бы на моемъ мѣстѣ, когда это милое швореніе, въ узкомъ переходѣ, шакъ близко прислоняешься, что чувствуешь прикоснове- ніе плеча его и локоны развѣваюшся по щекѣ — пусть былъ бы другой на моемъ мѣстѣ! Посмощрѣлъ бы я, спалъ ли бы онъ дѣлать шакія размышленія въ самомъ себѣ!“

О несчастіи, и о томъ, чего отъ меня ожидали, не слыжалъ я ни слова. Мы разсуждали, расхаживая по Аугаршену, о добродѣтеляхъ, о счастіи, о свободѣ и проч., пока солнце не взошло высоко надъ горизонтомъ. Когда мы пришли назадъ, мать вышла изъ комнашы. Тушь съ неописаннымъ жаромъ, съ какимъ-то даже вдохновеніемъ, спалъ я предлагаю услуги свои на все, что только могло соспоять въ моихъ силахъ. „Желаю“ говорилъ я: „чтобы преслѣдовашель вашъ былъ очень силенъ: я доказалъ бы, что моя къ вамъ дружба *еще* сильнѣе.“

Она отвѣчала, смѣючись: „Нѣсколько лѣтъ назадъ, имѣла я на рукѣ рану, отъ которой и теперь еще остался рубецъ, какъ вы видите.“ — Руку свою поднесла она мнѣ такъ близко къ глазамъ, что на ней осталось мое дыханіе. Не примѣшивъ моего смущенія, она спокойно продолжала: „Лекарь сказалъ мнѣ: желаю, чтобы у васъ сдѣлался аншоновъ огонь; тогда я доказалъ бы, что смышляю что нибудь въ Хирургіи. Въдь онъ сказалъ это не съ дурнымъ умысломъ — не правда ли? Онъ хотѣлъ только, чтобы я не теряла бодрости, потому, что рана меня очень мучила. Надѣюсь, также и вы.“ — Тушь я вдругъ сдѣлался холоденъ, какъ ледь. Въ умѣ моемъ промелькнула мысль, не ду-

маешь ли она смѣяться надо мною. Я бросилъ на нее пронцашельный взоръ; но лице ея было покойно; на немъ изображалось дружество, а не насмѣшка.

Меня пригласили къ столу; я оспался. Разговоръ зашелъ о чшеніи, и я съ удивленіемъ увидѣлъ, что дѣвица Сольдень получила превосходное воспишаніе. Чѣмъ болѣе наблюдалъ я (а къ этому времени уже я довольно проспѣлъ для наблюденій), тѣмъ болѣе приходилъ въ смущеніе, тѣмъ загадочнѣе спшановились для меня мать и дочь; особенно же пошому, что о несчастіи ихъ не было говорено ни слова, какъ ни часто спшарался я склонить къ шому рѣчь.

Наконецъ я ушелъ. Ничего швердаго не оспалось у меня въ головѣ, за шю сильная, пламенная любовь въ сердцѣ. Мысли о скоромъ возвращеніи дяди приводили меня въ ужась; мысли о кузинѣ моей заспавляли меня шрепенашь. Я чувспшвовалъ, что не могу быть счастливъ, если эша загадочная, удивительная дѣвушка не любитъ меня; но за всѣмъ шѣмъ спранности ея приводили меня въ опасеніе, и я рѣшился быть оспорожнымъ.

Въ послѣдній разъ, какъ я былъ у нихъ, дочери не было дома, а мать дала мнѣ порядочную кучу бумагъ, и просила, просмшрѣвъ ихъ, сказашь свое мнѣніе. „Хошь вамъ

и странно покажется“ — сказала она: „но содержаніе этихъ бумагъ до насъ касается болѣе, нежели вы можете представить себѣ.“ Съ этими словами вышла она въ маленькую боковую комнату, гдѣ и села за работу, какъ я увидѣлъ черезъ стеклянную дверь.

Съ большимъ любопытствомъ принялся я разсматривать бумаги, ожидая, что наконецъ раскроется мнѣ участь любимой дѣвушки, и я узнаю, чего могу надѣяться. Я нашелъ небольшой романъ въ письмахъ, и дѣло по разводному акту. Романъ содержалъ въ себѣ исторію любви двухъ супруговъ, сначала пламенной, а потомъ исчезнувшей отъ недоразумѣній, распрей и холодности. Полагая, что это исторія самой дѣвицы Сольденъ, я взялъ перо (конечно не безъ двусмысленной, недовѣрчивой улыбки), и началъ писать свое сужденіе о супругахъ. Будучи теперь весьма въ состояніи философствовать и даже быть строгимъ, я осудилъ мужа за опущеніе отъ истинныхъ житейскихъ правилъ, а жену за недостатковъ снисходительности къ заблужденіямъ мужа.

Сидя, съ перомъ въ рукѣ, за этимъ романомъ, я находилъ положеніе свое очень забавнымъ, и раза два не могъ удержать громкаго смѣха. Мать смотрѣла на меня въ это

время через стеклянную дверь, но не переменила своего серьезного вида.

Тутъ взялъ я процессъ о разводъ. „Я не юристъ — подумалъ я: къ чему заботиться мнѣ о формѣ?“ Я назвалъ мужнина адвоката плутомъ за то, что оправдывалъ дурное обхожденіе съ женою; попомъ спалъ жестоко бранилъ методу воспитанія, кошорой пребовалъ мужъ для дѣтей своихъ. Правила жены о воспитаніи мнѣ показались не лучше. Давно уже вершѣлась у меня въ головѣ своя методъ. Пользуясь случаемъ изложишь свои мысли, я почувспвовалъ себя воспламенившимся, и писалъ ошъ полноты души. Воображеніе представляло мнѣ прекрасную дѣвушку, (кошорая къ тому времени возвратилась домой, и сидѣла въ другой комнатѣ шакже за работою), машерью семейсва; я поглядывалъ на нее время ошъ времени. Сердце мое было полно, слезы наверхивались на глазахъ, когда мечпалось мнѣ *мое* дитя у груди эшой прелеспной.

Казалось, и ее занимала какая нибудь необыкновенная мысль. Она пошпирала рукой глаза свои, можешъ быть, чшобъ оперешъ слезу, кошорой я не должень былъ видѣшь, а можешъ бышь и въ намѣреніи выжашъ слезу, именно для того, чшобъ я ее видѣлъ.

*

Кончивъ свою работу, я спалъ перечисывавъ, и пушъ опяшъ положеніе мое показалось мнѣ шакъ забавнымъ, что я не могъ удержаться опъ громкаго смѣха. Мать и дочь пришли ко мнѣ, и спросили, что со мною сдѣлалось. Все еще смѣясь, опвѣчалъ я: „По вашей запискѣ: гоповилса я на важные подвиги, а шеперь вижу, что надобны шолько слова и скорый почеркъ, чтобы кришиковать романъ и приказные акшны.“

Онѣ улыбнулись обѣ; попомъ, немного погода, захохошали вдругъ громче, нежели я. Тушъ я сдѣлался пасмурень. Мнѣ было позволишельно смѣяться, но имъ никакъ! Я пошмошрѣлъ на нихъ мрачно, заботшливо, почти презришельно. Мать все еще не могла воздержать себя; но дочь приняла на себя серіозный видъ и сказала: „я замѣчаю недоувѣрчивость во взорахъ вашихъ. Ахъ, сударь! ее опасаясь я болѣе всего. Правда, что мнѣ не должно было смѣяться, но вы знаете, какъ заразишелень смѣхъ. Никшо не можешъ шмошрѣшь безъ смѣха на хохочущихъ мужиковъ въ каршинѣ Милессино!... О, сударь!“ — продолжала она, положа руку на сердце и шмошря на меня умильно: „неужели вы можете бышь ко мнѣ недоувѣрчивы?“

„Нѣшъ!“ сказалъ я, какъ бы виѣ себя, схвашивъ и прижимая къ губамъ своимъ ея ру-

ку: „нѣшь! внимъ глазамъ повѣрю я, хотя бы повергли они меня въ пагубу! Если бы вы могли надо мною смѣяться: Великій Боже! гдѣ же была бы тогда справедливость, довѣрчивость въ мѣрѣ!“ Она бросила на меня взоръ — взоръ любви, сказалъ бы я, если бы когда нибудь видалъ подобный. Я былъ въ восхищеніи; но вскорѣ прежнее спокойствіе возстановилось на лицѣ и въ глазахъ ея. Ей надобно было опять куда-то итти; я оставилъ ее. Сегодня не заспалъ у нихъ никого дома.

Дядя мой уже здѣсь. — Какой будешь конецъ всему этому? Слыхалъ ли ты когда нибудь о такихъ спранныхыхъ? Сама ли она жена въ романѣ? Сама ли разведеная въ процессъ? Иногда кажешься мнѣ шакъ, иногда иначе. И мой дядя? Не знаю, рѣшусь ли я его видѣшь. Передо мною носился какой-то шуманъ, предвѣщающій несчаспіе, и я спршусь разсѣять его. Прощай!

2.

Дядя Брейзаха къ отцу Брейзаха.

Вѣна.

Сначала, любезный братъ, довелъ было я племянницу нашу Юлію до того, что она

согласилась по крайней мѣрѣ видѣть своего жениха-кандидаца. Я расхвалилъ длинно и красно Христіанскія добродѣтели своего сына, потому что ихъ только считаешь Юлія, также какъ мать и тетка ея, ходячею монетою. Между рѣчей, не забылъ я однако упомянуть и о благородной его осанкѣ, о его мужесквѣ, о живости блестящихъ глазъ его: пускай же герой нашъ побольше впечатлѣется въ умъ дѣвушки. — Мы считали этихъ прехъ женщинъ за причудливыхъ дурь. Напрошивъ, онѣ совсѣмъ не шаковы, хоть правда не вовсе и безъ причудъ. Вось одна, которая глубоко вкоренилась въ умъ ихъ: Юліи же надобенъ мужъ, который бы женился не на деньгахъ ея.

„Но какъ же вы узнаете шакого, милая Юлія?“ спросилъ я. Онѣ усмѣхнулись всѣ при, какъ будто бы увѣрены въ своемъ дѣлѣ. „Надобно,“ сказали онѣ, „чтобъ онъ былъ челоуѣкъ благоразумный, и чтобъ имѣлъ не только одну доброту, но и основательныя правила.“

„А какъ же эшо узнать, моя красавица?“ спросилъ я опять. — „Мы проэкзаминуемъ его хорошенько,“ отвѣчали онѣ.

„Сохрани Богъ! какой мужчина позволилъ вамъ!“ Онѣ снова усмѣхнулись, какъ будто бы шакой мужчина сидѣлъ уже у нихъ

за дверями. Тутъ возвысилъ я голосъ, и выхваляя своего сына, пришелъ даже въ какой-то воспоргъ, чего давно не случалось со мною. Словомъ, какъ сказано, онъ было разлакомились уже посмопрѣвъ на этого диво-молодца; да свой сынъ удержанъ былъ за ремонпомъ. Теперь, спустя нѣсколько недѣль, онъ явился, но въ такомъ разспроенномъ видѣ, съ такимъ наморщевнымъ лицомъ, что я не приложу ума, куда могла двашься его веселосшь, и гошовъ голову прозакладывашь, что въ немъ шаже мало охопы женишься на своей кузинѣ, какъ и въ ней за него выйши. Долго я съ нимъ бился; наконецъ, когда пересчислялъ все по пальцамъ, онъ спцалъ, казалось, сдавашься; но все шаки самъ не въ себѣ: бѣгаешъ взадъ ж впередъ по комнашѣ, рощешъ на судьбу за шо, что честному человекъ нельзя бышь мужемъ и онцемъ безъ двадцати шысячь пшадеровъ, съ каждымъ ушромъ перемѣняешъ свои планы, рыскаешъ по улицамъ, какъ полицейскій шпiонъ; короче, онъ влюбленъ, однако не въ кухню свою.

Наконецъ сдался онъ совсѣмъ: спшало бышь любовь его заешъла либо слишкомъ высоко, либо слишкомъ низко. „Хорошо“ — сказалъ онъ: — „я ошдаю кузинѣ свою руку!“ Тотчасъ скачу я къ ней. Что жъ? И машь.

и дочь, и шешка объявляюшь мнѣ, что не намѣрены уже видѣть моего племянника: Юлія краснѣешь при вшомъ до самыхъ ушей. Я начинаю говоришь, говорю какъ Цицеронъ, съ жаромъ, съ вдохновеніемъ, но женщинамъ все не подь ладъ: онѣ спановящся еще холоднѣе. Наконецъ начинаю ругагься, и шушь объясняется, что Юлія почти уже помолвлена, что племянникъ мой опоздалъ.— Вошь какая бѣда! а все ремонтъ да любовное жеманство швоего сына! Прощай!

3.

ТЕТКА КЪ ЮЛИНОЙ МАТЕРИ.

Вгна.

Когда шуринъ швой Брейзахъ прійдешь къ шебъ, милая сестра, шы можешь начишто сдѣлашь опказъ его племяннику опъ имени Юліи. Шшейнгаузенъ нашъ ведешь себя славно, и Юлія призналась мнѣ въ минулу искренности, что его блзородная и мужеспвенная осанка сдѣлала почти споль же глубокое впечатлѣніе въ ея сердце, какъ и происшествіе съ бѣднымъ мальчикомъ, въ кошоромъ оказалъ онъ себя споль великодушнымъ. Изъ его недовѣрчивыхъ, испышующихъ взоровъ заключала я прежде, что или

онъ видѣлъ насъ у почтоваго двора на спанціи, или мальчикъ въ Аугаршенѣ не шакъ искусно пошупилъ съ запискою; но шеперь думаю, что я ошибалась, хопя между шѣмъ взоры его еще болѣе спали подшерегашъ насъ.

Экзамень, кошорый мы ему сдѣлали, выдержалъ онъ какъ нельзя лучше. Его сужденія о романѣ и о разводныхъ акшахъ весьма основательны. Показалось мнѣ полько, что онъ слишкомъ много въсу даешъ званію мужа. Ты знаешъ, милая, какъ часто жены проливають горкія слезы опъ излишняго мечпанія мужей. Я намѣкнула о шомъ Юліи, но она, съ болѣшею, чѣмъ обыкновенно, живостію спала утверждаешъ, что мужчина долженъ чувствовашъ себѣ цѣну и достоинство своего пола. Изъ этого подавно заключаю я, что въ ней уже болѣе склонности къ молодому человѣку, нежели какъ она сознаешся. Впрочемъ до сихъ поръ онъ сполько же скрышенъ передъ нами на счешъ своихъ обстоятельствъ, какъ и мы передъ нимъ. Это огорчаешъ Юлію, и она никакъ не хочешъ согласишся со мною, что онъ не всѣмъ въ шомъ неправъ. „Милая пешушка“ — говоришъ она съ жаромъ: „если онъ меня любишъ, какъ вы полагаешъ, шо не долженъ имѣшъ недоувѣрчивости. Кшо не вѣришъ,

тошь *хочетъ* обманушь, или уже *обманывалъ*.

— „А развѣ мы вѣримъ, милая?“ — говорю я ей и она молчитъ, оставляя меня безъ отвѣта. Да, любезная сестра, шеперь при вѣномъ случаѣ, вижу я опять, что у сердца есть свои большія права; и кто знаетъ, можетъ бытъ, законъ природы не безъ причины спавишь ихъ въ равновѣсіе съ правами разсудка. Шпейнгаузенъ человекъ швердый и гордый. Въ списокъ добродѣтелей, которыхъ мы шребовали отъ будущаго супруга Софіи, што было пропущено; но за всѣмъ тѣмъ, сверкаюшь глаза ея, и грудь поднимаетъ отъ радости, когда говоришь она въ шоржествѣ: „Какъ онъ гордъ, какъ мужественъ!“ Повѣривъ ми: она просила бы ему даже дурныя наклонности, если бь онъ только повѣжнѣе взглянулъ на нее; она просила бы и настоящій порокъ, если бь увѣрена была въ полной горячности любви его.

Хотя ни за что въ свѣтѣ не согласилась бы она признаться, что онъ обладаетъ уже вполнѣ ея сердцемъ, но ея безпокойство, ожиданіе, шоска, когда его нѣтъ съ нею, говорятъ мнѣ довольно. Мнѣ, право, кажется, милая сестра, что мы уже слишкомъ увидали въ глазахъ ея сердечныя чувства. Она стыднися шеперь, что ея сердце нѣмѣ-

идеть ей, и спрашивая, чтобы я того не замѣтила. Пора бы уже кончить нашу комедію, но она дѣлаетъ ее именно для того, чтобы дать мнѣ почувствовать, будто ей все равно, ждешь ли еще или нѣтъ.

Я боюсь только, чтобы молодой чело-вѣкъ, не зная, за кого принимаешь насъ, по-тому, что мы не сказываемъ, чего ошъ не-го хотимъ, не спать забываешься. Уже и те-перь въ его обращеніи замѣтна иногда ка-кая-то небрежность, кошорую мы своєю скрытностію заслуживаемъ, но кошорой Юлія не примѣчаетъ, пошому, что любовь закрываетъ ей глаза.

Я догадываюсь, что происходитъ въ ея сердцѣ. Она видитъ возбужденную къ себѣ страсть до упоенія, что для нее, какъ и для каждой дѣвушки, сославляетъ высочай-шее порожество; и она видитъ, что ее любятъ безъ увѣренности во взаимной любви: вто-рое порожество, кошорое конечно ей нрави-ся, пошому, что и лучшая изъ насъ имѣетъ свою мѣру щеславія. Она скрываетъ лю-бовь свою, частію ошъ спыда предо мною, частію изъ важничанья передъ любезнымъ своимъ. Можешь быть и то, что эти чув-ства для нее новы, и она не понимаетъ ихъ хорошенько. Впрочемъ нѣсколько должна по-нимать лукавица. Ей хочется только, съ

миною невинности, продолжишь, увеличишь поржество свое. Ей хочешся, чшобъ молодой человекъ продолжалъ любить ее и показывашь что открыто, не будучи увѣренъ во взаимной любви. Если бь она воспитывалась между другими дѣвушками и знала искусство любезничанья, то конечно часто мучила бы его своими причудами; попому, что и пещеръ маленькія хитроспи, кошорымъ учить *природа*, употребляетъ она съ такимъ искусствомъ, какъ бы десять лѣтъ была въ школѣ Амура.

Да, милый другъ, я всегда утверждала, и спую въ помъ, что сама природа вложила во всѣхъ дѣвушекъ въ свѣщѣ немного кокетства. Юлія оказываешь молодому человеку благосклонность, почтительность, горячую дружбу; но при всемъ помъ подсперегаешь она каждый взоръ, каждый вздохъ его, и шапшя. Словомъ: она дѣвушка.

То хвалишь она его разумъ, то оспроуміе, то нравъ и правила. Спрасть не ослѣпила ее впрочемъ до шого, чшобъ она не считала нравственности превыше разума, добрыхъ правилъ превыше оспроумія, какъ часто случаетшя. Но когда я говорю ей: „Вошь, Юлія, спало бышь ты нашла человекъ, какого тебѣ надобно, и какого сыскашь мы опчаявались,“ — шогда опшвѣчаешь

она, улыбаясь: „Ахъ, пешушка, нужно узнать еще многое, прежде нежели“ — шупъ пошупляешь она взоръ со спыдомъ. — „Что же шакое узнать, душа моя?“ — „Довольно ли онъ меня уважаетъ; довольно ли.... нельзя же бышь хорошему браку безъ нѣкошорой склонности.“

И эша исторія возобновляется каждый день, почти каждый часъ. Что долженъ думатьъ объ насъ наконецъ молодой человекъ, кошораго мы хошѣли просить о помощи, и кошорому сами не знаемъ, что сказать? Я думаю, лучше прѣвхашъ шебъ и помышъ голову швоей дочери, а Брейзаху коротко и ясно опказать, пошому что Юлія точно влюблена.

4.

Молодой Брейзахъ къ своему другу.

Въна.

Я обманушь, другъ мой, жестоко обманушь! О, будь объ эшѣ женщины мужчинами, шогда бы.... Я скрежещу зубами опъ досады, что ничего не могу сдѣлать, и принужденъ слышашъ насмѣшки ихъ, злорадостный хохотъ безъ опщценія. Клянупы быше свое и самага себя, что при всей жадности

къ месши, еще вмѣшиваешся въ душу мою любовь къ этой эхиднѣ. О, какъ горячо, какъ искренно, какъ постоянно я любилъ ее; и при всемъ томъ она обманула меня!

Я каждый день навѣщаль этихъ женщинъ, не смотря на то, что съ каждымъ часомъ спановились онѣ мнѣ загадочнѣе. О помощи, для кошорой сначала былъ я призванъ, уже не было и въ поминѣ. Я замѣчалъ въ нихъ что-то шайное, скрыпное; однако не чаялъ ничего злаго, и ходилъ къ нимъ. Въ моемъ положеніи не сдѣлалось никакой перемѣны; обходилась со мною дружески, и только. Но видно было, что хотѣли вывѣдать о моихъ обещанствѣхъ, о моемъ состояніи. Все еще, не предполагая злобы, глѣздящейся въ сердцахъ этихъ женщинъ, я былъ однако оспороженъ. Къ дядѣ я не ходилъ, да и зачѣмъ бы? — Что имя Сольдены вымыслено, уже я замѣнилъ. Но что жъ мнѣ было дѣлать?....

Наконецъ случайно встрѣчаю своего маленькаго знакомца изъ Праги. Спрашиваю о его родителѣхъ, и узнаю, что отецъ получилъ здѣсь мѣсто. Велю проводишь себя къ нимъ, и шамъ встрѣчающъ меня съ радостною признашельностію. Немного спустя, вдругъ жена музыканша проситъ у меня извѣщенія, что сынъ ея подкинулъ мнѣ извѣ-

спную записку. И шупь узнаю, что мальчику поручено эшо было опъ моихъ знакомыхъ. Онъ уронилъ нарочно записку подлѣ себя, и пошомъ ее поднялъ. (Женщины, которыя къ шому его наспроили, были ипъ самыя, что вмѣстѣ со мною оспанавливались на станціи, гдѣ я узналъ мальчика).

Тогда мнѣ все спало ясно. Двѣ путешественницы, узнавъ опъ больной женщины о моей къ ней щедрости, о моемъ мягкосердіи, основали на шомъ свои планы, и зашѣяли порядкомъ обобрашъ меня. Прихожу къ нимъ; но шупь видяшъ онѣ, что я слишкомъ бѣденъ, и дѣлаюшъ изъ меня, что имъ хочешся: свою забаву, предметъ своего развлеченія и насмѣшекъ. Заспавляюшъ меня кришиковать романы и процессы, и, безъ сомнѣнія, смѣюшся до-сыпа надъ глупцомъ, кошорый ничего шого не примѣчаешъ. Музыканшша еще болѣе ушвердила меня въ моемъ подозрѣніи: въ повздку сюда, кошорую дѣлала она вмѣстѣ съ ними, и въ кошорой спарались онѣ какъ можно ближе за мною слѣдовать, чшобъ не упустишъ меня изъ виду, слышала шю, что въ разговорѣ между собою опзывались онѣ обо мнѣ, какъ о хорошей добычѣ.

Мальчикъ рассказалъ шакже, что зналъ, и обрашилъ догадки мои въ извѣстность. Когда принесъ онъ къ нимъ плашокъ, ссужей-

ный больной женщиной, онъ насстроили его подкинувши записку. При этомъ мать сказала дочери, что ей надобно обойтись очень холодно. Эти слова оспались въ твердой памяти у мальчика. И вопшь, какъ я обманушь!

Я былъ у дяди. Онъ пошчасъ началъ говоришь, что имѣешь большую надежду на бракъ мой съ кузиною. Едва могъ я дать ему какой нибудь отвѣтъ. Да и смѣю ли я предложить кузинѣ сердце, въ кошоромъ все еще хранился воспоминаніе о презрительной женщиной? — Дни и ночи провожу я въ предположеніи шой или другой возможности, кошорая хошя сколько нибудь могла бы оправдать ее; но послѣдствіемъ шого бываетъ шолько истомленіе души, еще болѣе огорченной. — О, если бъ въ сердце шшой дѣвушки была хошя искра добродѣтели, человѣчества, — любовь моя и вѣрность превращали бы ее въ яркое пламя!

Горе мнѣ и горе имъ! — Да, горе имъ!

Сегодня былъ я у нихъ въ послѣдній разъ. Я жаждалъ мщенія, кипящаго мщенія, и за всѣмъ шѣмъ, коварный взоръ ея пошушилъ

пламя гнѣва, которое шакъ сильно пылало въ моемъ сердцѣ. Но что нибудь я долженъ былъ сдѣлать. Я сказала, что примѣю ихъ не у мѣста, что имъ не перехитришь меня. Онѣ осыпали меня упреками, и я убѣждала, чувствуя свою слабость.

Кузина моя опвергаетъ мою руку; ея выборъ уже сдѣланъ. Тѣмъ лучше! О, могли я сморгнуть на женщину иначе, какъ не съ презрѣніемъ и ненавистью, когда меня обманула дѣвушка, которую полюбилъ я прежде всѣхъ, и шакъ искренно ?

Я возвращаюсь опять въ свой гарнизонъ. Дядя хочешь, чтобы я оспался, но никакъ не могу.

5.

Тетка къ Юлиной матери.

Вѣна.

Теперь я признаюсь, что справедливость была на сторонѣ Юліи, любезная сестра! Добрый духъ наспавилъ ее. Что бы спало съ нею, если бы она разгадала загадку! Она сдѣлалась бы добычею злодѣя; теперь же вдалась только въ несчастную любовь. Онъ посѣщаетъ насъ ежедневно; попомъ нѣсколько

дней не приходилъ. Его опусившееся слиткомъ подѣйствовало на Юлію. Она проговорила уже, что любовь ея къ этому человѣку усиливается съ каждымъ днемъ, а изъ нѣкоторыхъ словъ замѣнила я, что она намерена прервать молчаніе и открыть ему все. Вчера онъ пришелъ, и она встрѣтила его дружески. Въ глазахъ его было что-то дикое, на челѣ черта коварства, и на устахъ, которыя принуждалъ онъ къ улыбкѣ, злобное шоржество. Юлія однако ничего этого не видала.

Я замѣнила, что она искала уже случая перейти къ открытію тайны. Съ нѣкоторою горячіею стала она убѣждать его, имѣть къ ней довѣрчивость. О, какъ велика должна была быть любовь ея, когда не видала она коварства и злобы, изобразившихся вдругъ на лицѣ его. Тутъ наконецъ обнаружилось все ненавистное его сердце. Онъ взялъ ее за руку, и сказалъ съ презрительнымъ смѣхомъ: „Мамзель Сольденъ (если вы такъ называетесь), уже время, кажется, снять намъ маски, которыя стягиваетъ наезъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы довольно долго и очень искусно носили ихъ; пора показаться другъ другу въ настоящемъ видѣ. Вы считали меня за богатого глупца, которому ваше хорошенькое личико и болшанье о добродѣтели могутъ

вскружишь голову. Записка ваша, какъ вы желали того, почто попала въ мои руки. Но вы видите, что я съ самаго начала зналъ васъ хорошо, и вы очень ошибались, смѣясь надъ моею простиною. Впрочемъ вы никакъ нѣкопорышь образомъ на то право. Ваше недурное лице сдѣлало на меня пріятное впечатлѣніе еще на станціи; а записка дала мнѣ средство съ вами познакомиться, какъ я того и желалъ. Вы разставили сѣти, а я далъ себя поймать.“ (Тушь онъ захохоталъ.) „Мнѣ кажется однако, что мы худо употребили время свое и труды. Вы все еще хотише представлять добродѣтельную; а я — мнѣ нужно время для чего нибудь лучшаго, нежели пѣть гимны вашимъ добродѣтелямъ. И такъ приступимъ безъ околичностей къ дѣлу, или разстанемся по дружески!“

Сестрица, ты не вообразишь себѣ, какое ужасное дѣйствіе произвели на насъ эти слова! Юлія поблѣднѣла, препенела, какъ листъ, упала на спудъ и закрыла руками лице, чѣмобъ не видѣшь и не бышь видимой. Она была въ такомъ жалостномъ положеніи, что мнѣ нельзя было мѣшкать. Употребивъ все силы, чѣмобы собраться съ духомъ, я сказала: „Оставъше насъ, государь мой! вы злодѣй! Оставъше насъ, или я зову весь домъ на помощь!“ — „Этого не сдѣлаешь, голубуца-

жа!“ — опивчалъ гнусный человекъ очень равнодушно и съ ужасною злобою въ глазахъ: „Полиція здѣсь строга!“

Тутъ всмала Юлія, подошла къ нему гордо, и съ благороднымъ негодованіемъ сказала: „Государь мой! я жестоко въ васъ обманулась. Вы даже не знаете, какъ жестоко! Но я благодарю Бога, что онъ не слишкомъ поздно открылъ мнѣ коварнаго!“

Тутъ онъ вспыхнулъ, и я обрадовалась, пошому, что прежняя холодность его была совершенно неприсшупна. „Коварнаго?“ сказалъ онъ: коварнаго? Не доводите меня до крайности, сударыня; иначе я васъ погублю!“

„Жалкій человекъ! возразила Юлія: оставьте насъ! Вы спали мнѣ презришельны!“

Онъ, казалось, хотѣлъ еще опивчаться, но подумавъ, захохоталъ и пошелъ, сдѣлавъ намъ небрежный поклонъ. Я съла въ изнеможеніи. Юлія прошла еще раза два по комнатамъ. Наконецъ остановилась и воскликнула, поднявъ руки къ небу: „Благодарю Бога, что Онъ предосшерегъ и спасъ меня. Къмъ почищаетъ меня вшощъ человекъ? И не правъ ли онъ? Боже, я сгараю отъ спыда! Мы заманили его запискою. . . . О Боже! съ перваго мгновенія считалъ онъ меня презришельнѣйшею шварью. И его великодушіе была маска, кошорую онъ надѣлъ на себя. Но за всѣмъ

нѣмъ — все еще не понимаю я, для чего онъ теперь только объяснился? Какое намѣреніе имѣлъ прошивъ меня этого злодѣй?“ Такъ измѣлились чувства Юліи въ упрекахъ на себя и въ гнѣвѣ на безспыднаго. Мало по малу, начала она разсуждать покойнѣе. Какъ ей, такъ и мнѣ кажутся поступки этого человѣка непонятными. Посмотрѣла бы ты, какими яснѣйшими признаками самой почтительной любви умѣлъ онъ обворожить насъ! Вѣроятно, хотѣлъ онъ, считая Юлію легкою добычею, соблазнить ее, а потомъ ошдаться на поруганіе. Ахъ, милая сестрица, ему удалось еще болѣе! Какъ ни презираешь Юлія характеръ этого человѣка, но — она любишь его.

Какая прогашельная была сцена, когда она вечеромъ, проливая горькія слезы, принавадалась мнѣ въ этомъ! Наконецъ стали вырываться у нее хопя не прямые, но шѣмъ болѣе чувствительные упреки прошиву насъ, что довели ее до такого безумства. Она припомнила слова дяди своего Брейзаха, который утверждалъ: что сердце должно избирать, а разсудокъ только обсуживать выборъ; поному, что съ любовью тысячи недоспашковъ шановяшся непримѣтными, но разсудокъ, сдѣлавъ разъ ошибку, никогда ея

не исправишь. Это повторяла она часно; ж — советъ ли она несправедлива?

Такова своя Юлія, что на другое же утро всѣла она съ покойнымъ лицомъ, и съ большою разсудительностію говорила о любви своей къ обманщику. Она рѣшилась однако исправить свою ошибку. „Какъ же, милая?“ спросила я. — „Я выйду за своего родственника, если онъ не откажется обладать дѣвушкою съ половиннымъ сердцемъ. Можешь быть, не въ состояніи буду любить его; но всѣ свои обязанности буду исполнять усердно.“

Завтра по утру мы ѣдемъ отсюда. Она хочетъ еще написать къ своему дядѣ, и теперь занимается этимъ.

Старый Брейзахъ былъ у насъ, и Юлія все пересказала ему. Добрый дядя — я начинаю отъ души любить его — сдѣлалъ намъ обвинъ спротивъ выговоръ. „Ничего не знаю хуже“ — говорилъ онъ Юліи: „какъ сватовство на оборотъ то есть, со стороны дѣвушки. И если бъ ты разсудила, другою, что молодой человекъ, которому попала записка, хотя бы онъ и не зналъ, что она именно на него мѣчена, все таки долженъ получить объ васъ самыя дурныя мысли, видя, какъ вы пришворспвуеете... Благодарь еще Бога, что онъ не сдѣлалъ съ

побою чего нибудь хуже!“ Намѣреніе Юліи, выйдя за его племянника, искренно имъ любимаго и прїѣхавшаго сюда за нѣсколько дней, онъ очень одобряетъ. „Только прошу тебя, Юлія“ — сказала онъ: „не слишкомъ съ нимъ искренничай! Пущь онъ прежде увидитъ тебя, полюбитъ, потомъ станешь сватаваться. Пущь все будетъ, какъ водится: это нужно для его и для своего счастья.“ Черезъ нѣсколько дней, хочешь онъ привести къ намъ молодаго человѣка. Присылай къ намъ экипажъ; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

6.

Дядя Брейзаха къ отцу Брейзаха.

По полученіи втораго письмеца, ты пошчасъ долженъ бросишься въ повозку и ѣдешь сюда. Диковинныя вещи здѣсь случились. Причудница Юлія вздумала сама высватать себя женишка. На почтовомъ дворѣ ближайшей отсюда станціи, случилось ей видѣть, какъ одинъ молодой, прекрасный собою мужчина сдѣлалъ благодаріе бѣднымъ. Она подумала: наша, кого надобно! и вдругъ подкидываетъ ему здѣсь записку, въ которой проситъ о пособіи. Молодой человѣкъ начинаетъ къ ней ходитъ, видитъ, что шутъ что-то не даромъ, счищаетъ наконецъ Юлію

за одну изъ дѣвушекъ извѣснаго рода, и очень жестоко съ нею прощается.

Все это рассказывала мнѣ Юлія со слезами, и обѣщалась выйти за своего сына. Я пошелъ домой, и спросилъ у племянника, хочешь ли онъ жениться на кузинѣ. Тутъ онъ мнѣ началъ рассказывать: на почтовомъ де дворѣ ближайшей отсюда станціи, случилось ему сдѣлать пособіе бѣднымъ, и шакъ далѣе. Корошко сказать: твой сынъ потъ самый молодецъ, которъй понравился Юліи. Едва могъ я удержаться, чшобъ не захохотать во все горло. „Я все еще люблю обманщицу!“ говоритъ онъ, а она говоритъ: „Слыжусь, но должна признаться, что не могу ненавидѣть этого презрительнаго челоуѣка.“

Черезъ два дни, заспавилъ я племянника принарядиться и усстроилъ лице свое, какъ приспало жениху, и поѣхалъ съ нимъ къ Юліи. Лишь только мы вошли, Юлія громко вскрикнула, а сынъ свой вышарашилъ глаза. Спрашиваю: „что вы, дѣши? Это Юлія, своя кузина, а это Карлъ, мой племянникъ !

Тетка кричитъ: „Боже мой!“ и опшеда меня въ уголь, шепчетъ на ухо: „это и есть потъ обманчикъ!“ я опшѣчаю шже на ухо: „это я давно знаю!“ Сынъ свой дѣлаетъ очень пресподушную мину и гово-

ришь мнѣ сквозь зубы: „Это ша самая дѣвушка!“ — Я ошвѣчаю шакже шихо: „Это я давно знаю!“ — Юлія, дрожа всѣми членами, шепчешъ мнѣ: „это пошь самый“... — „Кого ты любишь?“ ошвѣчаю я: „Онъ чеспный малый; въ эшомъ могу увѣришь тебя.“

Невѣстка шшояла шущъ, какъ будшо на куриныхъ лицахъ, кошорыхъ не хошѣла раздавишь, и спросила наконецъ: „Что жъ изъ эшого будешъ, Брейзахъ?“

Тущъ ошвѣчалъ я громко, чшобы всѣ слышали: „Ничего, кошрѣ возобновленія шшараго знакомшва. Вошь эшонъ молодець искалъ себѣ доброй жены; вошь эша дѣвушка шмышляла себѣ добраго женишка. Судьба све-ла ихъ. Дни шри назадъ, узнаешъ онъ онъ бѣднаго мальчика, чшо записка писана къ нему, а не къ кому другому, шчишаешъ свою любезную за одну изъ шѣхъ, кошорыя ловяшъ мужчинъ на всѣхъ перекресипкахъ, и полагаешъ себя обманушымъ. Эшо его бѣсишь; въ ошмщеніе, говоришь онъ, чшо давно все зналъ, и чшо не онъ вдался въ обманъ, а кузина его. Она послѣ шого заключаешъ, чшо онъ злодѣй, въ чемъ однако же очень ошибаешся.“

Тущъ Юлія взглянула на швоего сына. Онъ приблизился и шшалъ предъ нею на колѣна. Между шѣмъ рассказалъ я все проис-

несшіе еще подробности, и подалъ кузинѣ нѣсколько писемъ, копорыя сынъ нивой писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей, и за копорыми посылалъ я вѣсташу. И такъ конецъ пѣсни былъ токъ, что она бросилась другъ другу въ объятія, покаялись въ неразрывной любви, и просили прощенія во взаимныхъ обидахъ.

Пріѣзжай, братъ! Черезъ мѣсяць будешь у насъ свадьба. Посшарайся объ оставкѣ нивого сына, потому что служить ему уже нельзя.

Мальчика изъ Праги взяли они къ себѣ, какъ благодѣшьяго посредника, способствовавшаго ихъ соединенію. И такъ сынъ нивой заживетъ семьяниномъ и, какъ я надеюсь, весьма счастливымъ.

Ж.

К Р И Т И К А

РАЗВОДЪ ПОЭМЫ КНЯЗЯ ШИХМАТОВА:
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

(Окончаніе.)

Въ 1 пѣсни, послѣ воззванія (*) къ сла-
вившимъ Петра, своимъ предшественникамъ,
которыхъ по скромности спавишь гораздо
выше себя (къ несчастію объ нихъ, исключая
Домоносова, и упомянуть нечего), Поэму
представляешь намъ роскошную каршину
ушра въ южныхъ странахъ.

Пушкинъ, въ прозрачную лѣтнюю ночь,
оживилъ себя ошдыхомъ близъ цвѣтущей
рощи ,

(*) Въ строфѣ, слѣдующей непосредственно за
онимъ, замѣтили мы стихъ, исполненный глу-
бокаго чувства:

Не терпѣшь сердце нѣмоты !

снихъ, которыми бы должны руководствоваться
въ всѣ цѣлующіе. Говори въ печали, передъ ли-
цемъ столькокихъ тебѣ незнакомыхъ, только шо-
гда, когда швое сердце не терпѣшь нѣмоты, и
ты облагородилъ званіе Писателя; швое *Ав-*
торство уже не будетъ ремесломъ; швои слова,
ознаменованныя вдохновеніемъ , будутъ живы ,
увлекательны, всшнны.

Гдѣ въ нѣгѣ дремлешь шишина,

Спрясаешь понкій сонъ съ очесъ,
Грядешь подь сѣнь гусшыхъ древесъ,
И шамъ, спокойствомъ огражденный,
Возсѣвъ на древній мшистый пенъ,
Онъ ждешь съ желаніемъ сердечнымъ
Царя планешамъ быспрошечнымъ,
Который воскрешаешь день. —

Какъ зимній дымъ бѣлюшь мраки,
И ушро съ розовымъ лицемъ,
Гоня зловидные призраки,
Блишая злашомъ, багрецемъ,
Дыша живишельной прохладой,
Бѣлишь и горы и поля.

Сребромъ усыпана земля
Всемишной полнишься опрадой;
Насмалъ пріятный первый шумъ,
Прешортглась цѣль ноцнаго пѣвна,
И пушникъ, преклонивъ колѣна,
Вперилъ къ востоку взоръ и умъ. —

Се солнце, искра славы Бога,
Изъ безднѣ исходишь, какъ женихъ
Младый ошъ брачнаго черпога,
Ліешь, расшитель благъ земныхъ,
Пошоками свой свѣшь державный
Поверхъ смѣющихся долинъ;
И радуясь, какъ исполнишь,
Всшупаешь смѣло въ путь преславный;
Вошще прешаешь ему пары. . . .

Оно и въ нихъ своимъ *всеплоднымъ* лучемъ гошовишь дары челоѳку, и печешъ, исполненное

. красы и мира! —
 Предъ нимъ зашмилася луна,
 Померкли всѣ свѣшила міра,
 Лишь имъ вселенная полна;
 Его сіянемъ пораженной,
 Въ убійствахъ цѣпенѣшь левъ,
 Бѣдишь, смиришь свой ярый гнѣвъ,
 Рушишель шишины блаженной,
 Сокрышься въ шощія скалы:
 Зміи шипя ползушь въ пещеры;
 И пушникъ, полнь восторгомъ Вѣры,
 Ощю времянь поешъ хвалы. —

Въ семь прекрасномъ ошрывкѣ, насъ особенно поразила черша, схваченная съ природы:

Наспалъ пріятный первый шумъ!

Всякой спранспвовавшій вѣрно испыталъ, сколь въ самомъ дѣлѣ пріятень эшошь первый шумъ послѣ труднаго, безмолвнаго путешеспвія ночью! Приноровленіе же всего изображенія къ герою и къ самому Поэшу придаешъ оному новую высокую прелестъ:

Такъ я, зря духомъ восхищеннымъ
 Петра Велибаго воспокъ,
 Паду предъ солнцемъ симъ священнымъ!

Сіи при спиха вдругъ сливаюшь въ одно цѣлое уподобленіе и уподобляемое, главный предметъ всей Повмы и ошступленіе.

Эшо прекрасное преддверіе, ведущее прямо въ великолѣпное зданіе.

. Вторая пѣснь равномерно начинается съ описанія, объясняющаго то, что Пѣвецъ намѣреваеться въ ней повѣдать своимъ слушателямъ, т. е. внутреннее образованіе Россіи Петромъ Великимъ.

Таковъй пріемъ для насъ послѣ первой пѣсни конечно уже не новъ; онъ даже придаетъ ходу Поэмы нѣкоторое однообразіе; но веселый съюмокъ со снраны, одаренной всѣми благами земными, нѣжнѣе воображеніе живымъ начеркомъ, свѣтлыми красками. И такъ взглянемъ на сей опрывокъ оцѣвально, забудемъ, что онъ есть часть цѣлаго. — Авшоръ указываетъ намъ на богашую, роскошную цуспыню, на злачныя поля, орошенныя обильною влагою, шучныя равнины, кошторыя не лишены пріятства,

Но безъ шруда искусныхъ рукъ
Безплоденъ ихъ пребудеть шукъ,
Богашшвъ не израсшишъ ихъ нѣдро;
И пушникъ съ высоты горы,
Измѣривъ ихъ успалымъ обомъ,
Жалѣешь, что во снѣ глубокомъ
Лжашъ благихъ небесъ дары. —

Межъ тѣмъ едва къ нимъ....

... свой умъ небесный
И силу брѣпкихъ мышцъ своихъ
Приложишъ Царь земли словесный,

Уже лице равнинъ нагихъ
Цвѣшеть красою разнообразной.

.

Распущъ дубравы насажденны,
Холмовъ присолнечныхъ вѣщи.
Густою шнью услажденны,
Поюшь воздушные пѣвцы;
И гласы пѣсней ихъ созвучныхъ,
Угодныхъ самой жишии,
Віются къ выспренней снранѣ;
На пажитяхъ зеленыхъ, шучныхъ,
Снада долащъ общихъ, нравъ,
Воловъ, орашелей прилежныхъ
Овецъ рунистыхъ, блосквжныхъ
Пасущся сочносною шравъ. —

Капая съ высокош въ долины зланы,
Лобзая пестрые луга,
Звеняшь испочники прозрачны;
Извивъ змиами берега,
Теряюся въ своемъ Дедалѣ.
Озера, зыблясь межъ древесъ,
Сугубяшь красошу небесъ
Въ кристалльномъ чистыхъ снруй зеркалѣ.
По сводамъ шѣнистыхъ пещеръ,
Убѣжищъ лѣшнїа пролады,
Кипяшь сребристы водопады,
И бѣгъ ихъ швердосшь камней снерь! —

Ушѣха взору и горшани,
Висятъ червленые плоды,
Прїятнїа приносятъ дани
За легкіе о нихъ шрудї.

.
 Заря, возсхавъ съ одра восшока,
 На землю одождивъ жемчугъ,
 Срѣшаетъ чуждое порока
 Блаженство сельское вокругъ

И солнце, съ запада злая
 Вечернихъ облаковъ омешы,
 Зришь долу счастье и миръ,
 И спранники

Текушь на сей природы пиръ!

Въ швореніяхъ Поэша всегда, не рѣдко даже безъ его на шо согласія, отражается онъ самъ, ошесвѣчивающіа его собственныи образъ мыслей, его чувствва, опышы, наклонности, любимыа занятія. Такъ напримѣръ, многія мѣста въ Одахъ Ломоносова являющіа его истиннымъ сыномъ Свѣра, воспитаннымъ на берегу Ледовитаго Океана, умомъ, которыи въ младенчествѣ поражаема грозными, дивными огнями и призраками полуночнаго неба; другія доказывающіа его знакомство съ Естествошвенными Науками, особенно съ Химіею. Пепровъ, смѣлою, мощною кистью оживляетъ предъ нами коня — и, какъ извѣшно, былъ спраспный любитель сего благороднаго живошнаго. Въ Мильшонѣ легко найши подробности,

кошорыд полько сльпецъ могъ описатъ,
 какъ онъ ихъ описалъ. Во многихъ и не-дра-
 машическихъ сочиненіяхъ Гетевыхъ виднѣтъ
 драматическій Поэсъ, даже Дирекшоръ Теа-
 шра, знающій всѣ шайны лицедействія, знаю-
 щій самыя мелочи, опъ коихъ зависитъ ус-
 пѣхъ предспавленія. Если бы мы и не въ-
 дали, что Князь Шихматовъ служилъ во
 флотѣ, мы, прочитавъ его удачныя изобра-
 женія моря, кораблей, пристани, бури, мор-
 ского сраженія,—догадались бы, что онъ дол-
 женъ бытъ знакомъ съ Океаномъ.

Во вперой пѣсни, онъ указываетъ намъ на
 Пешрово училище, богашую Голландію :

Онъ (ш. е. Петръ) аришь—шудами согражденный
 На блахахъ велельпный градъ,
 Сшомя прошоконъ опрожденной (*),
 Цвъшущій красошой, какъ садъ.
 Пристанище пловцевъ несмѣшныхъ,
 И шоранище всея земли.
 Сыны щедршы, — корабли —
 Въ оградахъ мира безнавѣрныхъ,
 Безшрашно слыша шумный въшрь,
 Не убъгая бури мрачной,
 Сшояшь, какъ зимній лѣсъ прозрачной,

 Опъ стѣтъ до дальнаго обзора
 Гдѣ съ бездной смежны небеса,

(*) Произведенный, иногда и вновь рожденный,
 возобновленный.

Бълюшь радостно для взора
 Волнисты, снѣжны паруса,
 И весла возмешають воды.

Туда, по волѣ челоуѣка,
 Корнисты, сѣвера сыны,
 Надменны долгошою вѣка,
 Сшекались съ кремнистой вышины;
 Ишамъ, искусствомъ искривленны,
 Да съ бурями воюють вновь,
 Какъ брашья, коихъ связь любовь —
 Жельзомъ связанны — скрѣпленны,
 (Не духъ ли жизни онимъ данъ?)
 Согромождающа въ громады:
 Предъ ними потрясуша грады!
 Смирнися ярый океанъ! —

Тамъ Петръ, славнѣйшій изъ владѣльцевъ,
 (Единственъ вѣкъ примѣръ шакой!)
 Трудился въ сонмѣ древодѣльцевъ,
 Своей державною рукою,
 Не скипетръ обращалъ — сѣкиру;
 Но часный спукъ сѣкиры сей
 Раздался по вселенной всей!

Потомъ Поупъ переносишся въ Россію: уже
 въ первой пѣсни онъ намъ явилъ своего героя
 на водахъ Яузы, въ челнокъ, который очень
 удачно называешь *зерномъ* и *корнемъ гроз-*
ныхъ флотовъ, дѣдомъ ужасныхъ въ моръ,
мошныхъ внуковъ; онъ и шамъ уже сказалъ,
 что Петръ,

Великихъ начинаній полнъ,

Уже свѣсняется рѣкою
И порывается въ моря!

Во 2^й же пѣсни славить поспроение первого
Русскаго корабля, которъй возникъ, какъ
власпишельный (*претящій*) исполинъ,

Какъ огнедышуца гора,
Въ которой свѣсть ужасъ спящій,

Возникъ и, презирая брегъ,
Въ разливъ зыбей просерь свой быгъ!
Женеть (гонить) ихъ предъ собой свѣною
И слѣдъ его — кипящій ровъ!

При звукахъ радостныхъ, громовыхъ,
На брань ошъ приспани свѣща,
Всшупаешь въ царство волнь суровыхъ:
Дубъ — шѣло, въшрь — его душа!
Хребеть его — въ ушробъ бездны
Высоки щеглы — въ небесахъ;
Лешить на легкихъ парусахъ,
Ошвергнувъ весла бесполезны

Лешить — на гордосшь мечеть пламень,
Носящъ велики имена,
Твое, неломкй Вѣры камень,
На коемъ Церковь создана;
Твое, сосудъ Христу избранный,
Который выше всѣхъ чудесь
Иарилъ до шрешихъ небесь!

Корабль нарѣченъ во имя Св. Пешра и Павла.
Князь Шихмаповъ воспользовался симъ об-
стоятельствомъ, какъ бы въ подобномъ слу-

*

чаѣ воспользовался имъ Кальдеронъ (*); онъ обращается къ нимъ, къ первоверховнымъ въ Апостолахъ, онъ у нихъ испрашиваетъ благословенія сему дѣлу руки Петровой, да снова смѣлые подвижники Господни, Пётръ и Павелъ,

Караятъ дерзосныхъ и злыхъ! —

Теперь, для проповѣдностности, представимъ своимъ читателямъ двѣ картины ужасовъ

(*) Съ Кальдерономъ Князь Шихмаговъ вообще имѣетъ сходство рѣшительное: въ обоихъ встрѣчаемъ одинакую, спрогую, нерасплѣтную свѣтскимъ умничаньемъ приверженность къ Вѣрѣ своихъ праотцевъ; въ обоихъ одинакое знаніе шамиствъ Религіи и обрядовъ церковныхъ, душа обоихъ напшана чтеніемъ Священнаго Писанія и Св. Опець: — цвѣтущій слогу и шого и другаго представляетъ одинакій опичапокъ восшочной роскоши; краски ихъ пламенны; мысли ушонченны; иносказанія, олицетворенія, уподобленія въ ихъ швореніяхъ во множествѣ. Оба они, подобно Поэтамъ Азіи, любятъ играть словами, и напрасно бы сію послѣднюю склонность назвали порокомъ; она иногда происходитъ отъ обилія мыслей, отъ избытка чувствъ, а не отъ холоднаго шолько оспроумія: есть различіе между игрою словами, попадающеюся въ Шекспиръ, Кальдеронъ, Гафисъ, и шую же игрою, когда употребляютъ ее вялый Дорашъ или бездушный Марини.

морскихъ — сраженія, и пошомъ бури: объ
взяты изъ шестой пѣсни:

Ряды воинственныхъ громадъ,
Рукой Россійской сочлененныхъ,
Подвиглись средь зыбей надменныхъ,
Пловущій, спройный, спрашчый градъ!

Холмами распекались волны
Предъ смѣлымъ шествиемъ его.
Твердыни, месью Гонямъ полны,
Злодѣямъ сѣвера всего,
Въ пространномъ рѣзкихъ волнъ разливѣ
Текушь — и шумныя бразды
Въ пучинѣ сланоѣ (соленой) ихъ слѣды!
И поншь подобенъ зришься нивѣ.
Криль свои расширивъ въшрь,
Лешить по высотѣ воздушной,
И дышишь силою послушной,
Куда войной стремишься Петръ:

**Но флоты Россійскій и Шведскій встрѣ-
нились:**

Ошверзлись жерла громомешны,
Ревушь по воздуху всему;
Свербають молніи несчешны,
Въ непроницаемомъ дыму,
Что вверьхъ клубишся облаками,
Волнами идешь по волнамъ.
Раздался гуль по глубинамъ:
Прольешся въ море кровь рѣками!
Оружіемъ смершей и рань
Взаимно рашують громады,
И съ визгомъ ядръ лешащихъ грады
Посыпались съ обзихъ спраць! —

Ошъемлюшъ полдень солнцелучной
 Ошъ зрѣнія, густыя мглы;
 Мерщвѣшъ слухъ ошъ брани звучной;
 Робѣя, падаюшъ валы,
 Ошъ часныхъ пагубы ударовъ;
 На часпи рушашся суда,
 И спонушъ воздухъ и вода;
 Багрѣшъ небо ошъ пожаровъ,
 Сихъ грозныхъ свѣшочей вражды;
 И огонь свирѣшпшвуешъ на морѣ.

Корабли:

То грязнушъ въ глубинѣ, какъ камень,
 То гибнушъ, зыблясь по волнамъ;
 Сквозь дымъ сполнами блещешъ пламень,
 Крушишся къ выпренимъ спранамъ.

.

Проникнувъ искрою одной
 Въ ихъ шемны, жупельны ушробы,
 До самыхъ облакъ мещешъ вдругъ
 Курящися ихъ обломки,

.

И мракъ разносшся вокругъ! —

И вошь:

Уже покрылся влажный долъ
 Развалинами Готской силы
 Помосшами кровавыхъ швъ!

Вошь непрямщельскій Адмиральскій корабль:

Всѣхъ Готскихъ кораблей швъна,
 Сполъ крѣпосши всего ихъ флота,
 Дештойный имени Слона,

Сквозишся молніей Петровою :
 Своихъ безчленныхъ шруповъ полнь,
 Какъ шрупъ, колеблешся средъ волнь;
 Но движимъ дерзостью суровой,
 ПЕТРА мечщающей сощершь,
 Гремилъ — изпрасны громы бранны!
 Уже въ его опверсны раны
 Шпекають съ шумомъ страхъ и смерти!

Петръ побѣдилъ; онъ шечепь обратню, увѣнчаннй славою; но

Внезапу съ шумомъ дхнулъ духъ бурный,
 Расшоргнулъ шыящу оковъ :
 Бугры гусшыя облаковъ
 Защмили ясный сводъ лазурный;
 Сошла безвременная ночь
 На воды спраждуци, ревуци;

• • • • •
 Какъ горы, грозны и высоки
 Восходящъ волны до небесъ;
 Межъ ними пропасши глубоки
 Зіяющъ зрѣнію очесъ;
 И бурей корабли боримы,
 То вдругъ висащъ на вышинѣ,
 То вдругъ собрылись въ глубинѣ
 И долу влающся (колеблющся) незримы.
 И вихрь, ужасный бышрошой,
 Сорвавъ съ валовъ крушыхъ вершинны,
 Поверхъ гористыя пучины
 Разносищъ пылю гусшю. —

Побрышый пѣною кипящей,
 Клубами бѣлыми, какъ снѣгъ;

Ошь бездны, швердь (*) его рязцей,
 Трепещешь, воешь швердый брегъ! —
 Тягчися воздухъ шемною;
 Лишь молній смертоносный лучъ
 Сверкаешь изъ чреватыхъ шучь;
 Надъ всею моря широкою
 Являешь пагубы позоръ;
 Ударъ сугубишя ударомъ,
 И небо зришся въ гнѣвъ яроеъ;
 Все шпрахъ, смяшеніе, раздоръ! —

Изъ мрачной глубины полночи
 Не блещушь болѣе огни,
 Лишь шма мрачишь пловущихъ очи,
 Лишь вышры рашуюшь одни,
 Мчашъ Россовъ къ смерши неизбѣжной;
 И близъ уже шумяшь валы,
 Біась обь осприя скалы,
 На коихъ крушизиъ мяшежной
 Вишяешь гибель кораблей,
 И шамъ, рукой немилосердой,
 Спираешь въ прахъ сославъ ихъ швердой —

Сія шесшяя пѣснь одеа изъ лучшихъ во всей
 Повмѣ: въ ней изображень между прочимъ
 также походъ Петра на Персію. Чшо нашъ
 Авшоръ говоришь о бѣдшвіяхъ, побѣжденныхъ
 Россами — въ ей шпранъ, шноль гибельной
 для шпомцевъ зимы, для племенъ хладной
 полуночи?

(*) Здѣсь весьма удачно, вмѣсто словъ: *твердость* или *крѣпость*.

Тускнѣешь солнце въ полдень знойной,
 Какъ спадъ калился горній сводъ ;
 Ошь суши жершведно-покойной,
 Ошь дремящихъ Каспійскихъ водъ ,
 Несушя грозы облаками ,
 И рашный начинаюшь споръ
 Поверхъ крупыхъ, Кавказскихъ горъ ,
 Въичанныхъ вѣчными снѣгами ;
 И молній быспрошечный лучъ,
 Гонимый бурнымъ, громнымъ шрескомъ
 Народы успрашай блескомъ,
 Свирѣпшвуешь ошь шучь до шучь —

Какъ пещь, дыхаетъ небо жаромъ,
 И пебу огненны пески
 Прошиводышашъ знойнымъ паромъ,
 И чувшво жажды и шоски
 Спѣдаетъ жизнью одаренныхъ.
 Изъ шлѣющихъ подземныхъ нѣдръ
 Исходмшъ смершносный вѣшрь.

Сей въперъ, говоришь. Поэшь, подобенъ ши-
 рану, кошорый велишь, да всякій, къ кому
 ни обратишя,

Со шрахомъ припадаетъ долу ;
 Прошивныхъ грозному глаголу
 Мершвишь дхновеніемъ своимъ.

Едва свое священно око
 Сомбнешъ изнеможеный день,
 И ляжешъ по полямъ широко
 Ношная шшина и лѣнь:
 Уже изъ мрачныхъ логовищей .

Выгушь гiecна, шигрь и левъ ,
 Немолчный испуская ревъ ,
 Алкаюшь пресыщившись пицей;
 Далече разливаюшь спрахъ!
 Старая жаждой кровопійства ,
 Творяшь безчисленны убійсхва
 Въ лѣсахъ, въ долинахъ, на горахъ.

Или, изъ шучь чернобагровыхъ
 Вихрь хищный, испоргаясь вдругъ,
 Солушникъ бурь, какъ смершь суровыхъ,
 Со свисомъ вьешся вокругъ и вокругъ,
 Полешомъ возмешашь бурнымъ
 Пески, какъ волны, къ облакамъ,
 Грозишь кончиною рѣкамъ,
 И пьюю небесамъ лазурнымъ;
 Смѣсивъ и доль и высоту,
 Равняешь горы и долины,
 Кладешь во прахъ градовъ вершины,
 На все наводишь пушпошу! —

Или, ошь блашь и безднъ плешворныхъ,
 Возникнувъ гладный люшый моръ
 Во мглѣ шумановъ злорасшворныхъ,
 Лешишь — и съ нимъ смершей соборъ.

Или . . . но какъ исчислишь словомъ,
 Сколь гибельна сія земля?
 Гдѣ небо пламеннымъ покровомъ,
 Жельзны кажутся поля?
 Гдѣ гнусны, смершелны гады,

Плодяшся всюду безъ числа,
 Которыхъ изощренны лды,
 Какъ молніи палящій лучъ,
 Мгновенно проникають въ жилы,
 Смуцають мысли, чувсхва, силы
 И жизни изсушають ключъ! —

Князь Нихматовъ въ семь опривкѣ живописаль глазамъ нашимъ знойный Иранъ со всѣми его ужасами, съ *самумомъ* (*), чудовищами, незапными бурями, чумою, живописаль, какъ будто бы самъ долгое время жилъ на Воспокъ — въ сосѣдствѣ Муганской степи, сего опечесхва змѣй и гадовъ, гдѣ они точно плодяшся безъ числа, гдѣ, какъ увѣряешь Квинпъ Курцій, и какъ понынѣ народное преданіе повѣснвуешь, — Александръ (Шайсандеръ) обратился вспяшь, воспищенный въ своемъ шесшвиі несмѣшнымъ множесшвомъ пресмыкающихся. — Вдохновение замѣнило Поэшу опышь и наблюденія: онъ душою перенесся въ Персію, и ни одинъ пушешешвенникъ не описаль бы почнѣе опасностей, ожидающихъ шамъ пушешешвенника! Въ часъ воспорга, когда усшремлены всѣ мысли, всѣ чувсхва Пьснопѣвца на одинъ и шощъ же предметъ, въ немъ возникають, оживають, становяшся ясными шемнѣй-

(*) *Самумъ* названіе пагубнаго юго-западнаго вѣтра, вѣющаго изъ песчаныхъ Аравійскихъ степей.

шія воспоминанія о томъ, что хочешь изобразить; — все, нѣкогда объ ономъ слышанное и, казалось, давно забытое воскресаешь не только въ памяти, воскресаешь для взоръ его; собственное творческое воображеніе Поэта мгновенно дополняетъ пропущенное, можешь быть, раскащикомъ, и вдругъ въ спихахъ его явился списокъ полный, вѣрный съ того, чего онъ никогда не видалъ очами плесными (*).

Приведенные нами по сю пору примѣры всѣ почти въ родѣ описательномъ, живописномъ, но да не подумаешь, что нашъ Поэтъ искусенъ и силенъ въ немъ одномъ.

(*). И такъ скажешь наши баловни — гени, охошники хваташь одни вершки, или даже пребывать въ невѣдѣніи всего, что немного далѣе Нарвской и Московской заставы: „Мы правы. къ чему учиться? Намъ вдохновеніе замѣлитъ знанія! — Поэтъ.....“

Не учась учень, какъ придетъ въ восхищеніе!“

Извините, Мм. Гг., истинное вдохновеніе не можешь родиться, по крайней мѣрѣ не можешь продлиться, безъ богатаго запаса живыхъ знаній, ш. е. понятий о предметахъ занимаемыхъ; воспоргъ опираешься, такъ скажешь, объ нихъ для дальнѣйшаго полета: мысль одна подобна вспышкѣ одной, но одна вспышка не засвѣтитъ еще пламени!

Тебя дѣла Твои достойны!
 Однимъ любви Своей лучемъ
 Изъ тьмы извлекъ Ты солнца стройны,
 Повѣсилъ землю на ничемъ,
 Сафирнымъ осынилъ навѣсомъ,
 И оный чудно обложилъ
 Ужаснымъ множествомъ свѣшилъ;
 Числомъ и мѣрою и вѣсомъ
 Устроилъ звѣздные огни,
 И всѣхъ ихъ назвалъ именами;
 И всѣ, вращаясь надъ нами,
 Тебя повѣдаютъ они! —

Великъ пространствомъ непонятымъ
 Сей мѣръ, мѣръ славы и красы;
 Но предъ Тобою необъятнымъ,
 Какъ капля упренней росы
 Съ высотъ сходящая на землю! —
 Къ Тебѣ, къ премудрости Твоей,
 Я силы всѣ души моей
 Со страхомъ, съ шепетомъ подѣмлю:
 Но гибнушь силы всѣ въ Тебѣ! —

Конецъ поставленъ всей природѣ,
 И всю ее разрушишь смершь;
 Померкнешъ блескъ на горнемъ сводѣ;
 Какъ риза обвѣщаешь швердъ,

Погибнушь съ шумомъ небеса,
 И ты свѣешь ихъ, какъ одежду;

Міры распаюшь , какъ мечшы ;
 Прешавъ ошъ быспраго полеша ,
 Исчезнушь времена и льша :
 Единый пребываешь Ты!—

.....
 На что ни обращаю очи ,
 Во всемъ срѣщаешь Ты меня:
 Тебя я чшу въ сей звѣздной ночи ,
 Тебя въ лучахъ злашаго дня ,
 Тебя и въ бурѣ и въ зефирѣ ,

.....
 Тебя въ войнахъ и въ крошкѣхъ мирѣ ,
 И въ дивной царствѣ земныхъ судьбъ ;
 Тебя я зрю во всей вселенной ,
 Тебя я чувствую въ себѣ.

Послѣ нѣсколькихъ спрѣчь, содержащихъ
 мысли и чувства, копорыя должны бы бышь
 общими всѣмъ бесѣдующимъ съ Богомъ, По-
 виль заставляешь Петра прибѣгнушь къ
 Господу съ мольбою, о ниспосланіи себѣ му-
 драсти и силъ — для управленія Россіею.

Увы! горька державства сладость ;
 Царей земныхъ великость — сонъ.
 Ты мнѣ веселіе и радость ;
 Да не опсхупишь Твой законъ
 Ошъ сердца моего во вѣки:
 И памъ да слышу я всегда,
 Что пасивы моея спада
 Не токмо шѣ же челоуѣки ,

Но паче брашя моя;
 Чшо я всеобщій ихъ служишель,
 Чшо Ты, о крѣпкій Вссдержишель,
 И мнѣ и онымъ Судія!

Содѣлай маниемъ всемощнымъ,
 Да я въ судѣ не знаю лицъ,
 Да буду помощь безпомощнымъ,
 Оспрада сирыхъ и вдовиць,
 Благимъ — прибѣжище надежно,
 И злымъ чадолюбиво сирогъ.

Да не обращай несчастный
 Во всемъ владѣнїи моемъ!

Посли мнѣ свыше смыслъ пространный,
 И духъ мой въ силу облеку,
 Ничтожишь козни злобы бранной,
 Сражашь прошивные полки,
 Спасашь Россію ошъ навѣшовъ,
 Надъ всеми царствами вознесъ,
 Разрушишь дерзоспъ, зависпъ, леспъ. . .

Надъ всемъ же симъ зываю слезно,
 Съ рабомъ Твоимъ не вниди въ судъ! —

Скончалъ моленіе устами,
 Не кончалъ въ глубинѣ души,

Чувство не ведефчиво: для него довольно
 и одного слова! Таково глаголь *бысть* въ 4 пѣ-
 снѣ въ слѣдующей сирогѣ. (Петръ, послѣ
 Подшавской битвы: говоришь о Карлѣ XII)

Рекъ врагъ, кипящій злымъ навѣшомъ:
 Подъ солнцемъ власшь моя брѣпка!
 Пойду — и будешь надъ полсвѣшомъ
 Моя господшвовашъ рука;
 Цѣпями прикую Россію
 Къ прешола моего шполпамъ,
 И дамъ покой моимъ шпопамъ
 Возлегши ими ей на выю!

Но Богъ:

Велѣль ошь выпреннаго свода:
Да будетъ въ сѣверѣ свобода!
 И сѣверъ восклицаетъ: *бысть!*

Въ расказѣ о Мазепиной измѣнѣ (въ 3 пѣсни)
 Поэшь, обращаясь къ предашелю, восклицаетъ:

И звѣрь срамляешся угрызшь
 Пишающую его десницу —
 А ты! сокройся живъ въ гробницу!

Здѣсь умолчаніе сильнѣе всего, чпó бы можно
 было сказашъ. Въ эшомъ же расказѣ другіе
 два стиха заспавляють невольню задумашся:

Но, ахъ! сердца людей коварныхъ,
 Какъ бездны моря глубоки!

Далѣе, шамъ же:

Гдѣ молніи швой дремали,
 О небо! гдѣ боснилъ швой громъ,
 Когда ошшупникъ день печали
 Просшеръ, какъ шучу, надъ Петромъ?

Эшо самое пылкое израженіе живѣйшаго уча-
 стія, кошорое Поэшь переливаетъ и въ слу-
 шашедей.

О Мазепѣ Князь Шихмашовъ вообще говоритъ въ стихахъ самыхъ сильныхъ, самыхъ грозныхъ! И такъ, хотя въ первой половинѣ нашего разбора мы, было, и отказались отъ выписокъ изъ четвертой пѣсни сей Поэмы, однако же здѣсь уступаемъ неодолимому для насъ желанію подѣлиться съ нашими читателями опытомъ, котораго ужаснѣе и въ самомъ Байронѣ не знаемъ! Мы хотимъ уничтожить упорное, долговременное предубѣжденіе и, какъ справедливо замѣтилъ намъ одинъ нашъ пріятель, даже не въ правѣ отказаться добровольно отъ средствъ, самыхъ дѣйствительныхъ къ достиженію своей цѣли!

Мазепа,

Злодѣйства ужасомъ гонимъ,
 Бѣжишь — и чаешь, что надъ нимъ
 Возмечется молніи гонимы,
 И мстительнымъ огнемъ палая,
 Испытаетъ рушителя закона;
 И что его, какъ Авирона,
 Поглотитъ гнѣвная земля! —

Избѣгъ далече, небрегомый,
 Какъ вранъ, висая по горамъ;
 Но совѣстью своей жегомый,
 Безмѣрень чувствуя свой срамъ,
 Гнепомый злобой неисконной,
 Едва свободный воздохнушь,
 Невольно прерываешь пушь.

Какъ шуча на скалѣ неплодной,
 Сидѣлъ онъ мраченъ и угрюмъ;
 И мысли черныя пошмыдны,
 Какъ въ шерніе спѣшашъ ехидны,
 Спѣшашъ въ его нечисмый умъ.

.

Какъ уголь — въ немъ сердце пошемынно;
 Проникнулъ пренешъ въ шугъ косшей
 И въ глубину души мяшежной;
 Онъ весь дрожишь, какъ легкій листь;
 И въ слухъ его, какъ вихрей свисшь,
 Шумишь гласъ мести неизбѣжной;
 И кровь имъ преданныхъ на смершь
 Спремишся на него, какъ море:
 Не смѣешь онъ, погрязшій въ горе,
 Возрѣшь съ надеждою на пвердь.

Язвися свѣшомъ благодащнымъ,
 Какъ аспидъ кроется во мглѣ,

.
 Носящій ужась на челѣ,

.

Клянeshъ себя и всю природу;
 Въ очахъ его гусѣeshъ ночь.

Но злодѣй взревѣлъ:

Ошь бездны сердца своего,
 И жизнь оставила его!

**И Пѣвецъ воиешъ въ слѣдъ оплетающей
 его душѣ: „смертню казнъ пвоя еще не кон-
 чилась:**

Познаeshъ позднее попомство,
 Какъ жизнь, ошечешво любя,

*

Твое предъ онымъ вѣроломство,
 И кляшвой проклянешь себя.
 Возстѣшуешь швоя опчизна,
 Чшо въ ней пріялъ шы бышіе;
 И имя гнусное швое
 Злодѣямъ будешь укоризна.
 Измѣнникъ слову Божешва,
 Измѣнникъ долгу человѣка,
 Ошъ рода въ родъ и родъ до вѣка,
 Ты будешь срамомъ еспешва!

Се враны, привлечены смрадомъ,
 Разносящъ плоть его въ когшяхъ;
 И гады, дышущіе ядомъ,
 Гнѣздящся грудями въ косшяхъ.
 Изъ нѣдръ, изъ ушїа вершепа,
 Шипящъ прижальныя зміи,
 И всѣмъ шипѣніа сіи
 Вѣщающъ: здѣсь гнѣишь Мазепа!
 Не зрѣющъ вѣкъ красы весны
 Вокругъ сей дебри многобѣдной,
 И пушникъ шрепешной и блѣдной,
 Бѣдишь далече сей шраны!

Здѣсь оканчиваемъ свои довольно много-
 численныя извлеченія, копорыя однако же да-
 леко не исчерпали всей сокровищницы красотъ
 нашего Писателя. — Онъ привелъ насъ въ
 затрудненіе рѣдкое, но шѣмъ болѣе для насъ
 прїятное: перечислявая одно мѣсто, мы
 вспоминали о другомъ, недоумѣвали, не знали,
 копорое предпочесть: вошъ безсомнѣнное
 доказательство истиннаго дарованія! —

Скажемъ теперь слова два о достоинствѣ цѣлаго шворенія. — Мы уже видѣли, что въ ономъ мало эпического: но оно безъ сомнѣнія, даетъ Князю Шихмашову право на одно изъ первыхъ мѣстъ между нашими Лириками и Поэтами-Живописцами. Лучшія пѣсни сей Поэмы, состоящей изъ 8-ми, по нашему мнѣнію, 1, 4 и 6; самыя слабыя 5 и 8; — но 2, 3 и 7 содержатъ въ себѣ много прекраснаго: въ особенности просимъ нашихъ читателей прочесть въ концѣ впрочемъ, описаніе введенія Пешромъ Наукъ и Художествъ въ Россію, описаніе, принадлежащее роду весьма неблагодарному, п. е. Поэзіи поучительной: нашъ Поэтъ умѣлъ вдохнуть и въ сей опрывокъ жизнь, движеніе, заманчивость! Далѣе въ 3 пѣсни, пусть взглянуть на изображеніе жестокой зимы 1708 года, зимы, кошорая, по словамъ Поэта, *на что ни дхнетъ, окаменитъ*; предъ кошорою враги Россіи *валятся, каменные трупы!*

Сравнивая языкъ Князя Шихмашова съ языкомъ другихъ нашихъ Стихотворцевъ, находимъ, что оный всѣхъ ближе подходитъ къ языку Ломоносова, но новѣе, ибо представляетъ гораздо менѣе усѣченій, небрежности и, такъ называемыхъ, поэтическихъ вольностей; удареніе на предпоследнемъ слогѣ, вмѣсто послѣдняго, въ спрадасельныхъ

женскихъ и множественнаго числа причастіяхъ на *на* и *ны*, *ѣнна* и *ѣнны* вмѣсто *нѣ* и *нѣа*, единственная неправильность, которую себѣ нашъ Авшоръ позволялъ постоянно, и по образцу своихъ самыхъ строгихъ предшественниковъ, Хераскова, Косцова, Ломоносова. Слогъ Поэмы: *Петръ Великій* нигдѣ не представляешь пестроты, которую встрѣчаемъ и въ лучшихъ сочиненіяхъ Сумарокова, Пшпрова и даже Державина; нигдѣ слова и обороты Славянскіе не перемѣшаны въ оной съ низкими просонародными, какъ по весьма часто случается у помянутыхъ Писателей.

Послѣ Ломоносова и Косцова, никто счастливѣе Князя Шихмашова не умѣлъ слишь въ одно цѣлое нарѣчія церковное и гражданское: переливы непримѣнны; Славянскія рѣченія почти всегда употреблены съ большею оспорожностію и разборчивостію, въ послѣдніа 25 лѣтъ конечно мы опшвыкли опъ нѣкошорыхъ, но въ эшомъ напрасно кто вздумалъ бы винишь нашего Авшора!

И такъ слогъ, (не во гнѣвъ ненависникамъ нашего древняго опечественнаго слова!) вездѣ выдержанный, языкъ богашый, спройное, спрое спихосложеніе, множество прекрасныхъ живыхъ картинъ, пареніе, рѣдко слабѣющее, избышокъ сильныхъ, непришвор-

ныхъ чувствъ, вошь — по нашему мнѣнію, достоинства Поэмы Князя Шихмашова! — Главнѣйшій недосмашокъ (опъ коего происходитъ и всѣ прочіе, какъ напр. слишкомъ поверхностное начертаніе дѣйствующихъ лицъ, даже самаго Пешра, слишкомъ быстрые переходы опъ одного событія къ другому и, хотя не часно, однако же иногда, особенно въ 5 и 8 пѣсняхъ, примѣнная усталость) есть, какъ уже упомянуто, самый избранный Авпоромъ способъ изложенія. Напрасно также искали бы въ его швореніи чудеснаго, и вымысла *въ цѣломъ* (*). Опъ нихъ Поэшь долженъ былъ опказаться по самому свойству воспѣваемаго имъ предмета.

При всемъ томъ будемъ благодарны шворцу Поэмы, *Петръ Великій*, за шрудъ, досель у насъ единственнѣйшій, ибо ни Владимиръ, ни Россіяда Хераскова, ни даже начало Ломоносовой Пешрияды не выдержашъ сравненія съ онымъ. У насъ конечно нѣшь еще истинной народной Эпопеи; но лирико-эпическое пѣснопѣніе Князя Шихмашова и по появленіи оной не ушрашишь цѣны своей, а нынѣ обязанность всякаго Русскаго

(*) Въ подробностяхъ мы находимъ изобрѣшеніе, въ расказахъ о бѣгствѣ и смерти Мазепы и объ единоборствѣ Петра съ Карломъ XII.

знать и помнить швореніе, какихъ у насъ не много! — Наша Словесность весьма еще не богата: прекраснымъ же не долженъ пренебрегать даже шощь, кому дано превосходное!

В. Кюхельбекеръ.

Ш.

ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О ДУХЪ ПОЭЗИИ XIX ВЪКА.

(*Окончаніе.*)

Наклонность къ мечшашельности показалась сперва въ Романахъ. Дельфина и Коринна уже носящъ на себѣ нѣкошорые ея оппечашки, но всего болѣе развернулась она въ швореніяхъ шрехъ Писашелей, кошорые, не смощра на разнообразіе своихъ геніевъ, сходшвшуюшъ однако жъ чрезвычайно мечшашельнымъ выраженіемъ своихъ сочиненій. Вершеръ, Рене, Адольфъ, всѣ шрое повѣряюшъ намъ движенія душъ своихъ, всѣ шрое въ живой картинѣ предшавляюшъ безпокойшво и шоску жизни однообразной, безъ внѣшней дѣяшельности, но мяшешной внушри. Въ Вершерѣ есть что-шо болѣе добродуш-

ное (*): сперва, полный надежды, онъ безъ недоумчивости опдаешся мечшамъ юности, ему еще недоспаетъ опыта жизни и свѣта, копорые пакъ жестоко его опвергнушь. Потомъ, покоренный бурной спраспью, онъ показываешъ всѣ мученія любви. Любовь дала цѣль его жизни, и онъ бросаешъ ее, когда цѣль эта исчезла.

Двое другихъ уже разочарованы, уже испытали все, или лучше сказашь, почувствовали начашки желаній, копорыя никогда не могли осуществишь, и опшающся съ неизлечимымъ опвращеніемъ къ жизни. Рене, мучимый незлыми спраспями, неушодимую жаждою счастья и дѣяшельности; ему шѣсно въ свѣтѣ опъ условій общества, и онъ падаешъ опъ пустошы души, подъ шяжестію бесполезнаго бышя.

Адольфъ всегда въ одномъ и шомъ же положеніи, счастливо развернутомъ, болѣе показываешъ намъ человекъ въ схвашкѣ съ

(*) Замѣшимъ съ другой спороны, что сіе мнимое добродушіе шѣмъ опаснѣе для молодыхъ чипашелей: оно болѣе *ослабляетъ* ихъ, увлекаая за мечшамъ необузданной и пресшупной спраспи, копорая цылкаго Вершера сдѣлала самоубійцею. Сколько вредно чшеніе сего и подобныхъ Романовъ, эшо, къ несчасшію, доказали уже многіе печальныя опышы.

своимъ сердцемъ и съ своими предразсудками, чѣмъ съ общошпельствами. Въ вѣрной, но печальной картинѣ, представляешь онъ съ рѣдкою пронцапельноспію, слишкомъ обыкновенныя нравспвенныя болѣзни: въспренность, нерѣшительность, прошиворѣчія и причуды сердца человѣческаго.

Это изображение спраспей неясныхъ и нѣжныхъ, въ чемъ Шашобріанъ опличался, возбудило, можешь бышь, геній Бейрона (*). Какъ достпойно говоришь о семъ гордомъ и независимомъ геніи, о семъ характерѣ, кошорый горѣлъ негодованіемъ, видя счастье низоспи, кошорый преслѣдовалъ лицемѣрство, мспишельными своими спихами! Спраспный ко всему великому въ судьбѣ человѣческой, напушспвуемый въ беспреспанныхъ повздакахъ по Европѣ безпокойспвомъ генія и спраспей, онъ кончилъ свое поприще, обреченіемъ жизни и достпоянія войнѣ за геройскій народъ, за возраждающуюся Грецію.

Эллины помѣспяпъ въ число благошворщелей и героев своей родины имя Байрона, кошпораго Европа превозгласила уже въ числѣ своихъ величайшихъ Поэшовъ. Оригиналень, ибо онъ былъ онъ самъ, Бейронъ во

і (*) Гасконада !

всѣхъ своихъ швореніяхъ, изображалъ только одинъ характеръ; тайна его дарованія — пишеть своихъ героевъ по своему образцу.

Чайльдъ-Гарольдъ болѣе прочихъ носить на себѣ оппечашокъ сего мечпашельнаго и безпокойнаго духа, котораго ничшо удовлепворить не можеть, который мучитья желаніемъ разгадашь загадку нашей природы и выпышываетъ у жизни ея шайну. И, странная вещь! Онъ нравитья, онъ привязываетъ къ себѣ, хотя и вовсе лишень романической занимательности. Вся Поэма состоить изъ разсужденій, изъ описаній перемѣшанныхъ, безъ обычнаго порядка, не имѣя иной связи, кромѣ направленія блуждающихъ его мыслей. Это разговоръ души самой съ собою, или съ предметами внѣшними. Порой, сквозь черную ненависть къ людямъ и горькія чувства, которыми онъ пишеть себя, прорывается воспоминаніе души нѣжной; эшопъ нечаянный оборотъ изумляетъ васъ; вамъ радостно узнашь въ немъ себѣ подобнаго, найти въ немъ чувства, согласныя съ своими.

Другіе весьма счастливо пишались соединить Поэзію съ идеями философическими и религіозными. Разочарованный Поэтъ возвышается надъ бурною сферою спрасшей; онъ береться за самыя высокія умозрѣнія понятій. Его умъ кружитья безпрещанно около

великихъ запросовъ, шерающихся надъ колыбелью и могилою челоуька. — Тайны судьбы нашихъ, мракъ, облакающій наше происхождение, предчувствіе будущей жизни — вопшь высокія мысли, одушевляющія Музу его, пишущія его дивныя виднья, и дающія жизнь его поэтическимъ разсужденіямъ.

Надобно однако жъ сознаться, что первыій и самый поразительный недостатокъ сего рода ешь однообразіе: безпрестанное *разглядываніе* предмета, который никогда не выходишь изъ самаго себя — подъ конецъ упомляешь. Обращившись въ умозрительныхъ Философовъ, лица уже не дйспвуютъ: они разсуждаютъ. Ихъ спроси, ихъ опасенія, ихъ надежды, кажешся, для нихъ не что иное, какъ курсъ опышовъ надъ челоуьческимъ сердцемъ. Эшо упонченности рода описательнаго, перенесенныя въ Метамфизику. Легко можно предвидшь, какую поску наведешъ подобное расположеніе въ послдствіи, и какъ вредишь оно, напрымръ, драматическому эффекту, который живешъ движеніемъ, гдъ сочинитель долженъ исчезнуть въ приключеніяхъ и между лицами.

Въ такомъ ослабленіи шрехъ поэтическихъ силъ, какой же источникъ оспаешся Поэзіи? Словесность можешъ ли еще возродиться?

На это отвѣчаемъ самое дѣло и опытъ. Нынѣшнія обществъ, благодаря многимъ хранимелнымъ началамъ, въ числѣ коихъ довольно назвать книгопечатаніе, имѣюшъ единственное преимущество нѣкоторымъ образомъ молодѣть, прошедши сквозь опыты вѣковъ, и дѣлать безпредѣльно свое существованіе, и спало бытъ развитіе людскихъ умовъ. Испалія въ измѣненіяхъ своей Исторіи, можешь считашъ при возраста Словесности: первый, означенный природною силою средних вѣковъ: Дантъ былъ его представителемъ. Потомъ, послѣ вѣковаго промежутка, Аріостъ и Тассъ оказали воображеніе, обновленное чтеніемъ Древнихъ; наконецъ въ вѣкъ философическаго свѣта, возвышенность мыслей и мужественное краснорѣчіе Альфери, и шонкость замѣчаній Гольдони замѣняющъ сокровища воображенія, начинающаго испощаться.

Говоряшъ, что молодость народовъ есть единственный возрастъ для Поэзіи; но взглянише на Англію: въ ней старый, богатый, торговый, холодный и расчепливый народъ, опытный въ искусствахъ и самомъ упонченномъ просвѣщеніи, въ печеніе 20 лѣтъ спалъ богаче истинными Поэтами, чѣмъ когда нибудь. — Изъ всѣхъ принадлежностей умовъ высокихъ составилъ школу одинъ изъ ихъ

Писателей. Въ немъ мы находимъ все характеры новой Поэзіи. — Онъ обновилъ все роды: Романъ, Исторія, Эпопея, Трагедія, все было или все будетъ употреблено имъ по своему. Споль же искусный въ познаніи сердца человѣческаго, какъ и въ живописи картинъ природы, Вальшеръ-Скопшъ не оскорбляетъ истины. Обширный геній его переноситъ оную во времена прошедшія, имъ оживляемая. Историческія воспоминанія, преданія народныя — вопль источника, опколъ, по его примѣру, можно извлекать занимательность и вдохновеніе.

Исторія часто ограничивалась очерчаніемъ всеобщихъ происшествій, измѣненій Правленія, судьбы людей знаменитыхъ, но никогда не выводила на сцену участи самихъ народовъ. Историческій же Романъ, таковъ, какъ сотворилъ его Вальшеръ-Скопшъ, спалъ справедливѣе самой Исторіи, предшавляя то, чего никогда она не высказывала, т. е. частную жизнь націй, ихъ нравы, шму ихъ обычаевъ, повѣрье и понятій, образующихъ характеръ народа и физиономію вѣка. — Во Франціи многія шворенія, замѣшныя по необычайнымъ краскамъ, доказываютъ уже подобный переворотъ въ Наукъ Исторіи (*).

(*) Довольно упомянуть объ Исторіи Герцо-

Мы намѣкнули уже о нѣкоторыхъ причинахъ, дѣлающихъ сочиненіе Поэмы Эпической затруднительнымъ, если не вовсе невозможнымъ. А Вальшеръ-Скопшъ показалъ, что въ этомъ родѣ прилично нашему времени: Ивангоэ есть настоящая Эпопея среднихъ вѣковъ. Авшоръ сводитъ въ ней Саксоновъ и Нормановъ, начиная отъ знашнихъ Бароновъ до раба — свинопаса, и раскрываетъ предъ нами состояніе разныхъ классовъ общества, которыхъ заслало завоеваніе. — Блистательные турниры побѣдителей, дымные замки побѣжденныхъ, ихъ праздники, ихъ суевѣрія — все изображаетъ намъ нравъ древней Англіи, и невольно припоминаешь многія сцены изъ Одиссеи.

Даже самое чудесное, казалось вовсе заброшенное нашимъ вѣкомъ, появляется въ игривыхъ его выдумкахъ. И съ какимъ искусствомъ онъ употребляетъ его! Какъ онъ умѣетъ пронести въ насъ спруну суевѣрія! Надъ всѣмъ, въ чемъ есть наружность сверхъестественнаго, онъ проспираетъ какой-то шайный покровъ, какой-то мрачной туманъ — для вищи души, споль жадной къ чудесному,

говъ Бургонскихъ (Г. Баранпа) и неперпѣливо ожидаемомъ швореніи, Г. Тіери, о завоеваніи Англіи Норманами.

хоши и допуская еспешивенную пому раз-
вязку, для удовлешворенія ума, который ина-
че могъ бы оскорбился. У него объ сіи на-
клонности удовлешворены поперемянно: онъ
разрѣшилъ шрудную задачу, какъ должно со-
глашашь просвѣщеніе съ пошребностями во-
ображенія. Франція ищетъ шеперь испориче-
ской Трагедіи: В. Скопшъ далъ образецъ оной.
Геній его драматическій въ высшей степе-
ни, даешъ жизнь и дѣйствіе всѣмъ лицамъ.
У него все въ движеніи, все совершается пе-
редъ нашими глазами, и даже эти долгіе раз-
говоры, сполько кришикованные, слушашь
всегда къ объясненію характеровъ или поло-
женій. Онъ первый извлекъ Поэзію изъ умо-
зрѣній, въ которыхъ она понула. Онъ воз-
врашилъ жизнь сущесствамъ человѣческимъ.

Его Пуришане, гдѣ спрасши и харак-
теры развивающся онъ двойнаго фанатизма
междоусобной войны и вражды за Ввру, мо-
гушъ указашь намъ коропкія связи, соединяю-
щія Испорію съ Трагедією, и источникъ,
изъ коихъ Театръ можешъ почерпнушъ за-
нимашельность прочную, мужеспивенную,
разнообразную. Онъ учишъ насъ изгоняшъ ро-
манизмъ, пущыя условія, и эти ребяческія
переряженія, гдѣ испорического и есть шоль-
ко что имена. Черезъ-чуръ долго шрагиче-
ская Муза наша облакалась шо Римскою шо-

гою, по Греческою маніію. Наклонности къ дѣйствительному приводятъ насъ къ собственной Исторіи (*), и всенародный успѣхъ ожидается начална, который рѣшился съдѣланъ внушенію народнаго духа. Въ Кенильворнѣ можно найти начала для высокой Комедіи. Съ какою истиною описаны тамъ фаворитизмъ и сдѣланы, приведенныя въ игру двойною дружиною честолюбія и любовныхъ связей!

Насильственный умъ Французовъ, при теперешнемъ возобновеніи общества, требовалъ бы политической Комедіи. Конечно намъ не надобно своевольства Аристофановъ, его прямыхъ примѣненій и личныхъ выпадокъ — но и кромѣ того, есть много вещей, могущихъ служить невиннымъ предметомъ для сатирическаго наблюденія. Изгнанная со сцены живопись нравовъ развернулась въ Романахъ: она можетъ приютиться и въ пьесахъ. Приключенія свѣтскія, пороки и смѣшное — могутъ быть описаны и преслѣдуемы въ нихъ насмѣшкою или негодованіемъ. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, умъ вездѣ оказалъ небывшіе успѣхи. Новые вопросы, родившіеся ошъ новыхъ поло-

(*) Пора бы и намъ, Русскимъ, за шо же взяться. *Прим. Перев.*

женій, пустили въ ходъ множество новыхъ понятій. Искусства и Словесность не могутъ отшатнуться назадъ. Переворотъ проявился теперь даже въ Живописи; Поэзія въ свою очередь сбрасываетъ съ себя иго преданія. Уже начинають познавать двойную зависимость, изгоняющую изъ нашей Литературы природу, и похищающую у нашей Поэзіи все ея народное выраженіе. Понимають уже, что Трагедія, напр., должна быть для всего общества, и представлять его безысключительно.

Отъ чего происходитъ, что у насъ нѣтъ ни одной Баллады, ни одной пѣсни народной, которая, впечатлѣваясь въ памяти людей — хранила бы преданія бѣдствій, ихъ поразившихъ, или даже шрогашельныхъ происшествій, часто случающихся въ быту низшихъ сословій? Во всякой другой землѣ Палезоская служанка получила бы полипическую поминку. Пробѣгите малѣйшія деревни Швейцаріи, спросите послѣдняго крестьянина: найдете ли вы хоть одного, который бы не запрешалъ при имени Вильгельма Теля или Викельрида? Отъ чего же во Франціи имя Юанны д'Аркъ, героини, которой языческая Греція воздвигла бы алтари, не имѣетъ равнаго очарованія? Отъ чего могло оно столько произвестъ — влупые стихи Шапелена или развратную Поэму Вольшера? Отъ чего

Французы могли безъ гнѣва видѣть пародію героическихъ временъ своего отечества? Съ горькимъ сожалѣніемъ надобно признашья, что у насъ не было народныхъ воспоминаній, а народныхъ воспоминаній не было опъ того, что не было народа. Онъ оставался внѣ Лигерашуры. Да и сама Лигерашура была академическая, кошорой двойной характеръ сосполялъ толькѣ въ педаншскомъ подражаніи и церемонномъ эпикешѣ. Теперь нравы, мысли и порядокъ вещей другіе: мнѣнія въ Полишикѣ и въ Словесности раздѣлились. И сія послѣдняя въ нерѣшимости. Старыя привычки и новыя пошребности прошиворѣчашь другъ другу. Куда склонишья?

Мы не говоримъ: Подражайте варварству, вмѣсто списыванія Грековъ. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы подражать Шекспиру, но о томъ, чтобы сочинять сходно съ духомъ нашего вѣка, какъ сочинялъ Шекспиръ для своего. Будемъ ровесники нашему времени! Подражаніе не произвело ничего великаго. Правила пащатся слѣдомъ за геніемъ, геній спрашивается толькѣ своихъ силъ. Опъ сего-то нѣтъ геніевъ безъ оригинальности, нѣтъ оригинальности безъ самобытности. Правда, мнимые преобразователи не ловко взялись за дѣло. Но неужели жъ за то, что одинъ, ища простоты, впасть въ пло-

*

щадность и юродство, что другой выдавалъ странное и цыпиченное за оригинальное, должно изгнать всякое благое нововведеніе?

Самая лучшая спорона нашей эпохи — есть всеобъемлющая сила, которая совокупляетъ во едино всѣ почки зрѣнія, вмѣщаетъ въ себя всѣ системы. Зачѣмъ жерпировать предразсудкамъ споль мелкимъ? право всему есть просноръ на свѣтѣ. Однимъ словомъ: если есть вѣчно прекрасное, основанное на неизмѣнныхъ законахъ нашей природы, на неразрушимыхъ чувствахъ сердца человеческого, и если со всѣмъ шѣмъ его наружные виды, примененные къ климашу, къ нравамъ, къ постановленіямъ, измѣняющаея сообразно времени и мѣсту — то будемъ удивляться оному въ швореніяхъ генія, подѣ какою бы формою оно ни являлось.

Арто. (Artaud)

Пер. А. Б.

АНТИКРИТИКА.

Господи́нъ С.....

Сознаю, Господинъ С..., что мои замѣчанія, написанныя собственно для васъ съ добрыми намереніемъ, приняты вами, какъ видно, именно въ эту самую мину-ту, когда вы меньше всего были стоворчивы на признательность. Если бы вы действительно нашли мою Антикристику неспод-сешю вашего возраженія, потому, что Сочинитель ея, какъ вамъ угодно было вырази-ть, ничего не доказалъ и проч..., то въ та-комъ случаѣ слѣдовало бы вамъ совсемъ ни-чего не писать о ней, ибо читатели, при-такой по вашему ясности, увидѣли бы са-ми, кто правъ и кто виноватъ; или *кто*, во сколько гораздо съ бѣльшею основатель-ностью, а не такъ, какъ вы это сдѣлали, т. е., не опровергнувъ, ни въ какомъ отно-шеніи, сдѣланныхъ мною вамъ замѣчаній и даже не подкрѣпивъ собственныхъ своихъ су-жденій обо мнѣ, ни однимъ доводомъ или примѣромъ. Вы обнаружили своимъ „пра-вильно отътомъ“ одну только насмѣйчи-

вось и привязанность къ мнѣніямъ, однажды уже вами сказаннымъ, хощя и несправедливымъ. Разумѣеся, М. Г., что мнѣ на все это вамъ ошвѣчать нѣчего, а изъ уваженія къ чинашедямъ Сына Отечества, даже не должно: я пакъ и дѣлаю. Что же касается до новаго открытія вашего, будшо въ переводѣ Г. Раича господствуетъ еще какое-то частное повщореніе *фигуры удержанія*, то и этоу выходку я пакже ошваляю безъ всякаго вниманія; но признаюсь, при сей вѣрной оказіи, не могу вовсе лишиться себя удовольствія и не поздравить васъ въ новомъ званіи Корифея *большинства голосовъ* чинающей нублики. Препывайте счастливо въ *этомъ стройномъ чинѣ!*

Неудивительно пакже, что *Логикѣ* мою называеете вы *тяжелою*, ибо весьма естествовенно называшъ то тяжелымъ, что намъ не по силамъ; но удивляюсь, отъ чего показалось вамъ спраннымъ положеніе, сказанное мною о формѣ *восбще* въ *Изящномъ Искусствѣ*. Вы вѣроятно меня не поняли, а пошому и имѣли неоспорожность пущипься въ изложеніе собственныхъ своихъ объ этомъ мыслей — напрасно пошоронились, *Господинъ С.....!* — Не угодно ли вамъ побесѣдовашъ теперь со мною поподробнѣе? Только прошу не гнѣвашься, ежели я, при-

нужденъ буду сначала объяснить для васъ идею Художника, попомъ формы Изыщнаго Искусства, а наконецъ замѣчаніями на ваши собственныя мнѣнія, доказать, что вы изволили сморгнѣть на Искусство не съ надлежащей почки зрѣнія.

Изыщное Искусство въ благороднѣйшемъ своемъ значеніи не есть, М. Г., простое ремесло, а высокое достоинствѣ чловѣка, утвержденное во внутреннемъ бытіи его; оно не можешь зависѣть непосредственно ошъ предметовъ внѣшнихъ, какъ вы его понимаете, но, выходя ошъ начала гораздо, высшаго, имѣешь и стремленіе себѣ сошвѣшсшвующее. Идея красоты, или *изыщное*, только идеально нами понимаемое, составляя главное условіе Искусства, осуществляется Художникомъ въ его произведеніи, которое и носитъ названіе изыщнаго только пошому, что проникнуто сею идеею; но будучи лишено сего преимущества, оно спановишся ничтожнымъ: ибо Художникъ, шворящій безусловно, единствѣнно по непреодолимому для него побужденію, еще прежде исполненія можешь въ душѣ хранишь свое швореніе во всей полношѣ его, а пошому и наслаждашь имъ безъ существеннаго воззрѣнія. Идея красоты, идея Художника суть одно и шо же, и шак-

ва ще важность оной въ художественномъ произведеніи.

Когда Художникъ представляешь свою идею въ видимости, облакая ея въ формы, изъ природы взятыхъ (*), т. е. когда онъ, желая сдѣлать швореніе своей фантазіи: для насъ доступнымъ, образуешь оное въ законахъ природы; яко сіе значишь, что онъ, удаляя насъ, накъ сказашь, благороднѣйшую часть самого себя, прибѣгаешь къ средоточью, ему, какъ чловѣку, возможнымъ и проваднешь оную идею подъ формою бытія и въ границахъ нашего возрѣнія (помятїя). А какъ сіи формы, въ природѣ для насъ существующія, суть или видныя (имъ соопвѣтствуютъ *пространство*) или духовныя, (*время*), по посему идея красоты (идея Художника) осуществяется въ произведеніи или только *отдѣльно* подъ формами перваго и втораго, или обонки вѣвешь. Отсюда раздѣленіе Изыщныхъ Искусствъ на *образовательныя* (Пластикку), *Музыку* и *Поэзію*, коиорыя, по началу, существовавно составляя одно Искусство, различающіся *взаимно* только формою или средоточіемъ, коиорое Художникъ, *сообразно своему характеру избираетъ для выраженія своей*

(*) А вы это называете усовершенствованіемъ предметовъ (?!).

идею, точно такъ, какъ духъ возврѣнія Художника на мѣрѣ Искусствъ, какъ правило въ практической жизни имъ, развитое, опредѣляетъ стиль его произведеній.

Понятно ли вамъ теперь то, что мы называемъ вообще формой Искусства, и не очевидно ли слѣдуетъ изъ всего вышесказаннаго, что идея Художника (Поэма, Зодчато, Музыканта) есть существенное въ его произведеніи; есть главный предметъ Искусствъ, или, говоря вѣрнѣе, Господинъ С. . . , терминъ, она есть вещь первостепенная (*), между тѣмъ, какъ форма, какого бы рода ни была она, всегда остается подчиненною идее; ибо есть только средство къ ея проявленію? — Наблюдая съ этой точки Художника, его идею и произведеніе, я сказалъ (не любя безличности), что „форма вообще въ Изящномъ Искусствѣ есть обликъ (частное Искусства), въ которомъ Художникъ представляетъ свою идею, соотвѣствующую по способу возврѣнія его на предметы, и сказалъ, какъ кажется, справедливо; а вы, М. Г.; не знаю почему, шопчась мнѣ въ укоръ и

(*). Признаюсь, что я весьма не охотно повторю здѣсь слово: вещь, но дѣлаю это въ угожденіе моему Рецензенту, желая сблизиться съ его понятіями.

начали дѣлать выписки изъ собственной своей Теоріи, въ которой значить: „1. *Идея Художника есть усовершенствованіе, сообразное понятіямъ Художника, предметовъ существующихъ въ природѣ.*“ А скажите намъ, на чемъ основывашь будете эпошъ вашъ Художникъ требуемое вами опъ него усовершенствованіе; не получивъ опъ природы никакого къ тому средства, и почему будетъ ему извѣстно, что избранные имъ предметы не совершенны, и что онъ въ состояніи сдѣлать ихъ лучшими? Понятія же его о предметахъ, въ силу вашего положенія, должны бытъ одинаковы съ понятіями всѣхъ, но вѣдь мы не всѣ Художники. Припомъ, Господинъ С..., прошу васъ замѣнить, что въ природѣ все совершенно, хотя между совершенствомъ естественнымъ и совершенствомъ искусственнымъ есть *разница*. Я сказалъ бы вамъ нѣсколько словъ объ этой разницѣ, но боюсь, что это завлечетъ меня за предѣлы — *журнальной статьи*. — „2 *Форма не есть вещь (*) второстепенная, а главный предметъ Искусствъ; и Художникъ ничѣмъ другимъ не можетъ изобразить (!?) своей идеи, какъ только видимыми формами.* Положимъ, что

(*) Опять вещь! —

эпо правило ваше можно было бы еще какъ нибудь опнести къ Ваятелю, Живописцу и Зодчему, въ примѣръ шущъ же вами предсавленнымъ, но что остаешся дѣлать съ нимъ Музыканшу, для котораго, къ несчастію, не существуетъ въ природѣ *формъ видимыхъ*? По вашей теоріи онъ есть существъ во химерное, и вовсе неимѣющее права называться Художникомъ. — Что скажете послѣ шакого слѣдствія?...

Научишесь же, М. Г., изъ этой неудачной попышки вашей, сочините теорію, бышь въ слѣдствіи осомпришельнѣе и опнюдь не объявляйте мнѣній своихъ, о чемъ бы по ни было, безъ предварительнаго соображенія; иначе *хлопотъ не оберется*. А въ заключеніе бесѣды, прошу васъ, возмите назадъ Латинское изрѣченіе: *Non omnis Graeculus Homerus!* — Оно годится вамъ для примѣненій.

В.

Москва.

Р. С. Можеть бышь, вы, еще *что нибудь* напишете; на это скажу, что я опвѣчаю вамъ буду только тогда, когда написанное вами найду *дѣйствительно дѣльнымъ*.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Сношенія Португаліи съ Бразилією.

Въ Придворныхъ Лисабонскихъ Ведомостяхъ, напечатанъ Манифестъ сзвдующаго содержания:

„Разсмапривая нынвшнія сношенія Португаліи съ Бразилією, и сшранныя несогласія, возникшія между сими двумя Государствами, всякъ легко можетъ видѣти влѣннѣ обстоятельство, хотя и некасающихся до сихъ земель непосредственно. Сія обстоятельство произошло отъ революціоннаго состояніи, господствовавшего въ Европѣ болѣе тридцати лѣтъ, коего ужасныя слѣды до сихъ поръ еще не все изглажены. Успіаіи великихъ Союзныхъ Державъ Европы и правиломъ возстановленія законныхъ властителей, основанъ источникъ возмущеній, и споры въ печеніе многихъ лѣтъ, повергли сію часть Свѣта въ печаль и уныніе, погребали народы подъ развалинами алтарей и престоловъ, и предуготовляли цѣлыя сполнныя парварства и бѣдствій, распространеніемъ безнравственности, разрушеніемъ собственности, древнихъ обычаевъ и миролюбивой дѣятельности Сей духъ разврата и испребленія,

изгнанный изъ Европы, разлился по другому полушарію, и тамъ, за предѣлами океановъ, надѣялся найсти убѣжище отъ преслѣдованій генія, побѣдившаго его въ Спаромъ Свѣтъ; тамъ и нынѣ пишаетъ онъ дерзновенныя надежды, и явно восплаещъ на правила законнаго обладанія и общесивеннаго порядка. Прибытіе Е. В. Короля Португальскаго въ Бразилію въ 1808 году озарило лучами новаго живительнаго солнца шу спрану Государства. Новая жизнь распространилась по сей прекрасной землѣ. Король, всегда милосивый и великодушный, слѣдовалъ правиламъ просвѣщенной политики, пріивъ намѣреніе употребить, къ возвышенію Бразиліи, всѣ соспоявшія въ его власти средства, въ увѣреніи, что благоденствіе подданныхъ соспаявляетъ надежнѣйшую опору власти и славы Гоеударей, и что богатство и благосостояніе Бразиліи пѣснѣ соединяетъ ее съ общимъ ошечествомъ. Король, слѣдуя симъ благороднымъ и мудрымъ намѣреніямъ, даровалъ Бразиліи всѣ тѣ учрежденія, копорыми обезпечена независимость сей земли въ важнѣйшихъ опрасляхъ управленія, какъ-то: въ судопроизводствѣ, въ споспѣшествованіи внутреннему благососпаянію, въ распространеніи промышленности, земледѣлія, порговли, судоходства, тогда же освобожденныхъ отъ

всякаго ограниченія. Въ 1815 году, возвысилъ онъ Бразилію на степень Королевства. Изъявленія одобренія, радости и благодарности, торжественныя присяги въ храненіи вѣчной вѣрности и преданности, коими Бразильцы ознаменовали сіи благодѣянія, будущъ внесены въ лѣтописи сей страны, и послужашъ неоспоримыми доказательствомъ чувствъ, одушевлявшихъ ихъ въ то время къ высокому ихъ Благошворителю. Неужели сей великій Монархъ подавалъ имъ когда либо поводъ къ измѣненію сихъ чувствъ и даже вѣрности, которою они были ему обязаны? Опшюдь нѣшь! Между тѣмъ Португалія, врожденною вѣрностію и геройскимъ мужествомъ обитателей своихъ, и при пособіи древнихъ союзниковъ, вновь пріобрѣла свою независимость, возстановила свой престоль, и опмстила за посрамленіе: побѣдоносныя знамена сего Государства перешли черезъ берега Гаронны, за предѣлы Испаніи, для низверженія виновника бѣдствій нашихъ. Португалія боролась съ тѣмочисленными затрудненіями, которыя начались опъ давнишнихъ несчастій, и усилились новыми жертвами и налогами во время впорженія непріятельскаго въ 1807, чрезвычайными усиліями, происходившими опъ самыхъ побѣдъ нашихъ, и тѣмъ соспояніемъ испощенія ж

изнуренія, въ кошорое повержена была вся Европа, долговременною упорною войною. Сіи зашрудненія возбудили въ злоумышленныхъ Поршугальцахъ и другихъ лицахъ, соблазненныхъ кознями мяшежной шайки одного сосѣдственнаго Государства, пресшупную мысль, что они избѣгнушь сихъ бѣдшвей, приняшемъ того пагубнаго преобразованія, кошорое они, вопреки правамъ самодержавія, покусились успановишь на будущія времена въ злосчастный день $\frac{24}{12}$ Августа 1820. Въ ослѣпленіи своемъ не видѣли они, что избранныя ими революціонныя мѣры возгущъ въ ихъ опечесствѣ междоусобную войну, что они сами сдѣлаюшя первыми оной жертвами, и что, желая отвращишь наспоюще зло, они преисполняшя мѣру онаго, произведеніемъ революціи, ш. е. всеобщаго превращенія вещей. Геній хранишель Поршугалии, достославный Монархъ сего Государства, явилъ новый примѣръ милосердія, приавъ геройское намѣреніе, оставишь послѣ чешырнадацилѣшняго спокойнаго пребыванія Бразилію, гдѣ умѣренность и испинно опеческое царствование содѣлали его предметомъ искреннѣйшаго уваженія народовъ. Не взирая на выгоды, коими шамъ наслаждался, и на зашрудненія, ожидавшія его по сю спорону океана, приблизился онъ къ жерлу мяше-

та, для прекращенія вредныхъ онаго дѣйствій. Американцы съ глубокою горестію видѣли опъездъ Государя своего, и всѣ, присутствовавшіе при сей печальной разлукѣ, были свидѣтелями унынія, въ каковомъ Е. В. разстался съ своимъ возлюбленнымъ Бразильскимъ народомъ. Исполненіе важнѣйшихъ обязанностей, и шнжкія заботы, сопряженныя съ блескомъ короны, возложили на совѣсть Короля необходимый долгъ, поспѣшествъ на помощь подданнымъ не менѣе ему любезнымъ, коихъ положеніе въ то время казалось ему сомнительнымъ. Онъ одинъ могъ положить предѣлы сшраданіямъ, угрожавшимъ колыбели Португальской Державы. Онъ оставяещъ въ Бразиліи Свѣтлѣйшаго Сына своего, Наслѣдника престола, Власпишелемъ-наибсшникомъ, поручаещъ ему правленіе въ ошеушешвіи своемъ, и снабжаещъ его неограниченнымъ полномочіемъ, потребнымъ для поддержанія дарованнаго ему званія, и изложеннымъ въ повѣдѣніи Е. В. и въ инструкціяхъ ошъ 22 Апрѣля 1821. Е. В. прѣсперь попеченія свои до шой степенн, чшо прнмьль мѣры касашельно управленія симъ Государшвомъ и на шонъ случай, когда бы, по несчастнымъ и непредвѣдѣннымъ обшоношельсшвамъ, ошъ коихъ да сохранишь Богъ, пре-

крашилась жизнь Свѣпльйшаго сына его. Могъ ли Е. В., при опъздѣ своемъ, оспа-вишь убѣдипельнѣйшія доказашельсшва люб-ви и попеченія? Король, по прибышій сво-емъ въ Бразилію въ 1808, уничшожилъ коло-ніяльную систему; во время пребыванія сво-его въ сей спранѣ, усшановилъ онъ всѣ шѣ учрежденія и законы, коими обезпечивалась независимосшь управления оной, какъ особен-наго, имъ оспавленнаго Королевсшва; даро-валъ оному правленіе, которое, сколько воз-можно было безъ ограниченія полныхъ и не-раздѣльныхъ правъ самодержавія, получило ошъ него обширнѣйшее полномочіе, и кошо-рое, подъ предѣдательсшвомъ Принца, дол-женсшвало ушвердишь благоденсшвіе Бра-зиліи. Послѣ споль многихъ доказашельсшвъ всемлоспивѣйшаго вниманія, коимъ Брази-лія безъ содѣйсшвія какого-либо чуждаго влія-нія была обязана единсшвенно собсшвенной вошъ Государя, его врожденному добродушію и благошворипельной, возвышенной полиши-кѣ, коей все царсшвованіе Е. В. являешъ не-прерывный рядъ очевидныхъ примѣровъ; — могла ли возникнушь мысль, что Государь сей, кошорый привелъ въ дѣйсшво споль блиста-тельный порядокъ вещей, изобильный сча-спливѣйшими предзнаменованіями, и кошорый спшолько же ошличился мудросшію законода-

твельства своего, сколько и совѣспнымъ соблюденіемъ благородныхъ правилъ своихъ, охраненіе коихъ онъ ввѣрилъ рукамъ Принца ближайшаго его сердцу, и къ кому онъ былъ привязанъ неразрывными узами священными, рукамъ нѣжно любимаго сына, наследника его короны и правъ, копорыя онъ послѣ передалъ ему — могла ли возникнуть мысль, что сей Государь опсупишь опъ своихъ правилъ, и равнодушно будешь взирать на разрушеніе сего маяшника славы и дальновиднаго попеченія своего, маяшника, копорый перейдетъ въ лѣшописяхъ славы къ опдаленнѣйшему попомсшву? Всему міру извѣстно, что Король прибывъ, въ Поршугалію, 3 Іюня 1821, нашель Королевскую власнь свою въ рукахъ похишителей, и что сіи прошивозаконные Корпесы обнародовали шо неосторожное объявленіе, копорое призывало Принца Донъ Педра обрашно въ Европу, и съ копорымъ были сопряжены другія насильспвенныя дѣры, имѣвшія цѣлю разрушеніе зданія, воздвигнушаго мудростію Королевскою, и распросстраненіе въ Бразиліи шого же возмущенія и беззаконіе, въ копорыя они повергли Поршугалію. Все сіе клонилось къ уничпоженію Королевской власпи и къ разрушенію Государства, и основывалось на прошиворѣчащихъ между собою правилахъ и шеоріяхъ,

копорья были споль же несовмѣсны съ общимъ порядкомъ вещей, сколь наглы и пагубны. Весь Свѣтъ былъ свидѣтелемъ того геройскаго поспоянства, съ коимъ Король переносилъ всѣ сіи безумныя нападенія, и шой высокой умѣренности и дальновидности, съ коими онъ ожидалъ того мгновенія, въ которое народы долженствовали опречься ошъ сихъ заблужденій. Сіе вождельнное возвращеніе народовъ на пушь истинный воспослѣдовало скоро, и Е. В., пользуясь первыми минушами славнаго воспановленія своихъ Королевскихъ правъ, подтвердилъ всѣ благошворительныя учрежденія въ Бразиліи, и, въ качествѣ нѣжнаго опца и милосердаго Государя, поспановилъ безусловныя предѣлы всѣмъ распрямъ на морѣ и на сушѣ. Онъ былъ припомъ совершенно увѣренъ, что народы Бразильскіе будущъ благословляшъ сіе воспановленіе правиль правосудія и законности, и сіе возобновленіе Королевской власши примушъ съ живѣйшимъ воспоргомъ, копорый бы долженъ былъ воспламениться въ сердцахъ ихъ любовью и благодарностию къ благошворителю за крошкое и великодушное царшвованіе его, и что они возвращашъ подъ его Державу, ошъ коей опшожились, гонимые революціею. Благородныя, великодушныя и опкровенныя мѣры, приняныя при семъ случаѣ влаешію Е. В.,

были такого рода, что могли бы обезоружить даже самых врагов; темъ больше должныствовали бы они привести къ повинности сильнѣйшими, наследственными и ближайшими отношеніями. Послѣ всего сказаннаго, полагаемъ неизлишнимъ упомянуть о разности, которая существуетъ между основными причинами оплошенія Бразиліи и обстоятельствами, сопутствовавшими оппорженію Испанскихъ колоній: сіи причины, по сходству средствъ, употребляемыхъ повсюду къ воспаленію мясца, были часто смѣшиваемы. Привилегіи и независимое управленіе Бразиліи уже давно были утверждены законнымъ Государемъ ея, когда она возспала противъ его власпи. Сія революція не могла имѣть цѣлю вынужденія какой либо милоспи или привилегіи, копорю бы Бразилія уже не пользовалась опъ щедростъ своего великаго Государя. Народы Бразильскіе не знали бы, что опвѣчаютъ на вопросъ: чѣмъ Король Іоаннь VI подаль имъ поводъ къ негодованію, и по какимъ причинамъ сіи невинные и опкровенные подданные спшали ему чужды? Взвѣсивъ на вѣсахъ правосудія взаимныя обязанности народовъ и Государей, найдемъ ли какой либо законъ, копорый бы не охранялъ священныхъ и не-

нарушимыхъ правъ самодержавія, особенно же въ случаѣ подобномъ нынѣшнему, когда сопряжены съ онымъ снисхожденіе, великодушіе и геній благошворительности, кои содѣлываютъ Короля истиннымъ ошцемъ своихъ подданныхъ? Сколь жалко и злосчастно было бы общество человѣческое, когда бы священный союзъ народовъ и законныхъ Государей ихъ, союзъ, составляющій душу сего общества, подвергался превращенію въ прихоть и вихрь мнѣшей? Чтѣ бы сдѣлалось при такихъ правилахъ изъ непоколебимости престола, изъ спокойствія народовъ? При столь правосудномъ распоряженіи, при готовности къ примиренію, бѣдственное разглашеніе, изливающее прищворное дыханіе свое на родственныя отношенія Португаліи и Бразиліи, должно вскорѣ прекратиться. Будемъ надѣяться, что очевидныя и опроверженныя доказательствя милосердія и благосклонности, явленныя Е. В. Королемъ Бразиліи, усиленныя могущимъ гласомъ священныхъ узъ природы, вновь обращая къ всемилоштивѣйшему Монарху дань шѣхъ чувствованій, кошорыхъ онъ въ правѣ ожидать отъ обитателей сего Государства, пользовавшихся столь многими доказательствами его милосердія и любви. Благородство и долгъ, конечно возбуждая сїи чувстваванія, кошо-

рыя будущъ имѣшь равное вліянія на благо-
денствіе Бразиліи и на счастье Поршугаліи.“
(Изъ *Berl. Z.* No 189.)

VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1 8 2 5.

49. *Опыты духовныхъ стихотвореній.*
Соч. Князя Платона Ширинскаго-Ших-
матова С. П. б. 1825, въ шип. Импера-
торской Россійской Академіи, въ 8, 20 спр.
(См. No 93 Сѣв. Пч.)
50. *Два Ивана или Страсть къ тяжбамъ.*
Соч. В. Наръжнаго. Три часни. М. 1825,
въ Унив. шип. въ 8, въ 1 ч. 135, во 2й
117, въ 3й 152 спр.
(См. No 94 Сѣв. Пч.)
51. *Эмма и Эгинаръ или мщеніе Карла
Великаго. Повѣсть, Мильвуа. Пер. Дм.
Гл. М. 1825, въ шип. А. Семена въ 8, V
и 30 спр.*
(См. No. 95 Сѣв. Пч.)
52. *Правила для благородныхъ обществен-
ныхъ танцевъ, изданныя Учителемъ тан-
цованія при Слободско-Украинской Гим-
назій, Лудовикомъ Петровскимъ. Харь-
ковъ, 1825, въ Унив. шип. въ 8, 140 спр.*
(См. No. 96 Сѣв. Пч.)
- КОНЕЦЪ СТО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т О В Т О Р О Й Ч А С Т И .

	Стран.
I. Изящная Словесность.	
1. Скрышная любовь	3
2. Ошрывокъ изъ расказовъ одного пу- шешеспвеника	108
	(Оконч.) 219
3. Муфта спарушки	249
4. Сваповсшво на оборощь	315
II. Современная Исторія.	
1. Кацбахское сраженіе	54
2. Взглядъ на войну Англичанъ съ Ашан- шіями	151
III. Отечественная Литература.	
1. Предисловіе Г. Лемоншея къ изданію Басень Г. Крылова	67, 113
2. Кришика, липерашурныя и другія новости	288
IV. Общая Литература.	
О духъ Поэзіи XIX вѣка	276
	(Оконч.) 386
V. Критика.	
Разборъ Поэмы: Петръ Великій	257
	(Оконч.) 357
VI. Антикритика.	
1. Коронкій ошвѣшь на длинную Анпи- кришику	97

2. Возраженіе на спашью въ 11 Но Московскаго Телеграфа 190
3. Ошвѣсть защитникамъ Лечебника, изданнаго Княземъ Внгальчевымъ 198
4. Ошвѣсть Господину С. 399

VII. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

1. Морская сила Франціи и Сѣверной Америки "
2. Сравненіе Французской сухопутной силы при Наполеонѣ и при Карлѣ X "
3. О вліяніи нынѣшней разрабочки Американскихъ рудниковъ 95
4. О причинѣ неуспѣховъ Испанской арміи въ Южной Америкѣ 211
5. О положеніи Европейскихъ Кабинетовъ и о внутреннемъ сословіи Франціи 302
6. Сношенія Португаліи съ Бразиліею 406

VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Массилія 101
2. Шаманы 310
3. Ошривки изъ Персидской Повѣсти:
Орсанъ и Лали 312

- IX. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ** 105
218
314
416

Опечатки — въ 16 книжкѣ Сына Отечества.

Стр. 266 — строк. ошъ конца 7. Вмѣсто: злословяшь, чишай: злославяшь; стр. 311 строк. ошъ конца 15, вмѣсто: кошорыхъ изымаешь — чишай: кошорыхъ изсылаешь

